

Александр
ВОЛОДИН

*С любимыми
не расставайтесь!*

Александр Володин

**С любимыми не
расставайтесь! (сборник)**

«ЭКСМО»

2012

Володин А. М.

С любимыми не расставайтесь! (сборник) / А. М. Володин —
«Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-54962-7

Имя Александра Володина прочно связано с театром и кинематографом. Его пьесы несколько десятилетий с успехом идут на лучших сценических площадках, фильмы по его сценариям снимали известнейшие кинорежиссеры – Э. Рязанов, Г. Данелия, Н. Михалков. Искренность, редкостная правдивость, присущие его пьесам и сценариям, пронзительно звучат и в его автобиографических записках, в его прозе. И тем, что А. Володин понял и открыл для себя в жизни, он щедро и мужественно поделился с нами – его современниками.

ISBN 978-5-699-54962-7

© Володин А. М., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пьесы	5
Фабричная девчонка	5
Пять вечеров	34
Действующие лица	34
Первый вечер	34
Второй вечер	43
Третий вечер	50
Четвертый вечер	56
Пятый вечер	59
Назначение	71
С любимыми не расставайтесь!	104
Дело о разводе	104
Ирина и Митя	104
Дело о разводе	105
Митя	105
Дома	106
Дело о разводе	110
Митя и Ирина	111
Дело о разводе	112
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Александр Володин

Осенний марафон. Пьесы, сценарии, проза

Пьесы

Фабричная девчонка

Действующие лица

ЖЕНЬКА
ЛЕЛЯ
НАДЮША
ИРИНА
БИБИЧЕВ
ФЕДЯ
АННА ПЕТРОВНА
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ
НИНА
ВЕРА
МУЖЧИНА
УБОРЩИЦА
КИНООПЕРАТОР и другие

Куда бежишь, тропинка милая,
Куда зовешь, куда ведешь?
Кого ждала, кого любила я,
Уж не воротись, не вернешь...

Комната в фабричном общежитии.

Софиты на треногах.

По радио, заглушив песню, грянул текст предпраздничной передачи: «Город Ленина вместе со всей страной готовится к встрече тридцать девятой годовщины Великого Октября. В день всенародного праздника советские люди еще раз продемонстрируют свою верность делу партии, преданность идеям ленинизма...»

КИНООПЕРАТОР, бормоча и напевая, проверяет съемочный аппарат. БИБИЧЕВ наблюдает, как идет подготовка к съемке. В двери теснятся девушки из других комнат.

БИБИЧЕВ. Закройте дверь! Мешаете же, мешаете!.. Дмитрий Семенович, вы готовы? Мы готовы.

ЖЕНЬКА. Товарищ оператор, можно я желтую кофточку надену?

БИБИЧЕВ. Нечего, нечего.

КИНООПЕРАТОР. Надевайте.

Женька приоткрыла дверцу шкафа, за ней переоделась.

КИНООПЕРАТОР. Хорошо бы книжек на этажерку. Есть книги?

БИБИЧЕВ (*к тем, кто в двери*). Кто-нибудь, принесите книги. Вот ты давай, Оля.

ЛЕЛЯ. А где я их возьму?

БИБИЧЕВ. В красном уголке.

ЛЕЛЯ. А мне не дадут.

БИБИЧЕВ. Дадут. Скажи, Бибичев велел. Под мою ответственность.

КИНООПЕРАТОР. Эта кровать мешает.

БИБИЧЕВ. Эта? Девочки, кровать!

Девочки, тяжело грохнув, переставили кровать.

Принесли книги.

БИБИЧЕВ. Куда их?

КИНООПЕРАТОР. На этажерку.

Надюша, пошептавшись с Бибичевым, тоже скрылась за дверцей шкафа.

ЛЕЛЯ. Не возись, Надюша.

КИНООПЕРАТОР. Так. Свет дали, ребята. Девочки, за стол. Сели.

Загорелись софиты.

БИБИЧЕВ. Девочки, сели, сели.

КИНООПЕРАТОР. Столик на полметра сюда.

Передвинули.

Хорошо. Так, чтоб я вас никого не перепутал... (*Бибичеву.*) Отойдите, мешаете, вы в кадре. Так, комсорг кто у вас?

ЛЕЛЯ (*встала*). Я.

КИНООПЕРАТОР. Вы комсорг. Садитесь. Я вас перепишу. Так, это комсорг, клетчатое платье. Дальше кто у нас?

НАДЮША. Надежда Лапина. Пришла на фабрику после десятилетки.

БИБИЧЕВ. Вообще-то Анну Петровну надо как-то...

КИНООПЕРАТОР. Не надо Анну Петровну. Дальше.

ЖЕНЬКА. Шульженко, Евгения. Прядильщица. Желтая кофточка, с клипсами.

КИНООПЕРАТОР. Клипсы снимите, пожалуйста. Дальше.

ЖЕНЬКА. Ирина Волкова, тоже прядильщица. Шатенка двадцати лет.

БИБИЧЕВ. Шульженко! У нее свой язык есть!

КИНООПЕРАТОР. Клипсы снимите! Я же просил!

ЖЕНЬКА (*сняла*). Это – Бибичев. Освобожденный секретарь.

КИНООПЕРАТОР записал, проверил свет экспонометром.

НАДЮША. Скажите, а разговаривать можно?

БИБИЧЕВ. Лапина, не болтай.

КИНООПЕРАТОР. Можно.

НАДЮША. А с вами?

КИНООПЕРАТОР. Пожалуйста. (*Помощнику.*) Камеру. (*Подали ручную камеру.*)
Сколько там?

ПОМОЩНИК. Может не хватить.

НАДЮША. Вы с нами познакомились, а мы с вами нет. Даже не знаем, как вас звать.

КИНООПЕРАТОР. Дмитрий Семенович.

БИБИЧЕВ. Закройте дверь, сколько нужно говорить! (*Занял место перед камерой среди девушек.*)

КИНООПЕРАТОР. Товарищ, вы же в кадре!

БИБИЧЕВ отошел.

Так, начинаем со слоника, потом пойдут книжки...

НАДЮША. Дмитрий Семенович, а интересно кинооператором работать?

КИНООПЕРАТОР (*проверяя панораму*). Очень. Дальше кровать.

ЖЕНЬКА. Что-то стала интересоваться. Федору напишу.

НАДЮША. Федю я ни на кого не променяю.

Кинопедатор. Панорама, отъезд от койки, ясно. Никто не мешает. Так, девочки, все внимание сюда. Комсорг Леля, тетрадку раскройте, готовитесь к экзамену. Вы...

ЖЕНЬКА. Евгения...

КИНООПЕРАТОР. Лист бумаги. Есть лист бумаги? Пишете письмо родным.

ЖЕНЬКА. Нет родных, я детдомовская.

КИНООПЕРАТОР. Извините, тогда знакомым. (*Ирине.*) Волкова. Входите с чашками, разливайте чай. Я скажу, когда входить. (*Надюше.*) Берете книжечку с этажерки...

НАДЮША. Любую?

КИНООПЕРАТОР. Любую. Присели на кровать, читаете.

АССИСТЕНТ. Может не хватить.

БИБИЧЕВ. Сервизик бы надо.

КИНООПЕРАТОР. Не надо сервизик. Собрались, девочки. Быстро сделаем, и все свободны. Внимание! Готовы? Дали свет. (*Комната озарена.*) Волкова, за дверь, я скажу. Все готовы? Каждая занимается своим делом! Мотор! Поехали. (*Стрекочет камера.*) Слоник... Книжечки... Теперь Надя.

Надюша задумчиво посмотрела в объектив.

КИНООПЕРАТОР (*выключил камеру*). Надя! Надюша, милая! В чем дело? Девочки, в камеру не смотрит никто! Я же просил!

НАДЮША. Ой, я испортила!

КИНООПЕРАТОР. Ну конечно, испортила. Напоминаю. Вы (*Леле*) занимаетесь экзаменами. Вы (*Надюше*) читаете книжку. В камеру никто не смотрит. Понимаете? Еще раз! Свет! Внимание! Собрались! Тихо. Еще раз. Мотор! Слоник пошел... Книжки... Надежда, сейчас вы молодец... Комсорг, повыше голову... еще повыше. Задумалась... Теперь Волкова пошла. Пошла, пошла, давно пошла! Разливает чай, разливает... Хорошо. Не торопитесь... Села на свое место. Молодцы! Стоп! Спасибо, девочки. А сейчас все – в сторонку, в угол. А вы, комсорг, сидите. Свет на комсорга. (*Леле.*) Занимайтесь чем занимались, когда я скажу – посмотрите в камеру.

ЛЕЛЯ. Вы сказали не смотреть.

КИНООПЕРАТОР. Вам можно. Коля, перевези прибор.

Осветитель перевез софит, осветил Лелю с затылка.

Наезжаем. (*Приближается к Леле.*) Наезжаем, наезжаем...

ЖЕНЬКА. Леля, улыбнись! Ну улыбнись, Леля! Улыбнувшись лучше!

Леля улыбнулась.

КИНООПЕРАТОР. Стоп! (*Выключил камеру.*) Не надо улыбаться! Улыбаться не надо!.. Еще раз. Мотор! Начали! (*Леле.*) Сосредоточилась – глаза в камеру, в камеру! Стоп! Отлично! Съемка окончена, всем спасибо.

Софиты погасли.

НАДЮША (*подходит*). Дмитрий Семенович! А вы еще придете к нам?

КИНООПЕРАТОР. Внимание! Девочки! У нас с вами еще съемка в парке и подшефном детском саду.

ЛЕЛЯ. Как в саду? Мы же туда уже два месяца не ходили...

БИБИЧЕВ. Ходили, ходили. Надо только предупредить, позвонить.

КИНООПЕРАТОР. В среду после работы могли бы?

БИБИЧЕВ. Понадобится – освободим от работы. (*Девушкам.*) Книжки – в красный уголок!

КИНООПЕРАТОР. Очень хорошо, до среды. (*Жмет Бибичеву руку.*) До свиданья.

Осветители уложили аппаратуру в ящики, вынесли.

АССИСТЕНТ. Камеру менять пора.

КИНООПЕРАТОР. Это в дирекцию, это в местком, я пас, всё пора менять. До свиданья, девушки, до среды.

НАДЮША. До свиданья, заходите.

ЖЕНЬКА. Всем спасибо, всем пожалуйста, вот что такое интеллект.

ЛЕЛЯ. Книжки в красный уголок.

ЖЕНЬКА. А Надюша, видели? Ну оторва!

НАДЮША. А что такое, разъясни.

ЖЕНЬКА. Скажите, кинооператором интересно работать?

НАДЮША. На себя лучше обрати внимание.

ЖЕНЬКА. Если у него что-нибудь получится – представляете? Приходишь в кино с молодым человеком, и вдруг он видит тебя на экране. Скромное обаяние, простая, на первый взгляд, девушка.

НАДЮША. А кровати кто обратно поставит?

ЛЕЛЯ. Бибичев обещал ребят прислать.

ЖЕНЬКА. Как им нужно – пожалуйста, а как нам – никого. Ир, помоги!

ИРИНА (*она разговаривает медленно. Мысли ее не здесь*). А эти киножурналы только у нас показывают?

ЖЕНЬКА. Может, и в заграницу пошлют. Ты напиши своему. Супругу.

ИРИНА. Сегодня выхожу из проходной, думаю: там ничего этого не будет. Ничего. Все чужое. И на всю жизнь...

ЖЕНЬКА. Кого посылаем?.. Вот я бы поехала! И сготовлю, и спляшу, и вареники свяжу.

ЛЕЛЯ. Тебя там не хватало! Стыда не оберешься на всю Европу.

ИРИНА. Леля, скажи, ты бы поехала?

ЛЕЛЯ. Я бы не поехала. А ты поедешь.

ИРИНА. Почему?

ЛЕЛЯ. Потому что ты ненормальная.

НАДЮША. Где мои «Крокодилы»? Восемь штук было...

ИРИНА. Если бы я была уверена. А я знаю, что он меня все равно разлюбит.

ЖЕНЬКА. Псих! Ты pomoжешь или нет?

ИРИНА. Встречались мы с ним в нашем клубе. Гуляли в нашем саду. Он иностранный студент. Я русская девушка. Я ему казалась чем-то таким... А там буду совсем другая.

ЛЕЛЯ. Если ты ему не веришь, как же ты можешь ехать?

ИРИНА. Вот я и говорю...

ЛЕЛЯ. Книжки – в красный уголок. Давайте.

ЖЕНЬКА. Можно подумать – здесь умные люди живут. Полбиблиотеки собрали.

Девушки стали выносить книги. Вошел Бибичев.

БИБИЧЕВ. Комелькова, задержись.

Леля осталась.

БИБИЧЕВ. Чего же бледная такая... Погуляла бы немного. Кислород необходим.

ЛЕЛЯ. Ладно, Юра. Если по делу – говори.

БИБИЧЕВ. По делу, по делу... В общем, так. Звонили из «Комсомольской правды». Просили, чтобы кто-нибудь написал в газету статью под названием: «Нам стыдно за подругу». О девушке, которая относится легкомысленно, в общем, о моральном облике.

ЛЕЛЯ. А я тут при чем?

БИБИЧЕВ. Ты лучший комсогруппорг. Кому же писать, как не тебе.

ЛЕЛЯ. Нашел фельетониста. Я и писать-то не умею.

БИБИЧЕВ. Кандидатуру нужно подобрать. Чего греха таить, что, нету у нас таких, что ли? Лель! Навалом! Эта вот. *(Показывает на Надюшину койку.)* Подарок... Да? Нет? Эта вот... замуж в заграницу собралась... Здесь никого себе не нашла.

ЛЕЛЯ. А почему обязательно из нашей группы?

БИБИЧЕВ. Давай из другой. Из какой? Тогда почему не из вашей? Потому что для кино-журнала снялись? Наоборот, хорошо. Не боимся критиковать авторитеты.

ЛЕЛЯ. Я писать не буду.

БИБИЧЕВ. Леля! Там просили. Там очень просили. Чтобы в результате статьи каждый оглянулся на себя... Спросил бы себя честно, по-комсомольски: а правильно ли он живет сам?... А нет ли подобных среди подруг, друзей?.. Кто-нибудь все равно напишет. Какой-нибудь корреспондент. Лучше уж мы сами.

Леля молчала.

А насчет кандидатуры подумай, Леля. Серьезно подумай. Хорошенько приглядишься.

Вошли Надюша, Женька, Ирина.

НАДЮША. А кровати кто обратно поставит?

ЖЕНЬКА. А Бибичев ребят обещал прислать – молодых, стройных, высоких...

БИБИЧЕВ. А ну! *(Помогает поставить кровати. Лихо, весело.)* Ну, я пошел.

ЛЕЛЯ. Подожди, подожди.

БИБИЧЕВ. Леля! Леля, ты что?

ЛЕЛЯ. А с детским садом как быть?

БИБИЧЕВ. Я же говорил – позвоните.

ЛЕЛЯ. Я звонить не буду.

БИБИЧЕВ (*вздыхнул*). Так надо, Леля. Понимаешь? Надо! У меня все. (*Уходит.*)

ЖЕНЬКА. Подруга! По правде не проживешь. Учись у Надюшки.

НАДЮША. Что это – у меня?

ЖЕНЬКА. Иди-иди, расскажи Феденькиной матери, как ты к оператору подъезжала.

ИРИНА. Сказали бы по-честному: в садик не ходим, сниматься не будем.

ЛЕЛЯ. Только что на бюро отчитывалась.

ЖЕНЬКА. Вот, не надо врать вам, комсоргам.

Взяла зеркало, принялась наводить красоту.

ЛЕЛЯ. Шла бы ты... мазаться в умывальную.

ЖЕНЬКА (*раскинув руки*). Повторяем танец. Па-де-зефир. Движение ветерка. (*Напевая мелодию, танцует.*)

ЛЕЛЯ. Почему вчера на комсомольском собрании не была? Стали проверять – тебя нет.

ЖЕНЬКА. Я была. Прения начались, я ушла.

ЛЕЛЯ. Почему?

ЖЕНЬКА. Скучно стало, подруга.

ЛЕЛЯ. А от кого это зависит? От нас же самих.

ЖЕНЬКА. Что от нас зависит? Позовут – мы проголосуем.

НАДЮША. Чья бы корова... Только и делаешь – всех критикуешь.

ЖЕНЬКА. А если у меня критическое направление ума?

НАДЮША. Критиковать легче, чем делать.

ЖЕНЬКА. Хватит! Надоело. Счастливо оставаться!

ЛЕЛЯ. Куда?

ЖЕНЬКА. В клуб «Первое мая».

ЛЕЛЯ. Смотри, Женя, смотри.

ЖЕНЬКА. Чего это мне смотреть?

ЛЕЛЯ. Каждый раз попадаешь в какую-нибудь историю.

ЖЕНЬКА. А я виновата, что ко мне пристают?

ЛЕЛЯ. Ко мне что-то никто не пристает.

ЖЕНЬКА. Нашла чем хвалиться.

ЛЕЛЯ. Потому что я знаю им цену.

ЖЕНЬКА. Я тоже знаю, не волнуйся.

ИРИНА. Девки! Да что вы такое говорите! Слушать страшно. Люди всем жертвовали ради любви, сколько таких примеров! Я даже предание такое читала: в мире разбросаны половинки. И эти половинки всю жизнь ищут друг друга. И только когда они встретятся...

ЖЕНЬКА. Дочиталась. Салют, девы! (*Ушла.*)

В клубных небесах заливался эстрадный оркестрик тех лет. Скрещивались, вспыхивали лучи клубных прожекторов.

А в общежитии уже полутемно. Светится переплет стеклянного окошка, выходящего в коридор. Девушки спят. Только Женькина койка пуста.

ИРИНА (*поднимается на постели*). Девочки!... (*Ей не отвечают.*) Девочки!

ЛЕЛЯ (*не сразу*). Что?

ИРИНА. Я еду.

НАДЮША. Черт, только заснула...

ИРИНА. Надюша! Я решила. Еду!

НАДЮША. Счастливая...

ИРИНА. Не знаю.

НАДЮША. Господи! Мне бы уехать куда-нибудь... Закатиться. Другой дом, другие люди. А какие – неизвестно. Хуже нет, когда заранее все известно. (*Поднялась в сорочке, пошла к шкафу.*) Целая банка варенья была. Все съели. (*Присела за стол, доскребаёт.*) Вот – Федя. Он меня любит. И я его люблю. И мама его, Анна Петровна, меня тоже любит. И я знаю, как мы будем жить. Вот так – шкаф, так – тумбочка... А могло быть по-другому! Открывается дверь, и заходит какой-то человек...

ЛЕЛЯ. Мужчина.

НАДЮША. И говорит: «Надежда! Идем». Не стану спрашивать, куда. Пойду.

ЛЕЛЯ. Иждивенческие настроения. Кто-то придет, кто-то позовет. А сама ты что, уж не человек?

ИРИНА. Смотри, Надька. Что имеем – не храним, потерявши – плачем.

НАДЮША. Феденька – мой!

ИРИНА. Как ты странно говоришь – «мой». Если по-настоящему любишь – всегда, наверно, кажется, что ты недостойна его.

НАДЮША. Глупо.

ИРИНА. Ведь если ты его любишь, то считаешь самым лучшим человеком. Так?

НАДЮША. Ну?

ИРИНА. А он почему-то вдруг любит тебя!

НАДЮША. Значит, он тоже считает тебя самым лучшим человеком. Только не разубеждай его в этом.

ИРИНА. По-моему, есть два вида любви. Одни думают только о том, что они могут получить от любимого, а другие – что они могут дать любимому человеку.

НАДЮША. Сколько людей – столько родов любви.

ЛЕЛЯ. Мы будем спать?

Замолкли.

ИРИНА. Леля...

ЛЕЛЯ. Что?

НАДЮША. Ну, начинается. На всю ночь. Скорей бы уж уехала.

ИРИНА. Я хочу тебя спросить... Можно?

ЛЕЛЯ (*не сразу*). Можно.

ИРИНА. Ты любила кого-нибудь? Ты понимаешь, в каком смысле я спрашиваю? В буквальном.

Леля молчала.

Если не хочешь – не отвечай.

Леля молчала.

Ты скрытная...

Хлопнув дверью, входит Женька. Зажгла свет, швырнула сумочку на кровать, села за стол.

ЖЕНЬКА. Гады!

ЛЕЛЯ. Кто?

ЖЕНЬКА. Все. Какой-то чижик пристал, а меня из клуба.

ЛЕЛЯ. Так! Сколько раз предупреждала, – горох об стенку! Достукалась?

НАДЮША. Теперь начнется веселая жизнь. Пятно на всю группу.

ЖЕНЬКА. А эта только за себя дрожит!

НАДЮША. Не за себя, а за группу.

ИРИНА. Действительно, Женька. Лучшая группа.

ЖЕНЬКА. Хватит! Лучшая, лучшая – надоело! Переведите меня в худшую!

ЛЕЛЯ. Тебе не стыдно?

ЖЕНЬКА. К черту! До двадцати пяти лет молодость, а потом можно и воспоминания писать!

ЛЕЛЯ. А сейчас ты не живешь?

ЖЕНЬКА. Прозябаю!

ЛЕЛЯ. Ясно. Ну так вот, дорогая. Мне поручили написать статью в «Комсомольскую правду» о моральном облике. И если ты до того докатилась, что тебя из клуба выгнали, да еще эти твои рассуждения... Как хочешь, Женька, я напишу о тебе!

ЖЕНЬКА. Вот везуха! В газету попасть! Давай, Леля, строчи!

ИРИНА. Бессовестная ты, Женька. Пиши, Леля, я тебе помогу!

ЛЕЛЯ. И напишем! От всей комсогруппы напишем!

НАДЮША. Да вы что, девки, с ума сошли? Сор из избы выносить...

ЛЕЛЯ. А ты хочешь со всеми хорошей быть?

НАДЮША. Если у тебя плохое настроение, не срывай его на других!

ЛЕЛЯ. Со всеми хорошей быть нельзя. Как конфетку оближут!

НАДЮША. Кидаться на всех тоже не буду!

ЛЕЛЯ. Я кидаюсь, да? Кидаюсь? Кидаюсь?

ЖЕНЬКА. Вот сейчас бы вас для кино снять!

ЛЕЛЯ. Пошла ты!..

ЖЕНЬКА. Да еще со всем лексиконом!

Кинооператор сидел перед просмотровым экраном. В зале Надюша. На экране – кадры из киножурнала.

ГОЛОС ДИКТОРА. «Наш корреспондент побывал в общежитии, где живут девушки лучшей комсомольской группы фабрики. Это – Надежда Лапина, Евгения Шульженко, Ирина Волкова, а это – комсорг Елена Комелькова».

На экране Женька, Леля, Надюша. Крупно – Леля. Она оторвалась от конспектов, улыбнулась.

КИНООПЕРАТОР. Стоп! Я же просил не печатать этот кадр! В чем дело? (На экране замелькали треугольники и зигзаги. В зале загорелся свет.) Коля, перемотай и отнеси в монтажную. (Надюше.) Ну как?

НАДЮША. Все очень хорошо получились. Я одна плохо. Хуже всех.

КИНООПЕРАТОР. Секундочку. Подождите.

НАДЮША. Вы мне?

КИНООПЕРАТОР. Да, сейчас...

НАДЮША. Скажите, а вы удивились, что я вам позвонила?

КИНООПЕРАТОР. Нет, почему? Нормально.

НАДЮША. Вам, наверное, показалось, что я развязная? А я не хочу, чтобы у вас было такое впечатление. Просто так мало случается видеть в жизни интересных людей, поэтому хочется казаться чуть лучше.

КИНООПЕРАТОР. Я и не думал. Идите, встаньте сюда!

НАДЮША. Не надо на меня смотреть.

КИНООПЕРАТОР. Сумочку можно? (*Взял у нее сумку. Затем снял с нее плащ. Размотал шарфик.*)

Надюша смутилась, не знала, как это понять. Может быть, у них так положено?..

Кинооператор посмотрел на нее в объектив фотоаппарата. С одной стороны. С другой стороны. Снова подошел, развязал ленту, распустил ей волосы. Она оттолкнула его. Но тут же почувствовала себя виноватой.

НАДЮША. Простите. Ой, как глупо... Я знаю, я дура, всего боюсь.

Кинооператор щелкнул затвором. Еще раз – с другой точки. Снимал и снимал ее. Чуть сверху, немного снизу, крупней. Она была сейчас красива.

КИНООПЕРАТОР. Спасибо.

НАДЮША. Я понимаю, я для вас обыкновенная, каких тысячи. А вы... Все у вас тут необыкновенное... это ваш мир. А у нас все серо, обычно. Вон про Женьку статью написали в «Комсомольскую правду» – «Нам стыдно за подругу». Отклики пришли, все возмущаются. А если честно, то я ей даже завидую, у нее хоть что-то произошло... Я не то говорю. Все не то... Мне трудно жилось, всю жизнь разочарования... Когда мама умерла, мне шесть лет было. От меня это скрывали, а я все понимала. Только того боялась, что мне скажут – и надо будет переживать. А я ничего не переживала, глупа была! Потом отец женился второй раз, уехал, а меня соседка взяла, тетя Вероника. Никогда не забуду: сидела у нее за столом и только об одном думала, как бы лишнего не съесть. У нее настроение испортится, на ком сорвать? На мне. «Надежда, возьми чемодан, поезжай к папе и скажи: «Папа, я буду жить у тебя». Как будто у меня был чемодан! Накинешь пальтишко – и на улицу. Ходишь, ходишь, пока у нее злость не пройдет. Потом в школе с мальчиком подружилась, меня его мама полюбила, Анна Петровна. Она меня и на фабрику устроила. Вот с тех пор работаю, простая прядильщица. Но все ищу чего-то. Сама не знаю чего... Можно, я еще раз приду?

КИНООПЕРАТОР. Приходите...

Усмехнулась, понимая, что – незачем.

РАДИОРЕПОРТАЖ. Минувшей зимой вместе с молодыми патриотами Ленинграда, поехавшими на освоение целинных земель, был слесарь одного из заводов города Алексей Крючков. Свое горячее желание принести пользу Родине он выразил в стихотворении «Я еду».

В степи палаток белых ряд,
Тут же воздвигаемые здания.
Молодых строителей отряд
Растревожил сонное молчание.
Суслики пугливые из нор

Выглянут и поскорей обратно,
А вокруг распаханный простор,
Океан богатства необъятный.
И хлебам, и стройкам здесь расти,
Так расти, как это людям надо.
Приезжайте жить, а не гостить
В степи к нам, друзья из Ленинграда.

ИРИНА. Вот, еще прислали отклики. Бибичев передал, все чтоб прочли.

ЛЕЛЯ. Надюшу не видела?

ИРИНА. Нет. А что?

ЛЕЛЯ. Федор приехал.

ИРИНА. Заходил?

ЛЕЛЯ. Заходил.

ИРИНА. А Надюшка где?

ЛЕЛЯ. Неизвестно.

Женька посмеялась. Леля выключила репродуктор.

ЛЕЛЯ. Вот послушай отклики, что тут о тебе пишут. «Привет из Полоцка. Знай, Женя, что ты сама портишь себе жизнь... После вспомнишь, но будет поздно. И так уж над тобой смеются везде – и в Ленинграде, и у нас в Полоцке. А если гуляешь с каким-нибудь парнем, то он тоже погуляет с тобой, посмотрит на тебя, поматросит и бросит и тоже посмеется...»

ЖЕНЬКА. Какой ужас!

ЛЕЛЯ (*разворачивает еще одно письмо*). «Привет с Кавказа. Здравствуйте, незнакомая девушка Леля. Пишет вам незнакомый Гиви. Прошу извинения за беспокойство. Примите привет и море пожеланий в вашей молодой и цветущей жизни... Я прочитал в газете вашу статью. Дело в том, что я одинок, не имею настоящего друга. Напишите мне свою автобиографию и вышлите фото...» Ну, это не то.

ЖЕНЬКА. Подружки, не теряйтесь! Ловите женихов!

ИРИНА. А что здесь смешного? Ну хочет человек переписываться. Мало ли что.

ЛЕЛЯ (*нервно просматривает почту, ищет нужное*). Вот! «Вашу статью обсудили всем кубриком...»

ЖЕНЬКА. О! Морячки пишут.

ЛЕЛЯ. «...и пришли к выводу, что вы жестоко наказали ее...»

ЖЕНЬКА (*выхватила у Лели письмо*). Это я сама прочту. «Вы в своей статье пишете, что она неискоренима. Но В. И. Ленин – Ленин! – говорил, что девяносто девять процентов поддаются агитации или внушению. Не могла же она оказаться сотовой! Почему же вы сами не повлияли, а стали просить помощи у газеты?» Критика в ваш адрес. (*Бросила письмо, легла на кровать.*) А вообще-то, девочки, об вас о каждой можно такую статью написать... С идеальной точки зрения.

ЛЕЛЯ. Идеальных людей нет.

ИРИНА. Извини, Женя, я не о себе, но почему-то именно нашу группу все хвалят.

ЖЕНЬКА. Врем о себе много, вот и хвалят. Господи, сколько народу всполошили.

ЛЕЛЯ. Неужели ты никаких выводов для себя не сделала?

ЖЕНЬКА. Да что тебе от меня вообще надо? Что ты ко мне пристала? На весь Союз ославила, мало? За собой сначала смотри, прежде чем других учить!

ЛЕЛЯ. Меня из клуба не выгоняли!

ЖЕНЬКА. И не выгонят никогда, у тебя все будет шито-крыто!

ИРИНА. Перестань, слушать совестно!
ЖЕНЬКА. А ты уезжала бы поскорее!
ИРИНА (*со слезами*). Уеду, потерпи!
ЛЕЛЯ (*Женьке*). Что ты орешь на всех?
ЖЕНЬКА. Хочу и буду орать!
ЛЕЛЯ. Пока из комнаты не вылетела!
ЖЕНЬКА. Испугала!

В дверях Надюша.

НАДЮША. Все кричите... (*Входит в комнату, садится на стул, молчит.*) А я на студии была. Смотрела наш киноматериал... Ты, Леля, хорошо получилась. Я хуже.
ЖЕНЬКА. Оператора видела?
НАДЮША. Ну видела. А что?
ЖЕНЬКА. Смотри, Надюшка, он тебе напоеет...
НАДЮША. Ты знаешь его – так говорить?
ЖЕНЬКА. Я тебя знаю.
ЛЕЛЯ. Федор приехал.
НАДЮША. Врешь!
ЛЕЛЯ. Иди, он тебя ищет.
НАДЮША. А где он?
ЛЕЛЯ. А я-то откуда знаю. Наверно, у матери сидит.
ЖЕНЬКА. Что ж ты не идешь?
НАДЮША. А... (*Махнула рукой.*) Найдет. Я еще за ним набегаюсь, когда замуж выйду.

Постучали в дверь.

ЛЕЛЯ. Войдите.
НАДЮША. Федька! Приехал!..

РАДИОРЕПОРТАЖ. Работники завода «Красная заря» провожали своих китайских друзей, работников строящегося в Китае телефонного завода. На платформе возле вагона образовался круг и начались выступления. Нет, это был не митинг. Просто по очереди китайские и советские товарищи обращались друг к другу с сердечными словами и выражением дружеских чувств. До свидания, китайские друзья!

В общежитии сидел Федя, один. Затем вошла Ирина, принялась гладить. Появилась Леля. Взяла у Ирины утюг.

ЛЕЛЯ. Все плечики измяла. Вот как надо. Поняла? Иди уж, я доглажу.

Ирина пошла переодеваться за дверцу шкафа.

Имей в виду: и мелочи могут испортить семейную жизнь. И вообще, поменьше надо лежать. Ты как-то все лежа делаешь: читаешь лежа, вышиваешь лежа, сидишь нога на ногу, горбишься. Будь женщиной, а то там будут думать, что у нас все женщины такие.

ИРИНА. Главное в женщине – это чистые ногти и хорошая обувь. Руки-ноги, остальное неважно.

ЛЕЛЯ. Кто это тебе сказал?

ИРИНА. Надюшка. Она в курсе.

Вошла Женька. Она в пальто.

ЖЕНЬКА. Привет. (*Смотрит на Федю.*) Все сидишь?

Федя молчал.

ЛЕЛЯ. Жень!

ЖЕНЬКА. А что – Жень? Ты все за правду воюешь, вот пускай знает правду.

ИРИНА (*выглянула из-за дверцы шкафа*). Молчи, Женька.

ЖЕНЬКА. Что это я должна молчать!

ИРИНА. Мы ему тоже не чужие.

ЖЕНЬКА. А... родственники. Тогда молчу. (*Снимает пальто, ложится на кровать.*)

ЛЕЛЯ (*взглянула на часы*). Девочки, быстро в красный уголок! На беседу. (*Собрала конспекты.*) Ирина!

ИРИНА. Там Анна Петровна ждет!

ЛЕЛЯ. Жень! Поднимись.

ЖЕНЬКА. Я в нерабочее время не подчиняюсь.

Вошла Анна Петровна.

АННА ПЕТРОВНА (*Феде*). Ты здесь?

ЛЕЛЯ (*Ирине*). Идем. (*Уходят.*)

ЖЕНЬКА. Здравствуйте, Анна Петровна.

АННА ПЕТРОВНА. Давно не виделись. (*Феде.*) А Надюшка где?

ЖЕНЬКА. Скоро придет.

АННА ПЕТРОВНА (*Феде*). Не знаешь, где она? Я сижу, жду, у меня все готово, стол накрыт. Вы что, не договорились?

ФЕДЯ. Может, хватит? Давайте переменим тему.

АННА ПЕТРОВНА. Не груби.

ЖЕНЬКА. Он со мной договорился. Да, Федя?

АННА ПЕТРОВНА. А ты бы помолчала, Шульженко. Федя, выйдем-ка со мной.

ФЕДЯ. Да. Я вот с ней договорился... (*Женьке.*) Ну, чего лежишь? Собирайся.

АННА ПЕТРОВНА (*сухо*). Что-то новое.

ЖЕНЬКА. А что? С морячком потанцевать! Девчонки рухнут.

АННА ПЕТРОВНА. Кажется, натанцевалась.

ФЕДЯ. Где сегодня?

ЖЕНЬКА. Не знаю, в Парке культуры можно... Тогда я сейчас. Кофточку надену.

ФЕДЯ. Так узнают.

Анна Петровна глянула на сына, с отвращением – на нее, ушла.

ЖЕНЬКА (*танцует с партнершей-кофточкой*).

Танцуй танго.

Мне так легко.

ФЕДЯ. Ну? Прошу.

ЖЕНЬКА. Нет, дорогой, пока. Дела у меня накопились, дела.
ФЕДЯ. Пстой, подруга, эти игры не проходят.

Стал у двери, не пускает.

ЖЕНЬКА (*взяла яркий журнал, легла на койку, стала читать – так, для себя*). «В этом возрасте ваши козыри: мягкий взгляд, умение с интересом слушать собеседника и учитывать особенности вашей фигуры». (*Феде.*) Французский парикмахер пишет.

ФЕДЯ. Знаешь, давай сразу договоримся: без причуд.

ЖЕНЬКА. Не рано ли условия ставишь?

ФЕДЯ. Научен опытом.

ЖЕНЬКА. Придется переучивать.

Встала, хотела уйти – Федя удержал ее за руку.

Больно.

ФЕДЯ. Куда?

ЖЕНЬКА. В красный уголок на беседу. (*У двери оглянулась.*) Не боишься – пошли. Рядом посидишь.

ФЕДЯ. Мне бояться нечего.

ЖЕНЬКА. Со мной теперь кто рядом посидит – пятно на всю жизнь.

ФЕДЯ. Лекций не люблю.

ЖЕНЬКА. А зря, тема как раз для тебя: «Любовь, брак, семья...» Все-таки испугался, морячок? Сдрейфил.

ФЕДЯ. Стоп. (*Не в ответ на ее слова, но что-то решил.*) Пошли.

Красный уголок. Обстановка делового заседания. В сторонке за пюпитрами сидели прервавшие репетицию музыканты. За столом Леля. Бибичев следил за ходом беседы. Вошли Федя и Женька. На них оглядываются. Они садятся на свободный диванчик неподалеку от двери. Бибичев посмотрел насмешливо, сделал выводы.

ЛЕЛЯ (*тоже взглянула внимательно*). В капиталистическом обществе вся любовь...

ЖЕНЬКА. Простите.

ЛЕЛЯ. В капиталистическом обществе вся любовь сводится к влечению одного пола к другому. В нашем советском обществе интересы мужа и жены не противоречат друг другу. У нас юноша и девушка прежде всего стараются узнать культурные потребности и интересы друг друга и только после этого соединяют свои судьбы. Потому что дружба может быть без любви, а любовь не может быть без дружбы. Отмечая недостатки, имеющиеся в семейной жизни, поэт Щипачев писал (*прочитала из конспекта*):

Любовью дорожить умейте,
С годами дорожить вдвойне.
Любовь не вздохи на скамейке
И не прогулки при луне.

С правильных позиций решают вопрос семейной жизни авторы Лев Ошанин и Елена Успенская в пьесе «Твое личное дело». Сейчас наше общество подходит к завершению строительства новой, советской семьи. И решение этого вопроса зависит от каждого из нас, от молодежи!

БИБИЧЕВ (*Леле*). У тебя все?

ЛЕЛЯ. Да. (*Садится*.)

БИБИЧЕВ. Так, товарищи, у кого будут вопросы? Предложения, размышления. Обдумайте и в бой.

Молчание.

Так... Уж и тема интересная, есть о чем поговорить. Тема всем нам близкая... Ну что ж, посидим, помолчим? Между прочим, сами себя задерживаем. (*Положил перед собой часы. В зале пошумливали.*) Тихо! По делу!

УБОРЩИЦА. Давайте! Ну давайте!

БИБИЧЕВ. Не надо, Клара Павловна. Не надо! (*Стукнул по столу. Проверил, не остановились ли часы.*)

ИРИНА. Можно мне?

ЛЕЛЯ (*Бибичеву*). Волкова...

БИБИЧЕВ. Пожалуйста, Ирочка.

ИРИНА (*встала*). Что такое любовь? Все говорят по-разному. (*Села.*)

ЛЕЛЯ (*встала*). Я уже давала определение любви, надо было слушать. Любовь – это физическое влечение при единстве культурных и общественных интересов.

ИРИНА (*встала*). А еще?

ЛЕЛЯ. Что еще?

БИБИЧЕВ. Может, хватит? Может, хватит концерт из собрания устраивать?

ИРИНА. Еще как можно сказать?

ЛЕЛЯ. А как ты сама думаешь?

ИРИНА. Кто как говорит... Одни говорят – любовь это привычка. Другие – отношения. Третьи – что это само собой...

ЖЕНЬКА (*Феде*). Смех, аплодисменты.

ИРИНА смутилась, обиделась, ушла.

БИБИЧЕВ (*вслед ей*). Волкова! Волкова! Кто разрешил уходить!

ЖЕНЬКА (*Леле*). Леля! У меня вопрос! Лель!

ЛЕЛЯ. Я тебя слушаю, Женя.

ЖЕНЬКА. Ты, помнится, говорила, что настоящей любви в жизни нет, что настоящая любовь только в кино бывает. Это как понять?

ЛЕЛЯ. Это мое личное мнение.

ЖЕНЬКА. А у нас личное с общественным не расходится.

БИБИЧЕВ. Давайте не препираться. Кто хочет выступить – просите слово и вот сюда. (*Женька идет к столу.*) Ну что, обдумала?

ЖЕНЬКА. Юра! Расскажи всем, как ты любил? Где? Когда? Кого? Сколько? Поделись, Юра, впечатлениями.

БИБИЧЕВ. Шульженко, давай без партизанщины.

ЖЕНЬКА. Все ясно.

БИБИЧЕВ. Так что, будем продолжать беседу? Тогда опять я скажу два слова. Партия нас учит – что? (*Уставил палец в одну из девушек и сам за нее ответил.*) Партия нас учит вскрывать имеющиеся недостатки. Вот мы говорим – культурные интересы, моральный облик. А правильно ли мы живем сами, товарищи? Товарищи! Иванов, заснул! Подними голову! Нет ли среди нас таких, кто унижает звание комсомольца? (*Голос из зала: «Есть».*) А мы молчим!

ЖЕНЬКА. Ну, ты-то не молчишь.

БИБИЧЕВ (*не слушая*). Вот эта безынициативность с вашей стороны – явление, лежащее в нас самих, но оно и является обратной стороной недостатков в работе нашей комсомольской организации.

ЖЕНЬКА. Сейчас про меня скажет.

БИБИЧЕВ. Умница, Шульженко, о тебе я и хочу сказать. Ни для кого не секрет, что нашу комсомолку Женю Шульженко с позором вывели из клуба...

ЖЕНЬКА. Оживление в зале.

БИБИЧЕВ. Также ни для кого не секрет, что этот факт попал на страницы... получил, так сказать...

ЖЕНЬКА. Международное звучание.

БИБИЧЕВ. И вот в связи с этим вопросом о любви и дружбе, который мы сегодня затронули здесь, хочется прочесть одну цитату из одного письма в адрес... (*Указал на Женю.*)

Вынул из стопки одно письмо, прочитал:

«И так уж над тобой смеются везде – и в Ленинграде, и у нас в Полоцке. А если ты гуляешь с каким-нибудь парнем, то он тоже погуляет с тобой, посмотрит на тебя, поматросит и бросит и тоже посмеется».

ЖЕНЬКА. Пока еще никто не бросал. Могу, наоборот, уступить.

БИБИЧЕВ. Шульженко, прекрати балаган!

ЖЕНЬКА. Другой бы на твоём месте спасибо сказал. Если б не я, о ком бы ты на всех собраниях разглагольствовал?

БИБИЧЕВ. И вот, товарищи, пока у нас будут существовать такие явления, как Шульженко, до тех пор мы и будем, товарищи, не разглагольствовать, как ты выразилась, а говорить! (*И – с пафосом, иступленно.*) Только говорить честно! Принципиально! По-комсомольски! Ясно? (*Деловито – Леле.*) У нас все в повестке?

ЛЕЛЯ. Все.

БИБИЧЕВ. Какие будут предложения?

УБОРЩИЦА. Лекция хорошая, побольше бы таких. (*Взяла со стола графин, ушла.*)

БИБИЧЕВ (*вслед, возмущенно*). Клара Павловна! Клара Павловна!

Музыканты снова приступили к репетиции, марш тех времен.

БИБИЧЕВ (*наклонился к Леле с каким-то вопросом, но та, не ответив, ушла*). Тогда все.

УБОРЩИЦА. Расходитесь, молодежь, спать пора. (*Стали расходиться.*)

Бибичев со значением, для Феди, положил на стол газету со статьей о Шульженко, тоже ушел.

ЖЕНЬКА (*Феде*). Нет твоей симпатии. Не вернулась...

ФЕДЯ. Ты-то что волнуешься?

ЖЕНЬКА. Беспокоюсь за строительство новой семьи.

ФЕДЯ. Не твоя забота.

ЖЕНЬКА. Гордый какой, сил нет! Ладно, морячок, посидели. Тебе к маме пора. Иди, не упади.

УБОРЩИЦА (*возвращается*). Сколько говорить?! Красный уголок для мероприятий, а не для разврата.

ФЕДЯ. Пока, приятных снов. (*Уходит.*)

УБОРЩИЦА. За курсанта принялась. Ох, Шульженко, доиграешься, смотри... Всё. Гашу. *(Выключила свет.)*

РАДИОРЕПОРТАЖ. Горняки обсуждают план шестой пятилетки. В Узбекистане началась уборка хлопка. Кукуруза трехметровой высоты. Вертолет над садами. Комсомольская путевка. Бескамерные шины для автомобилей. Новый сезон в Московском театре эстрады.

НАДЮША. Сюда...

Ввела за руку Федю. Темно, Женька не видна. Обняла его, целует.

Бедненький мой, ждал? Ну прости... Тоска напала, бродила по улицам, промокла вся. Потрогай, волосы мокрые. А знаешь, где я была? В нашем садике была, около тети Вероники. Села на скамейку, сижу, а дождик трап-трап по кустам, осенью пахнет, мокрой листвой... Песню нашу вспомнила. Помнишь нашу песню? *(Пропела.)* Куда бежишь, тропинка милая... *(Федя молчал.)* Что-то старое стала вспоминать. Маму, тетю Веронику.

ФЕДЯ. Болеет второй месяц. Правая сторона отнялась.

НАДЮША. Ты был у нее?

ФЕДЯ. Заглянул. О тебе вспоминала.

НАДЮША. Жаловалась?

ФЕДЯ. Зачем? По-хорошему вспоминала. Рассказывала, как тебя в корыте мыла. Тощенькая, говорит, лопаточки торчат, одно плечо выше другого...

НАДЮША. А как между лопаток была: сиди ровно, не говорила?

ФЕДЯ. Теперь, говорит, она у меня как стрелочка.

НАДЮША. У меня... Это еще неизвестно, кто кому нужнее был? Она мне или я ей?

ФЕДЯ. Ты всем нужна.

НАДЮША. Да вот тебе, Федя, не нужна. Думаешь, я не знаю, кто нас разводит? Подружки мои дорогие! Что они тебе сказали, ну?

ФЕДЯ. Что они могут такого сказать, чего бы я сам не знал?

НАДЮША. Разлюбил? А может, и не любил никогда?

ФЕДЯ. А ты не знаешь?

НАДЮША. Я теперь ничего не знаю.

ФЕДЯ *(обнимая)*. Сначала жалел тебя. Потом... влюбился. Думал, что мы с тобой как один человек. Ты стихи любишь, я стихи люблю, ты оперу не любишь, я оперу не люблю. В общем, единство культурных и общественных интересов. И ты успокоилась. А что, «Феденька – мой...». А продешевить – боязно, вдруг кто-нибудь получше найдется?

НАДЮША *(оттолкнула его)*. Неужели ты думаешь, если бы я искала, то получше бы не нашла?

ФЕДЯ. А вдруг не найдешь? Тогда и Феденька сгодится?

НАДЮША. Чего ты хочешь? Чего? Взялся душу точить!

ФЕДЯ. Больше точить не буду. Последний раз. Все.

НАДЮША. Стой!.. Ну, хочешь, стукни на прощанье. Может, легче станет. Не хочешь? Ну тогда поцелуй. Сам ведь сказал, в последний раз. *(Смотрит в глаза.)* Ну?

Федя не устоял. Долгий поцелуй.

НАДЮША *(оторвалась)*. Самому потом стыдно станет. Я-то тебе все прощу.

ФЕДЯ. И сейчас врешь! *(Ушел.)*

НАДЮША *(устало)*. Господи, надоели вы мне все... *(Пропела самой себе.)*

Куда бежишь, тропинка милая,
Куда зовешь, куда ведешь...

(Заплакала.)

ЖЕНЬКА. Детдом вспомнила... Помню, в пионеры принимали. Выстроили всех на линейку, а я запаздывала. Бегу по коридору, темно, холодно, и вдруг слышу по радио – «Интернационал». Я остановилась, подняла руку в салюте и так стою и что-то чувствую...

Общезитие. Леля лежит на кровати, уткнувшись в подушку. Встала, принялась стирать. Вошел Бибичев.

БИБИЧЕВ. Одна?

ЛЕЛЯ. Одна. А что?

БИБИЧЕВ. Что бледная такая, Леля? На улицу надо, там кислород.

Помолчали.

ЛЕЛЯ. Еще что?..

БИБИЧЕВ. Поручение есть небольшое.

ЛЕЛЯ. Слушай, Юра. Хочешь поговорить – говори. А то каждый раз какие-то дела, поручения придумываешь. Прямо напасть какая-то.

БИБИЧЕВ *(некоторое время стоял неподвижно, молчал, потом присел рядом)*. Ну, что в группе?

ЛЕЛЯ. Ничего, работаем...

БИБИЧЕВ. Как Шульженко?

ЛЕЛЯ. Господи, опять! Будто сам не знаешь.

БИБИЧЕВ. Знаю, знаю. Уже вся фабрика знает. А морячок тоже хорош. Не успел в отпуск приехать. Придется опять на общем собрании ставить вопрос.

ЛЕЛЯ. А если он ей серьезно понравился?

БИБИЧЕВ. Леля! Леля! А если мне серьезно чужая жена понравится?

ЛЕЛЯ. Ты, Юра, другой человек.

БИБИЧЕВ. Нравится, не нравится. Не в том дело. Распущенность, расхлябанность, безответственность, вот что это такое. Воспитываем, воздействуем, призываем – и хоть бы что! Ведь для них же, ради них же все это! Ничего не хотят понять. Для себя минуты свободной нет. Год уже, наверно, как в кино не был. Стыдно сказать, книжку некогда прочитать... *(Взял с койки книгу, посмотрел заглавие.)* Достоевский. Небось «Братья Карамазовы». А вот не читал. Кстати, интересно?

ЛЕЛЯ. Ничего.

БИБИЧЕВ. Прочитаешь, дашь прочесть?

ЛЕЛЯ. Хорошо.

БИБИЧЕВ. Хотя все равно времени нет. То одно, то другое.

ЛЕЛЯ. Да, Юра, нелегко тебе на свете жить.

БИБИЧЕВ. Ничего, проживу.

ЛЕЛЯ. Проживу! Говоришь, как будто комсомольское поручение выполняешь.

БИБИЧЕВ. Не всем же для собственного удовольствия жить.

ЛЕЛЯ. Хотя для собственного удовольствия тоже кому-то надо. Ладно, Юра, давай снимем этот вопрос с повестки. Не найти нам тут общего языка. Разные мы с тобой.

БИБИЧЕВ. Мы с тобой пока по одной дороге идем. Почему же разные? *(С некоторой торжественностью.)* Леля! *(Леля молчала.)* Если у тебя есть трудности на жизненном пути, то имей в виду – рука об руку их легче преодолеть.

ЛЕЛЯ *(ласково усмехнулась)*. С кем, Юрочка, с тобой?

БИБИЧЕВ. Я знаю, у тебя нет ко мне сильного чувства, но, помнишь, ты сама говорила: «Любовью дорожить умеете! С годами дорожить вдвойне». Любовь, Лель, ведь не на скамейке при луне...

ЛЕЛЯ *(удивилась, усмехнулась)*. Ты что, замуж меня хочешь взять?

БИБИЧЕВ *(сипло)*. Я все сказал... Решай. *(В смущении помогает ей развешивать белье.)*

ЛЕЛЯ *(и смешно это ей, и неожиданно)*. Ну, Юра... да. Ты, Юра, порядочный человек. На тебя можно положиться... А что, я бы пошла за тебя.

Бибичев постоял, ошеломленный, потом подошел вдруг и обхватил ее, да попросту так – не совладал с собой.

Леля оторопела, едва вырвалась. Рассмеялась такому его напору.

Юрка, ты что? Так, сразу...

Он молчал в замешательстве, виноватый.

Леля посмотрела внимательно и сказала уже серьезно:

Да вот ты меня не возьмешь.

БИБИЧЕВ. Возьму.

ЛЕЛЯ. Нет, Юра, не возьмешь... Приданое у меня есть.

БИБИЧЕВ *(возбужденно, весело)*. Какое приданое?

ЛЕЛЯ *(достала фотографию, положила на стол)*. Вот.

БИБИЧЕВ *(взял карточку)*. Кто это?

ЛЕЛЯ. Дочка у меня, Юра, Аллочка.

БИБИЧЕВ *(не сразу понял)*. Врешь!

Разглядывал карточку, склонясь над столом. Посмотрел на Лелю. Начинает верить.

Где она?..

ЛЕЛЯ. У матери. На разъезде.

БИБИЧЕВ. А кто... отец?

ЛЕЛЯ. Нету.

БИБИЧЕВ. Как нету?

ЛЕЛЯ. А так.

БИБИЧЕВ *(потрясен)*. И ты могла?

ЛЕЛЯ. Он не хуже других.

БИБИЧЕВ. Почему же вы не поженились? Если он советский человек. *(Вспомнилась Ирина.)* Кстати, он советский человек?

ЛЕЛЯ. Советский, советский, Юрочка! Только женатый.

БИБИЧЕВ. Значит, он тебя обманывал?

ЛЕЛЯ. Нет, я знала.

БИБИЧЕВ. Ты знала? Знала, что он женат?

ЛЕЛЯ. Это для меня не имело значения.

БИБИЧЕВ. Чушь. Бред какой-то!.. *(Стукнул кулаками, лбом в дверцу шкафа.)* Или ты, Леля, надо мной издеваешься...

ЛЕЛЯ. Или... Юра?..

Тот молчал. Она хотела взять фотографию, но Бибичев убрал ее со стола.

БИБИЧЕВ. Значит, ты могла проводить беседы о советской семье, о моральном облике! Оборотень какой-то! Хамелеон!..

ЛЕЛЯ. Видишь, я же говорила.

БИБИЧЕВ. Ну вот что, Леля. Ты пока об этом молчи. Никому об этом. Ни слова. Поняла?

ЛЕЛЯ. Четыре года молчу. Хватит, намолчалась.

БИБИЧЕВ. А я говорю – молчи! Не позорь себя, успеешь! О комсомольской организации ты подумала? Что о нас скажут, подумала? Тебя подняли, создали авторитет! Ты комсогруппорг!

ЛЕЛЯ. Я не просила.

БИБИЧЕВ (*пометался по комнате, остановился*). Что же касается наших личных с тобой планов – пока могу сказать одно. (*Молчал, думал, как точнее сказать.*) Очень ты меня огорчила. И как мы сумеем решить этот вопрос – не знаю... Не знаю, Леля.

Положил фотографию в карман, пошел к двери, Леля стала перед ним.

ЛЕЛЯ. Отдай.

Бибичев хотел пройти – она закричала:

Отдай!

БИБИЧЕВ. Пропусти.

Леля кричала, ненавидя, давясь слезами:

ЛЕЛЯ. Отдай! Слышишь!

БИБИЧЕВ. Пропустите, Комелькова.

ЛЕЛЯ. Отдай!

Изо всех сил уперлась ему в грудь, толкнула. Бибичев от неожиданности сел на койку. Леля сорвала с веревки полотенце, стала хлестать его по лицу.

Ты-то тут при чем! Мое дело! Я сама так решила! Так решила сама!

Бросила полотенце, упала на свою кровать, рыдала.

Бибичев встал, положил фотографию на стол, медленно вышел.

Леля схватила со стола фотографию, поцеловала ее. Из коридора снова слышался голос Бибичева. Он ворвался в комнату.

БИБИЧЕВ. Ты решила? Ты решила! А я?.. А мне что теперь делать? Что делать! Я два года!.. Три!.. (*Сел на стул, уронил голову. Несчастен сейчас.*)

ЛЕЛЯ. Мне тебя жалко, Юра. Правда жалко...

Радиомарши тех времен, радиопесни тех лет. Ирину провожали в Болгарию. Леля, Женька, Надюша и Нина, новенькая.

ЛЕЛЯ. Ну что, сядем? (*Девушки сели.*) Давай, Ирка, чего уж тянуть. Болгария ждет.

ИРИНА (*новенькой*). Иди сюда. (*Подвела к своей койке.*) Ну, вот... Спать ты будешь здесь. На моем месте... Не стесняйся. Девушки у нас хорошие, лучшая комсогруппа... (*Замолкла.*)

НИНА. Я знаю.

ИРИНА. Девушки неплохие... (*Замолкла.*)

ЛЕЛЯ. Ну вот, начинаются сопельки.

ЖЕНЬКА. Да что вы, ей-богу! Дружественная страна, в конце концов!

ЛЕЛЯ. И бегом, бегом, опаздываем.

ЖЕНЬКА (*сняла клипсы, нацепила ей*). Пригодится, Ир. Там наше будет все равно что импортное.

ИРИНА. Вы идите, я сейчас, догоню...

Подруги вышли. Ирина постояла, пошла.

В комнате осталась новенькая, Нина.

Радиопесни тех лет, радиомариши тех времен.

Громыхали прядильные машины. Бибичев раздавал девушкам новые фартуки.

БИБИЧЕВ. Быстро, быстро! Не возитесь, надевайте!

Девушки надевают фартуки.

НИНА. Мне велик.

БИБИЧЕВ. Ничего, не страшно. (*Ушел.*)

НАДЮША. Кто-нибудь приехал?

ЛЕЛЯ. Приехал.

ЖЕНЬКА. Кто?

ЛЕЛЯ. Из главка кто-то.

БИБИЧЕВ (*вернулся*). Сюда. Быстро! (*Леле.*) Вот газета. Вот статья. Комелькова, читай!

ЛЕЛЯ. Что за статья?

БИБИЧЕВ. Прочтете – узнаете. (*Все слушают читку газеты.*) (*Убежал.*)

ЛЕЛЯ (*читает в голос – стучат машины*). «Пустозвон». Фельетон...

НИНА. А когда представитель уедет – фартуки обратно заберут или в пользование оставят?

НАДЮША. Ты можешь помолчать? Давай, Леля!

ЛЕЛЯ. Фельетон. «Пустозвон». «Зимним вечером к директору МТС вошел незнакомый человек в каракулевой шапке...»

БИБИЧЕВ (*кричит*). Где книга комсомольских постов?

ЛЕЛЯ (*кричит*). В столе!

БИБИЧЕВ. Что она там делает?

ЛЕЛЯ. Лежит!

БИБИЧЕВ. Повесить надо было, на гвоздик!

НАДЮША. Давай, Леля, читай!

ЛЕЛЯ. «Пустозвон». Фельетон. «Зимним вечером к директору МТС вошел незнакомый человек в каракулевой шапке...»

НИНА. Девки! Они там сумки, туфли из шкафчиков вытаскивают. Все – в мешок!

ЛЕЛЯ. Тебе что – больше всех нужно?

НИНА. У меня там сардельки!

НАДЮША. Не пропадут твои сардельки.

НИНА. Идут.

НАДЮША. Все. (*Леле.*) Читай.

ЛЕЛЯ (*читает*). «Пустозвон». Фельетон. «Зимним вечером к директору МТС вошел незнакомый человек в каракулевой шапке...»

Входят Бибичев, Анна Петровна и представитель главка Макаров.

МАКАРОВ. Здравствуйте, красавицы!

ВСЕ. Здравствуйте.

БИБИЧЕВ (*Макарову*). Это наша лучшая комсомольская группа. (*Представляет, тоже в голос, под стук машин.*) Можете познакомиться! Комелькова – комсогруппорг! Представитель главка!

МАКАРОВ. Макаров. (*Пожал руку Леле.*)

ЛЕЛЯ. Комелькова!

БИБИЧЕВ. Можете поговорить!

МАКАРОВ. Ах, и поговорить можно?

БИБИЧЕВ. Вы чем занимаетесь?!

ЛЕЛЯ. Мы читаем!

БИБИЧЕВ. Тут у нас политминутка, товарищ Макаров. Без отрыва!

МАКАРОВ. Интересная статья?

ЛЕЛЯ. Про директора МТС.

МАКАРОВ. Что же приключилось с этим директором?

НАДЮША. Пока что ничего. Пришел человек в каракулевой шапке.

ЖЕНЬКА. Поздним вечером.

МАКАРОВ. Интригующее начало. Ну, как вам живется, как работается?

НАДЮША (*бодро*). Хорошо!

МАКАРОВ. Никто вас не обижает?

НИНА. Никто.

АННА ПЕТРОВНА. Они сами кого хочешь обидят.

МАКАРОВ. Есть ко мне вопросы?

Девушки молчали.

Нет вопросов. Ну что ж, читайте, отдыхайте. До свидания!

ЖЕНЬКА. У меня вопросик. Можно?

МАКАРОВ. Конечно.

ЖЕНЬКА. Вам понравилось у нас?

МАКАРОВ. Пока особых претензий нет, а там посмотрим.

ЖЕНЬКА. А там тоже не будет. Зря, что ли, мы целую неделю машины чистили, вас ждали!

МАКАРОВ. Молодцы!

ЖЕНЬКА. Так чистили, что нормы перестали давать. А уедете – совсем чистить не будем. План-то надо нагонять!

БИБИЧЕВ (*Макарову*). Шульженко. О ней в «Комсомольской правде» писали. Не читали случайно?

МАКАРОВ. К сожалению, не успел. Хорошая производственница?

ЖЕНЬКА. Сто двадцать процентов!

АННА ПЕТРОВНА. Только писали, к сожалению, про другое.

БИБИЧЕВ. Про безобразия писали. Из клуба выгнали. С позором.

ЖЕНЬКА. Опять повернули!

АННА ПЕТРОВНА (*Женьке*). Ты гостей дома ждешь – принаряжаешься?

ЖЕНЬКА. То гости, а то представитель.

МАКАРОВ (*тихо*). Анна Петровна...

АННА ПЕТРОВНА. Мне шестой десяток пошел, характер менять не собираюсь. Ну, все высказались? Может, еще кто-то хочет сказать? Ну, говорите! (*Молчали.*) Что же вы, такой случай подвернулся!.. Товарищ Макаров, проследуем в цех.

МАКАРОВ. Да уж, простите, красавицы, рад бы побеседовать, время поджимает! Да и годы уж не те!

Проследовали в цех.

ЛЕЛЯ. Работать, красавицы.

БИБИЧЕВ. Ну что, докритиковалась? Думаешь, теперь тебя тронуть побоятся? За критику, мол, страдаешь? Дорогая моя, эта демагогия нам известна! У нас на нее другая демагогия есть!

РАДИОРЕПОРТАЖ. Комсомольская путевка! Сотни молодых энтузиастов поведет она в Казахстан и Сибирь, на Алтай и в Поволжье, туда, где советские люди в упорной борьбе поднимают целинные земли. Большие дела ждут молодых патриотов! В добрый путь, дорогие друзья!..

ЖЕНЬКА. Уезжаешь?

ФЕДЯ. Уезжаю.

ЖЕНЬКА. Письма будешь писать?

ФЕДЯ. Нет.

ЖЕНЬКА (*без обиды*). Ну почему же, Феденька?

ФЕДЯ. А что с вами переписываться? Одному открытку шлете, а с другим гуляете.

ЖЕНЬКА. И то верно... Скажи, пожалуйста, а в училище, наверно, трудно, я в смысле дисциплины? Я бы дня не выдержала, меня сразу бы на эту, на гаубицу посадили.

ФЕДЯ. На гауптвахту.

ЖЕНЬКА. Чудно. Ты раньше был не такой – ты был тихий, скромный, маменькин сынок. В библиотеку бегал. Федя Козлов. Помнишь? Как это ты вдруг стал моряком, даже странно...

ФЕДЯ. Захотел и стал. Человек тем и отличается от животного, что может себя преодолеть.

ЖЕНЬКА. Ну, тогда я животное. Непреодолимое.

ФЕДЯ. Сколько времени тебя знал – не обращал внимания.

ЖЕНЬКА. Вот вы хороших-то и не замечаете.

ФЕДЯ. И на внешность ты ничего, подкупающая...

ЖЕНЬКА. Уже плюс.

ФЕДЯ. А какой-то винт у тебя не в ту сторону вращается.

ЖЕНЬКА. Это верно. Одиозная я.

ФЕДЯ. И ведь считаешь, что это хорошо. Тут, прости, не могу понять. С матерью погрызлась, с подругами поцапалась. Что хочешь доказать? Какая я исключительная? Так ведь никто не хуже тебя, пойми, Жень! И выпады твои – подожди – это ведь все для эффекту, лишь бы сказануть. Любишь быть в центре внимания, а?

ЖЕНЬКА. Убедил, Федь. И правда, чего шуметь-то, мастер перед рабочими никогда не будет виноват. Смирная буду, Федь! Как восточная женщина!

Появилась Анна Петровна.

АННА ПЕТРОВНА. Ты как, замуж за него собралась или так, погулять?

ЖЕНЬКА. А не знаю, как получится. Может, так погуляю, а может, женится.

АННА ПЕТРОВНА. Честная, да? Всем предъявляешь свою честность. Да? Никого не щадишь. Ты думаешь, представитель этот не знал, что мы машины чистим? Да он за неделю звонил, чтобы мы подготовились. Душу отвела? Всем назло? Теперь за Федьку взялась? Стоишь тут у всех на виду, не постеснялась. В последний день! Надюша два года его ждала. Ему напели, он уши-то и развесил. Как ей теперь быть перед всеми? Перед людьми?

ФЕДЯ. Мам, не надо.

АННА ПЕТРОВНА. Молчи! Не успел приехать, связался. И на кого, спрашивается, сменил? (Женьке.) Ручки-то, оказывается, хваткие у тебя. Лишь бы заграбастать! (Феде.) Федя! Я пошла. Если она на вокзал придет провожать – я уйду. Так и знай. (Ушла.)

Федя стоит, не знает, как быть.

ЖЕНЬКА. Федя, ты иди. Догони ее. Мать есть мать.

ФЕДЯ. Ну так что. Счастливо оставаться, Женя.

ЖЕНЬКА. Кто же так прощается, Федь? (Обхватила его за шею. Долгий поцелуй.)

Нина лежала на койке, слушала радио: «Мелодии прошлых лет. Слушать их всегда приятно, как будто встречаешь старого доброго приятеля. И встреча эта пробуждает дорогие воспоминания, а иногда и улыбку. И наверно, многие из вас послушают сейчас старую запись...» Звучит песня и по тем временам старая. Из-за нее-то Нина забыла о сковородке. Спихнулась, побежала на кухню, вернулась с обуглившейся картошкой. Стала выбирать – оказалось, ничего. Снова легла на койку, утешилась песней.

ЛЕЛЯ (вошла). Не приходила?

НИНА. Да нет...

ЛЕЛЯ. На Васильевском была. Там старуха глухая. Спрашиваю: «Валентина здесь живет?» Смотрит, глазами хлопает. «Женька, говорю, к ней не приходила, подруга ее, не приходила?» Захрипела что-то в ответ, дверью хлопнула... В Саблино надо съездить, она там угол снимала.

НИНА. Подумаешь, три часа на трамвае. Вот дослушаю и съезжу.

Зазвонил будильник.

ЛЕЛЯ. Господи! Опять.

Нина побежала к тумбочке, перевела часы.

Жили до тебя без будильника. Никто никуда не опаздывал.

Вошла Надюша. Она заметно изменилась. Достоинство и томность.

НАДЮША. Душно как у вас... (Смотрит на Нину.) Опять сожгла. (Подходит к столу, садится, смотрит на Лелю.) Причесалась бы. (Хотела попить.) Вода теплая, чашки не помыты... (Подошла к своей кровати, вытащила чемодан, открыла.) Кстати, билет придется менять?

ЛЕЛЯ. Какой билет?

НАДЮША. Комсомольский. Мне ведь теперь все документы менять на новую фамилию придется.

ЛЕЛЯ. Ты что, замуж выходишь?

НАДЮША (*удивленно*). А я разве не говорила? Мне казалось, что уже все знают.

ЛЕЛЯ. За кого?

НАДЮША. За Леонида Михайловича Окунева. Старший лейтенант.

ЛЕЛЯ. Мы думали, ты с кинооператором встречаешься.

НАДЮША. Вспомнила. Я ему как-то позвонила... Станный он какой-то, все молчит, молчит... А с Ленечкой мы уже давно встречаемся. Ленечка – мой!

ЛЕЛЯ. Слава богу! А мы-то, дуры, переживали, что Федя тебя покинул.

НАДЮША. Меня? Я сама кого хочешь покину. (*Вернулась к своему чемодану.*) Леля, не хочешь, тебе платье оставлю? Оно старенькое, но еще хорошее.

ЛЕЛЯ. Спасибо. У меня есть.

НАДЮША (*Нине*). На-ка, примерь.

Нина прикинула платье, ей нравится. Но, взглянув на Лелю, сказала:

НИНА. Очень надо! (*Бросила платье на Надюшину кровать.*)

НАДЮША. Была бы честь предложена. А где же эта наша пропащая душа? Не появлялась?

ЛЕЛЯ. Нет еще.

НАДЮША. Шуточки – три дня прогул.

Постучали в дверь.

ЛЕЛЯ. Войдите!

В комнату вошли пожилой мужчина и тихая девочка со связкой книг.

МУЖЧИНА. Здравствуйте.

ЛЕЛЯ. Здравствуйте. Вам кого?

МУЖЧИНА. Мне никого. Вера, ну что стоишь в дверях? Проходи, закрой дверь. Поздоровайся. Познакомься с девушками. Вот, дочку вам привел. (*Девушки переглянулись.*)

ВЕРА. Здравствуйте. (*Кивнула головой. Девушки кивнули в ответ.*)

НАДЮША. Нам только дочек не хватало.

МУЖЧИНА. А у нас направление. Вот.

НАДЮША. Какое направление?

Мужчина протянул бумажку. Надежда взглянула, передала Леле.

ЛЕЛЯ (*прочитав*). Напутала комендантша. Нет у нас свободных мест.

МУЖЧИНА (*растерялся*). Как же это? Сказали, что есть – у вас кто-то уволился. Фамилию называли, на букву Ж.

ВЕРА (*тихо*). Шульженко.

МУЖЧИНА. Шульженко у вас уволилась. Место свободно.

Пришла уборщица с комплектом постельного белья. Вручила мужчине.

УБОРЩИЦА. Держите комплект. И распишитесь.

МУЖЧИНА (*хотел расписаться, но в руках у него белье*). Распишись, Вера.

Вера расписалась.

НАДЮША. Вот это номер!

ЛЕЛЯ. Что за чепуха! Нина, сбегай-ка, найди Бибичева. (*Нина убежала. Уборщица идет к койке Женьки, сдергивает одеяло.*)

ЛЕЛЯ. Погодите убирать!

УБОРЩИЦА. Велено – убираю.

ЛЕЛЯ. Я сама принесу. Под свою ответственность.

МУЖЧИНА. Что же, люди пришли, так и будут стоять?

ЛЕЛЯ (*мужчине*). Вы пока садитесь. (*Уборщице.*) И вы садитесь. Сейчас Бибичев придет, разберется.

Уборщица стоит, опершись на щетку, как на ружье.

МУЖЧИНА. Садись, Верочка.

Вера и ее отец сели на стулья у Женькиной кровати.

УБОРЩИЦА. Некогда мне! Что мне ваш Бибичев. У меня свое начальство, пусть оно и разбирается. (*Мужчине.*) Не уходите никуда, я сейчас. (*Ушла.*)

МУЖЧИНА. Из Починка мы Смоленской области. Дочка кончила десять классов, поехала в Ленинград, в институт сдавать... Не сдала. Подумали-подумали – чего время терять! Пусть поработает у вас тут, а на будущий год в вечерний институт поступит.

Вернулась Нина.

НИНА. Идет! Не хотел!

Пришел Бибичев.

МУЖЧИНА. Нас направили сюда.

ЛЕЛЯ. Говорят, Женьку уволили.

МУЖЧИНА. Говорят, мест нет, а у нас направление.

ЛЕЛЯ. Говорят, Женьку уволили.

БИБИЧЕВ. Уволили. И правильно сделали.

НИНА. Уволили?!

БИБИЧЕВ. А что вы так удивляетесь? Кто не хочет работать – насильно не заставишь.

ЛЕЛЯ. Спокойно, Нина.

НИНА. Спокойно.

БИБИЧЕВ (*подошел к Вере, смотрит внимательно*). Сколько лет?

МУЖЧИНА. Семнадцать.

ЛЕЛЯ. Какая формулировка в приказе?

БИБИЧЕВ. За прогул.

ЛЕЛЯ. Понятно. Позаботились, чтобы ее и на другое производство не взяли?

БИБИЧЕВ. Да при чем тут я? Как будто я приказы подписываю.

ЛЕЛЯ. Думаю, без тебя не обошлось. Куда же она теперь? С этой формулировкой?

БИБИЧЕВ. Она не посчиталась с фабрикой, фабрика не посчиталась с ней. (*Уборщице.*) Убирайте!

НИНА. Поторопились-то как! Не успели человека уволить – уже койку занимают!

ЛЕЛЯ. Спокойно, Нина.

НИНА. Спокойно.

Уборщица принялась убирать постель.

ЛЕЛЯ (*не дала*). Я сказала – сама снесу, если нужно будет.

УБОРЩИЦА. Уносить, что ли, белье или как?

Нина села на Женькину кровать.

А разбирайтесь тут... Все начальники, все начальники, Бибичев начальник, кого слушать, не знаю... (*Ушла.*)

БИБИЧЕВ. Дорогие мои! Раньше надо было думать! Я предупреждал. Причем неоднократно. Нечего теперь шум поднимать.

НАДЮША. Раньше – это правильно. Я еще тогда Леле говорила – не нужно было в газету писать.

БИБИЧЕВ. Писать нужно было! Леля в другом виновата...

НАДЮША. Слишком много на себя берет. Ни с кем не считается. А газета тоже хороша! Сидят там.

БИБИЧЕВ. Забываешься, Лапина!

НАДЮША. Я не Лапина, Окунева я! Кстати, Бибичев, комсомольский билет нужно менять на новую фамилию или как?

БИБИЧЕВ. Дорогая моя, тебе не менять его надо, а положить на стол!

НАДЮША. А что такое? Может, уже замуж запрещено выходить?

БИБИЧЕВ. Кончай, Лапина...

НАДЮША. Я не Лапина, я Окунева.

БИБИЧЕВ (*мужчине*). Видите, что у нас творится? А была лучшая комсомольская группа.

НИНА. Была. И сейчас на доске висим.

ЛЕЛЯ. Спокойно, Нина.

НИНА. Спокойно, спокойно.

БИБИЧЕВ. Дело не только в показателях, Скворцова! Теряем мы людей... Людей теряем...

Пауза.

МУЖЧИНА. Виноват. А как с нами?

БИБИЧЕВ. С вами все нормально. Вам койку дали? Живите.

МУЖЧИНА. Дали.

БИБИЧЕВ. Ну вот и устраивайтесь.

МУЖЧИНА. Спасибо. Простите... Вас можно на минуту? Вы, как я понимаю, здесь за старшего. Вы уж тогда последите за моей. Вот девочки пусть тоже последят.

ВЕРА. Папа!

МУЖЧИНА. Что – папа! Не вмешивайся, когда старшие разговаривают. Я знаю, что говорю. Не встрей! (*Бибичеву.*) Там пойти куда...

БИБИЧЕВ. Куда?

МУЖЧИНА. Ну – в столовую... или еще куда. В ту... В ту...

БИБИЧЕВ. Понятно.

МУЖЧИНА. Девочки пускай захватят с собой. Пускай покажут где, что, как. Незаменимая еще.

ВЕРА. Папа!

МУЖЧИНА. Ну что – папа! Ты ведь хуже маленького ребенка! Первого не ешь, все всухомятку, все всухомятку!..

БИБИЧЕВ. Проследим, проследим. *(Снова подошел, глядит на новенькую пристально. Достал из кармана сушку, дал ей. Ушел.)*

МУЖЧИНА *(Вера)*. Ну вот видишь, как все хорошо. Будем располагаться. *(Тихо.)* У тебя деньги где?

ВЕРА. В сумке. Ты спрашивал.

МУЖЧИНА *(негромко)*. Ну и хорошо, носи в сумке, здесь не оставляй. В тумбочку переложишь пирожки и курицу.

ВЕРА. Папа, я не буду есть.

МУЖЧИНА. Будешь, будешь. Надо выяснить у девочек, где тут место похолоднее, – надо вынести туда сало, чтобы не испортилось. Тебе никуда сходить не надо?.. *(Вера смущалась, мучилась.)* Вот как все хорошо образовалось...

Мужчина стал перекладывать на стул Женкину постель. Вера помогала.

НАДЮША *(мужчине)*. Скажите! А вы тоже будете с нами жить?

МУЖЧИНА. Я?.. Нет, почему же, я уеду. *(Понял шутку, засмеялся.)* Веселые у тебя будут подружки, Верочка.

ВЕРА. Папа, тебе пора.

МУЖЧИНА. А?.. Да, да. Ну...

Обнял дочь, стал целовать ее в щеки, в одну, в другую – она уклонялась, ей было стыдно перед девушками. У отца затряслось лицо.

Ты смотри у меня тут, чертенок! Если я что узнаю!..

ВЕРА. Папа, не надо!

МУЖЧИНА *(отпустил ее)*. Ну, всего доброго, девочки. Вы уж тут... *(Понял, что хорошего от них ждать нечего, вышел. Вера за ним.)*

НАДЮША. Супу не едят...

ВЕРА *(вернулась)*. Извините...

РАДИОРЕПОРТАЖ. Флаги! Красные, зеленые, голубые... Флаги пятнадцати республик. Праздник юности, силы, красоты. На поле двинулись участники физкультурного парада. Тысячи молодых рабочих и работниц вышли на стадион. Когда они поднимают бронзовые от загара руки, кажется, золотая нива начинает колыхаться на ветру...

Комната пуста. Вошла Женка с фингалом на скуле. Серая, мятая. Оглядела комнату. Подошла к своей койке, присела. Но тут же встала, оправила постель, пересела на стул. Вошла Вера с утюгом.

ЖЕНЬКА. Ты кто?

ВЕРА. Я живу здесь. А вы кто?

ЖЕНЬКА. Вот здесь было зеленое одеяло. Куда дели?

ВЕРА *(поняла, с кем говорит)*. Его хотела нянечка забрать, а ей Леля не дала. Она сказала, что сама отнесет.

ЖЕНЬКА (*отогнула одеяло на Лелиной постели*). Ну конечно, два одеяла.

ВЕРА. Подождите, они скоро придут.

ЖЕНЬКА. Некогда мне. Надо сдать постель и за расчетом идти.

ВЕРА. Сегодня выходной, никого нет.

ЖЕНЬКА (*выдернула одеяло*). Не бойся, чужого не возьму.

ВЕРА (*ухватилась за одеяло, не отдает*). Без них ничего не дам!

ЖЕНЬКА. Нянечку приведу – согласишь?

ВЕРА. Не поверю.

ЖЕНЬКА. Ты что, псих?

ВЕРА. А я виновата, что меня на ваше место поселили? Мне надоело! Женька, Женька! Только и слышишь везде! Я вас не выживала, вы сами ушли!

Женька постояла, прошла по комнате, стала собирать чемодан, остановилась перед фотографией на Лелиной стене.

ЖЕНЬКА. Это кто?

ВЕРА. Лелина дочка.

ЖЕНЬКА. Дочка?

ВЕРА. Аллочка. А вы разве не знали?

ЖЕНЬКА. Нет... Она про сестренку рассказывала. Ай да Леля!

Подошла к койке Веры. На стене фотография.

ВЕРА. Это Ирина.

ЖЕНЬКА. Какая... Стриженная, в брюках.

ВЕРА. Мода такая у них.

Пришли Нина и Леля. Они, видимо, с парада: в спортивных костюмах, с флажками на длинных шестах. Увидели Женьку.

НИНА. Женька!.. Ого! Что с тобой!

ЖЕНЬКА (*отстраненно*). Ирина-то какая стала. Не узнать!

ЛЕЛЯ (*как бы не замечая ее вида*). Письмо прислала и посылочку. Три кофточки: Надюше, мне и тебе. (*Выдвинула чемодан*.) Вот...

НИНА. Надюшка замуж вышла, за военного. Такая важная стала, не доплюнешь!

ЛЕЛЯ (*протянула кофточку*). Твоя.

ЖЕНЬКА (*повертела кофточку, повесила на спинку стула*). Спасибо. Что пишет?

ЛЕЛЯ. Как он ее любит, как она его любит... Знаешь, Ирина в своем репертуаре. О работе ничего. Может, и не работает, занимается домашним хозяйством. Книжек накопила на русском. Там даже легче достать, чем у нас... Ну, а ты-то? Как?

ЖЕНЬКА. Живу... Отдыхаю.

ЛЕЛЯ. А деньги?

ЖЕНЬКА. На винегрет хватает...

ЛЕЛЯ. А с работой как?

ЖЕНЬКА. Пока никак. Ничего, устроюсь.

ЛЕЛЯ. Куда?

ЖЕНЬКА. Куда-нибудь устроюсь. А нет – уеду.

ЛЕЛЯ. С увольнением-то? Без характеристики?

ЖЕНЬКА. Ладно, не наша печаль. Леля, дочка у тебя?

ЛЕЛЯ. Дочка, Женя. Четыре годика уже. Во какая большая.

НИНА. Женя! Написала бы заявление, признай там что нужно, и пускай восстанавливают.

ЖЕНЬКА. Им? Заявление? Перед этими? Унижаться? Ждите!

НИНА. Женя, не надо быть такой гордой. Никогда не надо быть гордой! Надюшка к мужу уходит, она теперь Окунева. Вера на ее место, а ты на своем, как раньше. Леля ребенка заберет, тут кроватку поставим, коврик на стену, если комната согласна, комендантша не будет возражать, закроет глаза. В кино будем ходить, в культпоход, вязание на спицах, кофточки свяжем. На танцы, все вместе, вся комната. Не реви, Женька...

ЖЕНЬКА (*ее трясет*). А я не реву, я смеюсь...

ЛЕЛЯ (*в слезах*). И я смеюсь...

ВЕРА. И я тоже хочу! На танцы!

ЖЕНЬКА. Вальс-финал!

НИНА. Какой вальс! Сейчас надо модно! Современно! (*Стала показывать.*)

Из праздничных радиомаршей возникают ритмы рок-н-ролла. Нина танцует. Вера робко присоединилась – оказывается, умеет.

Здесь главное – индивидуальность! Белый танец! Танцуют все!

Танцуют двое, молоденькие, – почти так уже, как сейчас.

Кинооператор просматривал отснятый материал. Кадры старого киножурнала под печальную мелодию песенки.

А я и не влюблялся,
А я и не любил.
Я просто посмеялся,
Шутя поговорил!

Экран погас. Кинооператор сидел на стуле молча. Послышался голос ассистента: «Дмитрий Семенович! Что-нибудь не так?»

КИНООПЕРАТОР (*что-то заботило его*). Нормально... Все нормально. Так оставим...

1956

Пять вечеров

Действующие лица

ТАМАРА
ИЛЬИН
СЛАВА
КАТЯ
ЗОЯ
ТИМОФЕЕВ

Эта история произошла в Ленинграде, на одной из улиц, в одном из домов. Началась она задолго до этих пяти вечеров и кончится еще не скоро.

Зима, по вечерам валит снег. Он волнует сердце воспоминаниями о школьных каникулах, о встречах в парадном, о прошлых зимах...

Первый вечер

На просцениуме освещена маленькая тахта. На ней сидят Зоя и Ильин. Между ними – раскрытый патефон, вертится пластинка. Вот мелодия кончилась. Зоя сняла мембрану.

ЗОЯ. Нет, это безумие, что я так себя веду. Только прошу, не истолкуй мое поведение как вообще легкую доступность ко мне.

ИЛЬИН. Ладно.

ЗОЯ. Что – ладно?

ИЛЬИН. Не истолкую.

ЗОЯ. Вредный ты – это другое дело. (Пауза.) А правда, как у нас все быстро произошло. Всего неделю назад мы еще друг друга не знали. И – вдруг. Прямо не верится. Правда, я какая-то безумная. Ты меня, наверно, презираешь.

ИЛЬИН. Что ты, наоборот.

ЗОЯ (показывает Ильину журнал мод). Скажи, а такая женщина тебе нравится?

ИЛЬИН. Ничего.

ЗОЯ. Эту манекенщицу больше всех снимают. Вот здесь она хорошая. А здесь плохая. А эту в последних журналах совсем перестали показывать, наверно, поругалась. А может быть, замуж вышла за обеспеченного. Одной-то вообще жить лучше. Мужчине надо то носки покупать, то мясо, то четвертинку. Вот скажи, что такое любовь?

ИЛЬИН. Неизвестно.

ЗОЯ. Любовь... это электрический ток.

ИЛЬИН. Очень может быть.

ЗОЯ. Не может быть, а точно. У тебя когда отпуск кончается?

ИЛЬИН. Скоро – ту-ту!.. Сколько я здесь не был, лет семнадцать? И вот интересно: какая-то вывеска, или афишная тумба, или аптека на углу – все точно такое же, как и прежде. Над этой аптекой моя первая любовь жила. Я у них до войны комнату снимал.

ЗОЯ. Правда? Ой, как интересно! Расскажи про свою первую любовь. Я люблю, когда рассказывают про свою первую любовь...

ИЛЬИН. Она красавица была, теперь таких нет. Звезда. Ее подруги так и звали: «Звезда».

ЗОЯ. Ну, я тоже не в последних ходила. Вообще я молоденькая – прелестная была. За мной такой человек ухаживал! Только он был пожилой. Мать меня взяла и отговорила. Тогда я сама за него мою подругу сосватала. Недавно ее встретила. Одета!.. А ведь это могла быть я.

ИЛЬИН. А я бы, пожалуй, сейчас зашел.

ЗОЯ. Куда?

ИЛЬИН. А к ней.

ЗОЯ. А я ее на дуэль вызову.

ИЛЬИН. Всю войну с ней переписывались. Издать – целый том.

ЗОЯ. Что же вы тогда расстались, если она такая звезда?

ИЛЬИН. Не удовлетворил высоким идеалам.

ЗОЯ. Значит, отставку получил?

ИЛЬИН. Нет, по собственному желанию. Причем все заочно, в письменном виде.

ЗОЯ. Жалко, я разговаривать не умею, со мной скучно.

ИЛЬИН. Как же не умеешь, вон сколько наговорила.

ЗОЯ. С тобой – другое дело. Вот ответь мне на такой вопрос. Девушка встретила человека. Он в нее влюбился до беспамятства. Она хочет пройти с ним рядом всю жизнь. А он вдруг – раз! – бросил ее. Тогда она другого встретила. Уже не совсем то, но все-таки привыкла к нему и тоже хочет с ним вместе пройти жизнь. А он – хлоп! – опять то же самое, ушел. А ей семью хочется, ведь женщина! И она уже не так верит в себя. «В чем дело, чего у меня не хватает?» И с третьим она уже теряет гордость, почти навязывается. А про нее говорят: «Какая распушенная...» Ничего не слышишь, что я говорю. В одно ухо влетает, в другое вылетает.

ИЛЬИН. Почему же, я слышу. Просто я думаю о том, что ты сказала.

ЗОЯ. Что же надумал?

ИЛЬИН. Это все верно, Зоенька, это бывает. Печальная история.

ЗОЯ. Конечно, печальная.

ИЛЬИН (*глядя в окно*). Вот это был наш собственный переулочек. Наш персональный кино-театр. И наше личное небо. Какое небо, а? Зима, ночь, а оно синее, хоть ты разорвись! Нет, опасно возвращаться на те места, где ты был счастлив в девятнадцать лет! «Где я страдал, где я любил, где сердце я похоронил».

ЗОЯ. Интересно, какая она теперь – звезда?

ИЛЬИН. А знаешь, сейчас еще не поздно: что, если взять да и правда сходить! Может, она еще здесь живет?

ЗОЯ. Ну, Саша, ты слишком злоупотребляешь моим отношением к тебе.

ИЛЬИН (*потрепал ее по волосам*). Что ты, Зоенька.

Ильин сидит задумавшись. Потом встает, надевает пальто.

ЗОЯ. Вон что! Все ясно.

ИЛЬИН. Я скоро вернусь. Схожу и приду. (*Уходит.*)

ЗОЯ. Я тебе вернусь! Так с лестницы шугану... Я тебе вернусь!..

Свет гаснет.

Комнаты Тамары: одна побольше, другая поменьше. Впоследствии действие происходит то в одной, то в другой, то в обеих комнатах одновременно.

Тамара одна, сидит за столом и накручивает волосы на бигуди. Позвонили в дверь. Тамара продолжает заниматься своим делом, потому что никого не ждет. Позвонили еще раз. Слышно, как открыли наружную дверь. Кто-то постучал в комнату.

ТАМАРА (*встревожилась, подошла к двери*). Кто там?

ГОЛОС Ильина. Тамара Васильевна?

ТАМАРА. В чем дело?

ГОЛОС Ильина (*дурашливо измененный*). У вас комната сдается?

ТАМАРА. Какая комната – двенадцать часов!

ГОЛОС Ильина (*подражая телефонному диктору*). Двадцать два часа тридцать три минуты!

ТАМАРА. Выйдите отсюда и хорошенько захлопните за собой дверь.

В прихожей тихо.

Что вы там делаете?

ГОЛОС Ильина. Я возле вешалки прилягу. Только утром вы дверь сразу не открывайте, потихоньку. (*В прихожей что-то упало.*)

ТАМАРА. Что это?

ГОЛОС Ильина. Корыто.

ТАМАРА. Повесьте его обратно.

ГОЛОС Ильина. Повесил.

ТАМАРА. Послушайте, что вам надо? Кто вы такой?

В дверную щель просовывается паспорт.

Не нужен мне ваш паспорт.

Все же взяла, раскрыла. И – вспомнила. Присела на стул тут же, у двери. Потом, забыв вытащить бигуди, молча открыла дверь. Смотрит на Ильина так недоверчиво и жалобно, что Ильин рассмеялся. Да и ГУЛАГ был, но это отдельный разговор. Шагнул к ней и, несмотря на некоторое сопротивление, поцеловал в щеку.

ИЛЬИН (*по-хозяйски огляделся, повесил на крючок пальто и прошел в комнату*). Ну, что ты стоишь? Проходи.

Тамара прошла.

Садись.

Тамара села к столу. Ильин – рядом.

ТАМАРА. Нет, вы там садитесь.

ИЛЬИН (*пересел на другой стул*). Ну?

ТАМАРА. Что?

ИЛЬИН. Как жизнь, настроение, трудовые успехи?

ТАМАРА (*с достоинством*). Я лично неплохо живу, не жалуясь. Работаю мастером на «Красном треугольнике». Работа интересная, ответственная...

ИЛЬИН (*тихонько, со значением запел*).

Миленький ты мой,
Возьми меня с собой...

ТАМАРА. Я и слова уж забыла.

ИЛЬИН (*поет*).

Там, в краю далеком,
Назовешь меня женой.

ТАМАРА. Ничего не помню. Ничего не помню. Сколько времени прошло, кто упомнит...
Вы-то как живете? Добились, чего хотели?

ИЛЬИН. Добился, не добился... Как смотреть.

ТАМАРА. А сами как смотрите?

ИЛЬИН. А... (*Махнул рукой.*)

Жизнь моя – железная дорога,
Вечное стремление вперед!

ТАМАРА. Значит, добились. Где работаете?

ИЛЬИН. Ну, если интересно, – работаю инженером. Если интересует табель о рангах – главным инженером.

ТАМАРА (*уважительно*). Завод большой?

ИЛЬИН. Всего-навсего – химический комбинат в Подгорске. Если интересует мощность – довольно крупный. Один из крупнейших в Союзе.

ТАМАРА (*вежливо улыбнулась*). Большому кораблю большое плавание. Я тоже неплохо живу. Работаю. Работаю мастером все на том же «Треугольнике».

ИЛЬИН. Смотри, большой человек.

ТАМАРА (*махнула рукой*). За все отвечать приходится: и за дисциплину, и за график, и за общественную работу. Я и агитатор по всем вопросам. Когда работают одни девушки, они становятся такие боевые, даже распускаются. Другой раз сидит такая хорошенькая, а лохматая. «Причешься! С твоим личиком – и так за собой не следишь». Ну конечно, я член партии. Коммунисту можно потребовать от партбюро. Словом, живу полной жизнью, не жалуюсь.

ИЛЬИН. Одна живешь?

ТАМАРА (*гордо*). Почему – одна? Я с племянником живу. Люси нет, она в блокаду умерла. А Славик остался. Очень способный мальчик – все так говорят. Учится в технологическом, пошел по вашим стопам. Активный мальчик, не ограничивается одними занятиями, у него и общественное лицо есть. Так что он тоже живет полной жизнью... А вы что, в командировку приехали?

ИЛЬИН. Ненадолго, дня на три.

ТАМАРА. На три дня.

ИЛЬИН. Или на четыре.

ТАМАРА. Или на четыре. Что ж, хотите – поживите у нас. Слава ляжет на раскладушке. В общем-то, он не станет вам мешать. Только у меня условие: сюда никого не водить, мальчик занимается, я прихожу усталая. Так что для нас главное – тишина.

Ильин достал папиросы, закурил.

Вы курите?

ИЛЬИН (*усмехнулся*). Все еще курю.

ТАМАРА. Уже позабыла. Тогда курите, только форточку открывайте. (*Вышла в прихожую, за раскладушкой.*)

Ильин убрал папиросы в карман, поднялся. Зашел в комнату, которую когда-то снимал. Постоял там. Вернулся к вешалке, снял пальто. Из прихожей вернулась Тамара.

ИЛЬИН. Ладно, спите спокойно.

ТАМАРА. Куда вы?

ИЛЬИН. Не буду вам мешать. Ложитесь, поздно... Будем считать, что встреча состоялась.

ТАМАРА (*торопливо, но все же сохраняя официальный тон*). Чем же вы будете мешать? Вы мне несколько не помешаете. Вам здесь будет удобно, вот посмотрите. (*Открыла дверь в соседнюю комнату, зажгла свет.*) Постель чистая, только сегодня постелила. Не знаю, решайте сами, как вам лучше, я вас уговаривать не собираюсь...

ИЛЬИН (*поколебался, вернулся*). Спасибо. (*Подошел к ней.*)

ТАМАРА (*все так же торопливо, но достоинство уже возвращается к ней*). Можете ложиться сейчас, время позднее, так что спокойной ночи.

ИЛЬИН. Спокойной ночи. (*Ушел в маленькую комнату.*)

Тамара закрыла за ним дверь, прикрыла плотнее. Села на скамеечку у своей кровати, привычно вскинула руки к волосам, тронула торчащие бигуди, посмотрела в зеркало и охнула от стыда. Одну за другой вытащила бигуди, швырнула их в стенку. Ильин, обеспокоенный, приоткрыл дверь.

ТАМАРА (*обернулась, крикнула*). Прошу стучать, если открываете дверь ночью, понятно?

ИЛЬИН. В общих чертах – да. (*Снова закрыл дверь.*)

Тамара величественно прошла к выключателю, погасила свет, вернулась, плашмя бросилась на кровать и, уткнувшись лицом в подушку, затихла. Некоторое время в комнате темно, только окна слабо светятся отблеском ночных фонарей. Но вот негромко хлопнула наружная дверь, щелкнул замок внутренней, загорелся свет. Это вошли Слава и Катя. Они в пальто, с поднятыми воротниками. Прислушались. За ширмой, где лежит Тамара, тихо.

КАТЯ. Неудобно, лучше я домой пойду.

СЛАВА (*испытывает неловкость*). Неудобно знаешь что? (*Заглянул в буфет.*) Так. Пища. (*Положил на стол батон и круг колбасы. Снял с Кати пальто. Приподнял газеты над чертежной доской.*) Видишь, работка?

Катя наклонилась.

Осторожно. (*Снова закрыл.*)

Сели за стол. Ломают батон, по очереди откусывают колбасу.

Первобытный коммунизм.

КАТЯ. Интересно, а первобытный комсомол был? (*Взглянула на Тамарину полку.*) У вас книжек сколько! Ты читал такую книжку – «Скорпион»? Там на обложке женщина нарисована с рюмкой и так... полуобнаженная.

СЛАВА. Не читал.

КАТЯ. Боже, какая серость!.. Мне эту книжку один футболист давал. У меня вообще в спортивном мире есть связи. На любую игру могу достать пропуск.

СЛАВА. Я вижу, ты не теряешься.

КАТЯ. А что, у меня много знакомых. Я привыкла дружить. Я после школы два года с одним дружила. Один раз даже с сыном генерала познакомилась. Честное слово. Он так сразу и сказал: я сын генерала.

СЛАВА. Врешь ты все.

КАТЯ (*без обиды*). Правда. Я даже иностранцам нравлюсь. Шведам. Помнишь, шведы приезжали? Я с одним моряком познакомилась.

СЛАВА. Его отпустили на берег на два часа, он и бросился на первую попавшуюся.

КАТЯ. Ну да, он мне ручку поцеловал. Разрешения попросил и поцеловал.

СЛАВА. А ты и рада. (*Оглянулся на ширму, придвинул стул к Катиному и с некоторой неловкостью, но весьма решительно обнял ее.*)

КАТЯ (*на минуту запнулась и – быстро*). Тетка сшила оранжевое платье, так на нее на улице оглядывались – она старая. Тогда она мне отдала.

СЛАВА. Хочешь, чтобы на тебя тоже оглядывались?

КАТЯ. А на меня оглянутся – только скажут: «Хорошо!» (*Натянуто улыбнулась Славе, сняла его руку с плеча, ласково, но настойчиво положила ему на колено.*)

СЛАВА. Ты что?

КАТЯ. Вчера шла садиком – воробыха воробья за крыло таскает, наверно, он ей изменил...

Слава поднялся, достал Тамины папиросы, закурил. Вернулся к Кате, остановился за ее спиной.

(Поправила волосы.) А я решила покраситься, а то ни разу брюнеткой не была. (*Встала, повернулась к нему лицом, беспокойно засмеялась.*)

СЛАВА. Смотрю я на тебя и думаю: дура ты или умная?

КАТЯ. Я не дура, я не умная – я веселая. Меня специально в компанию приглашают, чтобы я их веселила.

СЛАВА (*облокотился на стул, обнял ее*). Ну и как, многих развеселила?

КАТЯ (*поначалу улыбаясь, а затем – зло, с усилием разняла его руки*). Не можешь руки при себе держать!

СЛАВА (*ощетинился*). А что я тебе сделал?

КАТЯ. Ничего. Всякий будет рукам волю давать...

СЛАВА. Я что – всякий?

КАТЯ. А ты думал, тебе особая привилегия? Иди в Мраморный зал на танцы, там есть такие страшненькие, специально для тебя.

СЛАВА. Зачем же тогда со мной в кино пошла? В первый раз видишь человека...

КАТЯ. А чего теряться? Убудет меня – в кино сходить?

СЛАВА (*с мучительной развязностью*). А убудет тебя?... (*Обнял ее.*)

КАТЯ (*вырвалась*). Сколько стоит билет?

СЛАВА (*простодушно*). Четыре пятьдесят.

КАТЯ (*положила деньги на стол*). Пятьдесят копеек на чай. (*Направляется к двери.*)

ТАМАРА (*отодвинув ширму, поднялась на кровати*). Двенадцать часов, тебе завтра в восемь вставать.

КАТЯ (*Тамаре*). Простите, пожалуйста. (*Славе.*) А во-вторых, я тебя не в первый раз вижу. Я с твоей Лидочкой в одной квартире живу, вот ты какой наблюдательный.

ТАМАРА. А вы, девушка! Пришли ночью к молодому человеку домой. Такая молоденькая и вот как начинаете себя вести. И Славу хотите отвлечь от занятий.

КАТЯ. А я его не отвлекаю. Он не из-за меня двойки получает.

ТАМАРА. Какие двойки?

КАТЯ. Спросите у его Лидочки.

ТАМАРА. Какая Лидочка? (*Славе.*) В чем дело?

СЛАВА. А я знаю?

КАТЯ. У нас ее вся квартира не любит. Самописку твою.

ТАМАРА. Какую самописку?

КАТЯ. Она лекции конспектирует очень скоро. Прямо слово в слово, как попугай. Только вот несчастье – поссорился с ней Слава, она ему конспекты не дает. Зато когда ей что-нибудь нужно, он на все готов, даже себе в ущерб. У нас ее в квартире никто не любит. Только и знает тетрадки перелистывать – двери не отворит, хоть ты развонись! Я ее так и зову: самописка, вечное перо.

ТАМАРА. Ну и что же, значит, старательная девушка, серьезная. А вам не мешает с нее пример взять.

КАТЯ. А зачем мне брать? Я и так пользуюсь успехом.

ТАМАРА. Видите, как вы отвечаете? Вы – девушка, для вас честь дороже всего. Я в ваши годы уже Славика растила!

СЛАВА. Повело.

ТАМАРА. Что?

СЛАВА. Спать, говорю, пора.

ТАМАРА. А ты! Как ты мог! Пришли. Двенадцать часов ночи!

КАТЯ. Мы замерзли в парадном, погреться пришли.

ТАМАРА (*не слушая*). Стыдись! Привести кого-то. Ко мне.

КАТЯ. А к кому он должен меня привести, к товарищу?

ТАМАРА. Уходите, я спать хочу.

КАТЯ. Спокойной ночи.

ТАМАРА. Погремите болтом, дворник откроет.

СЛАВА (*угрюмо*). Провожу.

КАТЯ. Сама дойду. (*Уходит.*)

ТАМАРА. Святослав, что случилось?

СЛАВА. Видишь ли, какая петрушка. Мы с Лидой договорились идти вместе, а шпаргалки были у меня.

ТАМАРА. Какие шпаргалки?

СЛАВА. Ну какая разница. Нумерованные, по тридцать штук в каждом кармане. Она берет билет – тридцать первый. (*Увлекаясь.*) Начинаю перелистывать в правом кармане, дошел до тридцатой, соображаю: тридцать первая-то в левом. Нашел наконец ей шпаргалку, начинаю искать для себя. Вынул: вместо девятой – одиннадцатая...

ТАМАРА. А зачем тебе понадобились шпаргалки?

СЛАВА. Ты что, никогда не училась?

ТАМАРА. Я училась без шпаргалок.

СЛАВА. Карась-идеалист.

ТАМАРА. Может быть. Теперь объясни, что это за девица?

СЛАВА. Ну, с междугородной станции, телефонистка.

ТАМАРА. И она в первый же день согласилась прийти к тебе домой? Ночью?!

СЛАВА. А может, она надеялась, что я порядочный человек?

ТАМАРА. Это ее меньше всего беспокоит. Ты знаешь, какие бывают женщины? Неужели тебе самому не противно, скажи честно?

СЛАВА. Нет.

ТАМАРА. Боже мой, какой ты! Никаких принципов!

СЛАВА. Зато у тебя слишком много принципов. Ты из принципа замуж не вышла.

ТАМАРА (*встала с кровати, очень взволнована*). Да, я из принципа. Я из принципа. А ты? Вот ты грубишь. Ничего нет для тебя святого. И ты считаешь, что это подвиг. Смотрите, как я ничего не боюсь! (*Достает с полки книжку, раскрывает ее.*) Вот, хочу, чтоб ты прочитал.

СЛАВА. Ладно, положи.

ТАМАРА. Нет, сейчас, при мне.

СЛАВА. Я начитан до мозга костей, я насыщен теорией по горло.

ТАМАРА (*смотрит на него молча и вдруг с силой бьет по щеке*). Это письма Маркса!

Входит Ильин. Полускрытая ширмочкой, Тамара грустно листала странички писем Карла Маркса.

СЛАВА. Кто это?

ИЛЬИН. Ильин, Александр Петрович.

СЛАВА. Какой Ильин?

ИЛЬИН. Остановился у вас временно.

СЛАВА. Очень приятно.

ТАМАРА. Почему ты от меня скрыл, что получил двойку? Какой-то незнакомой девице рассказал, а от меня скрыл?

СЛАВА. Я никому ничего не рассказывал. Вообще не люблю посвящать в свои дела посторонних.

ТАМАРА. Он не посторонний. Он тебя знал, когда тебе два года было. Пускай послушает.

Ильин прислонился к косяку: слушает.

СЛАВА. Трагедия из жизни советского студента – «Начало пути». Внимание, занавес!

ТАМАРА. Я ему всю молодость отдала, ничего не осталось!

ИЛЬИН. Ну ладно, старик, тебе спать пора.

Слава берет раскладушку, уходит в свою комнату.

ТАМАРА (*Ильину*). И вы уходите, вы мне оба надоели.

Ильин тоже направляется к себе.

Только закройте сначала дверь.

Ильин запирает входную дверь.

И погасите свет.

Ильин гасит свет.

И дайте мне хоть немного поспать сегодня!

Ильин ушел к себе, сел на диван. Слава гремит раскладушкой, всячески притесняя гостя.

ИЛЬИН. Ну, как там наш технологический? Фомичев существует?

СЛАВА. Свиристствует. А вы что, тоже жертва науки?

ИЛЬИН. Вот именно – жертва. Меня вышибли с третьего курса.

СЛАВА. За что пострадали?

ИЛЬИН. За откровенность. Как-то на досуге изложил Фомичеву все, что о нем думаю. Тогда он повел против меня холодную войну, которую завершил блестящей победой в конце семестра.

СЛАВА. Бывает.

ИЛЬИН. Я вижу – вы с тетей плохо ладите.

СЛАВА. По третьему закону Ньютона – действие равно противодействию. Она меня воспитывает – я сопротивляюсь.

ИЛЬИН. А что, ваша тетя все время одна живет, замуж не выходила?

СЛАВА. Не родился еще тот несчастный... Впрочем, был у нее кто-то на заре туманной юности. По неофициальным данным.

ИЛЬИН. Тише. (*Мотнул головой на дверь.*) А ведь, наверно, это я и был. Мы с ней до войны познакомились, я у вас комнату снимал. Папа твой служил на Морфлоте, мама и Тома только еще начинали клейщиками на «Треугольнике». Она красавица была, твоя тетя, теперь таких нет. Звезда! Ее в цеху так и звали – Звезда. Прибежит с завода – стук-стук по ступенькам...

СЛАВА. А вы романтик.

ИЛЬИН. Мы с ней всю войну переписывались. Потом по причине некоторых обстоятельств я перестал писать, а письма ее все с собой таскал. Потом и письма куда-то пропали.

СЛАВА. А знаете, я бы на вашем месте описал все это в поэме. Что-нибудь такое:

Милый взгляд твоих дивных глазенок
Пробудил впечатление во мне,
Ты одна мне милей из девчонок,
Моему сердцу пришлось по душе...

ИЛЬИН (*засмеялся*). Ничего. Только рифма хромает.

СЛАВА. Рифма – это не важно. Было бы чувство в груди. Ну, рад, что познакомился. (*Протянул Ильину руку. Ильин медленно сжал ее так, что Слава охнул.*)

ИЛЬИН. Тсс... (*Сжал еще сильнее.*)

Слава приподнялся.

Тсс. (*Со зловещим спокойствием.*) Так вот. Если ты при мне обидишь эту женщину, то я семь шкур с тебя спущу и голым в Африку пушу. Рифма устраивает?

СЛАВА (*простонал*). Устраивает.

ИЛЬИН. Тсс... (*Отпустил.*) Какое мы имеем сегодня число?

СЛАВА. Пятнадцатое.

ИЛЬИН. Так вот, в течение этих дней, что я провожу в вашем доме, я намерен обеспечить этой женщине счастливую жизнь. Усвоил?

СЛАВА. Усвоил. (*Взял полотенце, ушел на кухню.*)

Ильин погасил свет. В полумраке мы видим Тамару и Ильина.

Они лежат в своих комнатах с открытыми глазами.

ИЛЬИН. Тома...

Тамара не отвечает.

Тома.

Тамара молчит.

Тома!..

Пауза.

ТАМАРА. Что?

ИЛЬИН. Не спишь? (*Пауза.*) А я тебя вспоминал. А ты?

ТАМАРА. Первое время вспоминала.

ИЛЬИН. А ты мало изменилась.

ТАМАРА. Не болтай.

Ильин засвистел мотив песенки.

Довольно уж, мне на работу рано.

ИЛЬИН. Спокойной ночи.

ТАМАРА. Спокойной ночи.

Лежит с открытыми глазами. На сцене меркнет свет. Так закончился первый вечер.

Второй вечер

Мы сразу перейдем к нему, потому что за день ничего существенного не произошло.

Ильин и Слава в комнате Тамары. Ильин сидит верхом на стуле, наблюдая за Славой. В продолжение последующего разговора Слава постелит на стол белую скатерть, распределит по комнате три букета мимозы в стеклянных банках, оботрет пыль с комода.

ИЛЬИН. Видишь, как хорошо. Когда на столе белая скатерть и цветы – неловко быть мелочным, грубым, злым. Скатерть должна быть со складками от уюта: они пробуждают воспоминания детства.

СЛАВА. Возвышенно.

ИЛЬИН. Жить надо мудро, без суеты. Учти, в книге жизни много лишних подробностей. Но тут существует секрет: эти страницы можно пропускать.

СЛАВА. Ну так вот, эту самую страницу мне читать неохота. Придет тетя Тома, пускай убирается. В конце концов, существует разделение труда?

ИЛЬИН (*учтиво*). Не сердь меня, работай.

Слава, не ответив, сел на другой стул точно в такой же позе, как Ильин.

И будешь проделывать эту операцию каждую субботу.

СЛАВА. Ха-ха.

ИЛЬИН. А ну, встань.

Слава не двигается.

ИЛЬИН. Неудобно же мне бить сидячего.

Слава встал, Ильин тоже.

Опусти подбородок на грудь, развернись боком к противнику, левая рука выставлена вперед, правая защищает подбородок. В боевой стойке ты неуязвим для удара.

Слава встал в стойку.

Наиболее эффективны удары, нанесенные по концу подбородка. В боксе нет замахов. Поступательное движение кулака происходит по прямой, ибо прямая – кратчайшее расстояние между двумя точками. Усвоил?

СЛАВА. Усвоил.

ИЛЬИН. Бей.

Слава бьет. Ильин подставил ладонь, шаг назад.

Вперед левой, протягивай правую. Удар.

То же самое.

Пальцами вниз, коротко, неожиданно, бей!..

Отходя к двери.

Бей!..

За его спиной открывается дверь. Это Катя, в оранжевом платье. Мгновение она смотрит на происходящее молча и вдруг с пронзительным визгом бросилась на Ильина, вцепилась ему в руку.

КАТЯ. Ты что делаешь, гад ползучий! Ты что делаешь!

СЛАВА. Обалдела? Пусти, это запрещенный прием.

Катя оставила Ильина.

Тренируемся, понятно? Техника бокса.

КАТЯ (*Ильину*). За такую тренировку знаете что бывает? Пятнадцать суток.

ИЛЬИН. Демоническая женщина. Маникюр у тебя, что ли?

КАТЯ (*Славе*). Зачем на переговорный приходил?

СЛАВА. Так, мимо шел – зашел.

КАТЯ. А я думала – по делу. Больше так не приходи. (*Направляется к двери.*)

СЛАВА. Посидела бы.

КАТЯ. Еще чего!

СЛАВА. Куда спешить-то...

КАТЯ. Детишки плачут.

СЛАВА. Александр Петрович, правда, она на Земфиру похожа из «Цыган»?

КАТЯ (*польщена, хотя это несколько не соответствует действительности*). Неправда. Вот, говорят, я на артистку Ларионову похожа, – это может быть.

СЛАВА (*Ильину*). А что, сходство есть.

КАТЯ. Не знаю. А другие говорят, что я похожа на сестер Федоровых. Только худею что-то. Прошлый год в талии было семьдесят, а сейчас шестьдесят семь. Совсем дистрофик стала.

СЛАВА. С чего бы это?

КАТЯ. Влюбилась сильно.

СЛАВА. В кого, не секрет?

КАТЯ. В монтера нашего, Ваню.

СЛАВА. А я смотрю – вырядилась. (*Ильину*.) Нет, девушки не должны одеваться ярко. Пускай хотя бы делают вид, что они неземные существа. Ладно, раз пришла, давай включайся, а то мы тут зашились.

КАТЯ. Что это у вас за приготовления?

ИЛЬИН. Праздник такой. День рождения.

КАТЯ (*кивнула на Славу*). У этого, что ли?

ИЛЬИН. Нет, не у этого... у тети его.

КАТЯ. Сколько же ей стукнуло?

СЛАВА. Вообще день рождения, абстрактно.

КАТЯ. Понятно. Между прочим, у нас на лестнице одна женщина – тридцать восемь лет – вышла замуж.

СЛАВА. За семидесятилетнего.

КАТЯ. В тридцать восемь лет можно выйти за что угодно.

ИЛЬИН. Ну, ближе к делу. Оботри окошко, полочку, в общем, вас теперь двое – действуйте. Я скоро вернусь. (*Ушел*.)

КАТЯ (*сняла пальто, подвязалась фартучком*). Сперва скатерть постелили, потом пыль вытирают. Уборщики!

СЛАВА. Ладно, больше дела – меньше слов. (*Сел на место Ильина, наблюдает за работой*.)

КАТЯ (*после паузы*). Сейчас иду по улице, смотрю, птицы сидят над карнизом. Он спит, а она его клюет – ей скучно.

Слава молчит.

(*Глядя в окно*.) Вон девочка пошла в ботиночках, они триста рублей стоят. Хорошо бы они сто пятьдесят стоили, я бы обязательно купила.

СЛАВА. У тети Томи есть календарь женщины – там точно подсчитано: если средняя продолжительность жизни семьдесят лет, то на сон уходит двадцать пять лет, на еду – шесть, на умывание – полтора года. А если подсчитать, сколько уходит на бессмысленные разговоры...

КАТЯ. Можешь не разговаривать. (*Убирается молча. Обтирает книжную полку, достала книжку, раскрыла*.) Жюль Ренар.

СЛАВА. Это тебе неинтересно.

КАТЯ. Почему неинтересно!.. (*Отложила книжку на тумбочку, продолжает работать молча*.) Я еще тоже студентка буду, в техникум связи пойду. Это почти что институт, там четыре года учатся.

СЛАВА. Давай старайся.

КАТЯ. А что, наш монтер говорит, у меня есть технические способности. Это редкость у женщины. У меня в школе были очень хорошие характеристики, что я ангел. Только с переговорного уходить неохота. За все время ни одного замечания, одни благодарности. Потому что меня все знают, что я четко работаю. У меня на дежурстве даже голос становится другой, правда? (*Пауза*.) Слава, хочешь в «Зарю» на восемь тридцать? У меня там билетерша знако-

мая. Я один раз двоих провела. Сажу между ними, один говорит: «Ты со мной пришла, повернись ко мне». Поворачиваюсь, тогда другой с претензией.

СЛАВА. А я третий буду сидеть? Совсем извертишься. (*Указал.*) В той комнате убери.

Катя уходит в комнату Славы. Входит ТАМАРА. Некоторое время молча смотрит на происходящее.

ТАМАРА. Что здесь происходит? Кто тебе разрешил стелить эту скатерть? Зачем ты взял банки, их надо сдать в магазин, я специально приготовила. Слезь со стола и объясни мне, в чем дело...

СЛАВА. А я знаю... Жилец твой распорядился.

ТАМАРА (*после паузы*). При чем тут мой жилец?! Пускай скажет спасибо, что его пустили ночевать. Новое дело, со своим уставом в чужой монастырь. Освободи банки.

Слава складывает на окно мимозу. Тамара убирает скатерть. Постепенно комната приобретает прежний вид. В дверях появляется Катя.

(*Испуганно.*) Кто это?

КАТЯ. Это я, Катя.

ТАМАРА. Какими судьбами?

КАТЯ. А я... пришла.

ТАМАРА. Сама?

Катя опустила голову, неопределенно пожала плечами.

А что вы там делали?

КАТЯ. Чемодан обтерла.

ТАМАРА (*Славе*). Задвинь его обратно.

СЛАВА. Может, и мусор обратно принести?

Входит Ильин и останавливается у двери. В руках у него разнообразные свертки и бутылка вина.

ИЛЬИН (*Славе*). В чем дело? А ну, поставь обратно цветы.

Славе нравятся эти разногласия. Вразвалочку пошел за цветами, снова ставит их в банки.

ТАМАРА (*следит за ним молча*). Освободи банки, мне нужно сдать их в магазин.

Слава радостно хмыкнул, ожидает дальнейших распоряжений.

ИЛЬИН (*Тамаре*). А мы тут обмыть решили.

ТАМАРА. Что обмыть?

ИЛЬИН. Нашу встречу.

ТАМАРА. Во-первых, я не вижу надобности отмечать нашу встречу салютом. А во-вторых, мне надо переодеться.

ИЛЬИН. Тогда прошу прощения. (*Славе.*) Освободи банки, продукты – на холод, цветы – на помойку. (*Ушел в другую комнату.*)

Тамара стоит задумавшись.

СЛАВА. Тетя Тома, ты уж слишком.

ТАМАРА. Думаешь, он обиделся?

СЛАВА. А то нет! Человек хлопочет...

ТАМАРА. Не знаю. Ну позови его... если хочешь.

СЛАВА. Ты прогнала, ты и зови.

ТАМАРА (*после паузы*). А может, правда он обиделся. (*Тихо, Славе.*) Как ее зовут?

СЛАВА. Екатерина.

ТАМАРА. Катя, хочешь – позови.

КАТЯ. Мне как-то нетактично. Сама в гостях – и сама зову.

Тамара постояла в нерешительности, открыла дверь в соседнюю комнату.

ТАМАРА. Александр Петрович! Вы что, обиделись? Ну, если хотите, давайте выпьем, дело какое!.. (*Вышла на кухню.*)

КАТЯ. Какая странная!

СЛАВА. На свете, друг мой, много непонятного. (*Поставил на стол цветы, сел.*) Свистать всех к столу!

Катя тоже села – непроницаемая, бесстрастная, с книжкой Ренара, которую она во время предыдущей сцены листала.

(*Открыл бутылку, налил себе.*) А то потом не дадут.

КАТЯ (*прикрыла свою стопку ладошкой*). Мне нельзя, меня от нее мутит.

СЛАВА. Непьющих не держим. Поехали. (*Глотнул, поперхнулся, отставил, но духом не упал.*) Живем!

КАТЯ (*безразлично*). Маслом закуси.

Возвращается Тамара, увидела начатую бутылку.

ТАМАРА. Уже успели.

СЛАВА. А мы эпикурейцы. Знаешь, что у них на двери было написано? «Прохожий, зайди, здесь тебя ждут наслаждения».

КАТЯ. Вот так пошлость сказал.

ТАМАРА. Только они понимали не плотские наслаждения, а духовные.

СЛАВА. Тогда отказываюсь. Лучше буду стоик.

ТАМАРА. Не пора ли тебе марксистом стать?

СЛАВА. Маркс тоже не родился марксистом, марксистом он стал потом.

ТАМАРА. Тогда сходи на кухню, покроши салат.

СЛАВА. Ну знаешь... (*Но пошел.*)

ТАМАРА. Может, стол к дивану придвинуть, потанцуем? Лет уж сто не танцевала, разучилась. Теперь ведь как-то по-стильному надо?

КАТЯ. Кто как. Необязательно.

Разговаривают, накрывая на стол.

ТАМАРА. Вы тут со Славой поместитесь?

КАТЯ. Поместимся, только я с ним не сяду.

ТАМАРА. Почему?

КАТЯ. Правду говорят, переученный хуже недоученного. Целый вечер с ним гуляли и ни о чем толком не поговорили.

ТАМАРА. Может быть, ему скучно с тобой?

КАТЯ. Если бы я захотела, ему бы сразу стало весело. У него были попытки, только неудачные.

ТАМАРА. Сама виновата – значит, он мало тебя уважает.

КАТЯ. Подумаешь, сверхличность! Я больше его читаю. Хотите, тетрадку принесу, я туда отдельные мысли записываю.

ТАМАРА. Милая моя, он студент, тебе догонять его и догонять.

КАТЯ. Ну и что же. Вот «Мартин Иден» читали? Он за несколько месяцев все изучил, даже политические труды. А я знаете как читаю? Я шестьдесят страниц могу в час прочитать. А если стихи – семьдесят пять.

ТАМАРА. А толку что? Лучше ты прочитай страничку и подумай. А то сегодня прочитала – завтра забыла.

КАТЯ. Ну да, у меня память знаете какая? Я два раза только прочитаю, уже наизусть помню. Я уже Александра Твардовского изучила, Александра Блока, Алексея Суркова...

СЛАВА (*входит с миской салата*). Веру Панову, Веру Кетлинскую, Веру Инбер...

Входит Ильин.

КАТЯ (*громко*). Александр Петрович, скажите ему.

ТАМАРА. А правда, злой ты, Славка.

КАТЯ. Люди видели бы вокруг себя много прекрасного, если бы не были так злы.

СЛАВА. Где-то читал.

КАТЯ. Жюль Ренар.

ТАМАРА. То, что не надо, читаешь, а заниматься – времени нет. Еще двойку схватишь!

СЛАВА. У меня по теплотехнике конспектов нет. Завтра возьму у кого-нибудь – засяду.

КАТЯ (*Тамаре*). Ну как можно заниматься по чужим конспектам!

ТАМАРА. Александр Петрович, скажите ему...

ИЛЬИН. А что, конспектировать – это, брат, не механический процесс. Ты же одновременно осваиваешь материал.

СЛАВА. Второй фронт открылся.

ИЛЬИН. Что-то торжественная часть затягивается. Выпьем?

СЛАВА (*выпил*). Сила...

КАТЯ. Ой, давайте закусывать!

СЛАВА. Покормите ее.

КАТЯ. Я не о себе беспокоюсь. Если хотите знать, я сегодня уже была в гостях.

СЛАВА (*берет у нее тарелку*). Ах, она уже была в гостях...

ТАМАРА. Слава!

КАТЯ. Я на него не обижаюсь. Я вообще не верю мальчишкам. Я с одним два года дружила. А потом он меня избил и бросил. Да, сейчас уже не может быть, как в каком-то веке: девушка, жизнь за нее отдать... Сейчас перегиб в другую сторону. Им неинтересно с такой, которая будет какие-нибудь идеи толкать. У них одна цель – считают, что нужно обязательно чего-нибудь добиться. Уйдет без поцелуя домой – значит, вечер зря пропал.

ТАМАРА. От девушки тоже зависит, надо быть гордой.

Слава поставил пластинку. Пригласил Катю. Танцуют. Тамара взглянула на Ильина, подняла рюмку, они выпили.

СЛАВА. Что за групповщина! Я осуждаю вас, и все вас осудят за то, что вы пьете индивидуально. Катя, выпьем на брудершафт!

ТАМАРА. Уймись, развеселился.

СЛАВА. А что, мне весело, я не стыжусь. Между прочим, мне не так уж весело, как вам кажется. Тетя Тома! (*Целует ее в щеку.*) Я один тебя понимаю. Ты держись за меня!

ИЛЬИН (*отставил его стопку*). Ты перебрал, поди отдохни.

СЛАВА. Не знаю, что мне делать: демонстративно уйти или демонстративно остаться.

КАТЯ (*вежливо, Ильину*). А зачем вы распорядаетесь? Вы кто здесь, жилец? Жилец. Значит, ведите себя тактично. И на Славу плохо влияете. Вот он выпил три рюмки, зачем это?

Ей не ответили. Слава почувал неладное. Повел глазами, чтобы Катя обратила внимание: рука Ильина лежит на руке Тамары. Слава кивнул головой на дверь. Катя встала, неслышно отошла, надела пальто. Слава дал понять, что она должна выйти, он ее догонит.

Катя ушла. Тогда он тоже встал и тихо пошел к двери. Только тут на него посмотрела Тамара.

ТАМАРА. А Катя где?

СЛАВА. Домой ушла.

ТАМАРА. А ты куда?

СЛАВА. Пойти пройтись.

ТАМАРА. На ночь-то глядя. Сиди.

Слава сел на стул. Посидел, усыпляя бдительность. Встал, взял пальто.

ИЛЬИН. Сказано – сиди.

СЛАВА (*сел, вздохнул*). Можно ехать.

Его никто не слышит. Надел пальто, вышел.

ТАМАРА (*взяла гитару, поет*).

– Миленький ты мой, возьми меня с собой.
Там, в краю далеком, назовешь меня женой.
– Милая моя, взял бы я тебя —
Там, в краю далеком, ждет меня жена.

– Миленький ты мой, возьми меня с собой,
Там, в краю далеком, назовешь меня сестрой.
– Милая моя, взял бы я тебя —
Там, в краю далеком, ждет меня сестра.

– Миленький ты мой, возьми меня с собой,
Там, в краю далеком, назовешь меня чужой.
– Милая моя, взял бы я тебя —
Там, в краю далеком, чужая ты мне не нужна.

(Вдруг, очень просто.) Какой был бы ужас, если бы я за кого-нибудь вышла замуж!
(Играет.)

ИЛЬИН. Что?..

Тамара играет все громче, все быстрее.

Что ты сказала?..

Свет гаснет. Теперь музыка звучит в оркестре. Это стремительная, страстная, почти экзотическая мелодия.

Третий вечер

Смеркается. Вечерняя смена уже заступила. Снег все идет. Дворники засыпают песком ледяные дорожки, но дети и женщины снова их раскатывают. А в Михайловском саду тихо, как в лесу. И Петропавловская крепость стоит, кажется, не на берегу Невы, а на самом краю снежного поля.

Просцениум. Барьерчик, за ним у коммутатора – Катя. На скамье сидит Слава. На втором занавесе нарисованы две кабины с номерами 5 и 4... Остальные за кулисами. Это переговорный пункт междугородной телефонной станции. Абонентов мы не видим, телефонные разговоры слышны из-за кулис.

КАТЯ *(с характерными интонациями телефонистки)*. Алло! Дежуренькая? Три семь. Сережу, пятнадцать минут. Минск!

Минск, третья кабина! *(В паузах последующей сцены Катя, продолжая работу, может произносить в микрофон:*

Последняя минута, заканчивайте.

Звенигород, там Кубинка, это местечко.

Пятьдесят три, кто подойдет.

Муром, четвертая кабина, Муром, четвертая.

Закончили, разъединяю, все, все...

Из закулисной кабины: «Папа, передай трубку маме. Мама? Все в порядке, уже пять зубов. Два сверху, три снизу».)

СЛАВА. И один посередине.

КАТЯ. Посмеяться можно на улице. Выборг, третья кабина, идите, девушка.

ГОЛОС ДЕВУШКИ. Сережа? Ты получил мое письмо?.. Нет, ты говори, получил мое письмо?

СЛАВА. Врет, получил.

ГОЛОС ДЕВУШКИ. А почему ты мне не ответил? Ты говори, говори, у меня пятнадцать минут заказано, я стипендию получила.

КАТЯ. Ты же говорил, что больше не придешь?

СЛАВА. Позвонить зашел.

КАТЯ. Звони.

СЛАВА. Разменяй.

КАТЯ. Что я тебе – разменный пункт? *(Бросила монету.)*

СЛАВА (*набрал номер*). Лидочка?.. Слава говорит, привет. Какие у тебя планы на вечер?.. А то махнули бы в «Зарю» на восемь тридцать?.. Брось приbedнаться. Только сегодня сдала, завтра позанимаешься...

КАТЯ. Я говорила – тебе студентка нужна, чтоб понимала А плюс Б.

Слава положил трубку.

Только ты студентке не нужен. (*По своему телефону.*) Алло? Ваня?.. Хорошо, что позвонил, я уже соскучилась... Сегодня?.. Не знаю, вообще-то я не думала... Я?.. Когда?.. Ну, напомним мне где, что и когда?.. А я и не собираюсь доказывать... Ну ладно, приду. Только вы не пессимист? А то я тут с одним познакомилась, чуть с тоски не померла, он мне свои чертежи показывал, чтоб я их ценила...

СЛАВА.

Он был монтером Ваней,
Но в духе парижан,
Себе присвоил звание
Электротехник Жан.

КАТЯ. А тебе какое дело? Петрозаводск, третья кабина.

КОМАНДИРОВАННЫЙ (*за кулисами, очень быстро*). Пестриков. Я дюралевые листы отправил, квитанция семь-четыре.

КАТЯ. Слышишь, люди делом занимаются, а ты все сидишь. Иди учись.

С улицы слышен женский смех. Входят Ильин и Тамара. Она смеется, стряхивая снег.

ТАМАРА (*Ильину*). Вот видишь, так и есть, опять здесь торчит. (*Славе.*) Она на работе! И тебе позаниматься не мешало бы.

КАТЯ. Не беспокойтесь, больше не будет приходить. Если он прохиндей, так и я буду веселиться.

ТАМАРА (*Славе*). Проси прощения.

СЛАВА. С какой стати?

ИЛЬИН. Перед девушками извиняться не стыдно, им всегда хуже, чем нам.

ТАМАРА. Хорошо, что ты так думаешь. Хотя это и неправда. Вот мне сейчас лучше, чем вам. Я зарницу в небе видела. Это к счастью.

СЛАВА. Зимой зарниц не бывает.

ТАМАРА. А если я видела? Если я своими глазами видела, тогда что?

ИЛЬИН. Тогда бывает.

ТАМАРА. Понял?

СЛАВА. Чего уж не понять.

ТАМАРА. Вот, учись. Пошли, есть хочется жутко.

ИЛЬИН. Я догоню, мне позвонить надо.

ТАМАРА. Только быстрее, ждать не будем.

Тамара и Слава уходят.

ИЛЬИН (*подсел к городскому автомату*). Справочная? Телефон «Гастронома», угол Литейного и Пестеля. Да. Спасибо. (*Набрал номер.*) Зою из бакалеи можно попросить?.. Зоя?

Приветствую, Саша. Я обещал к вам зайти. Простите, не могу... Нет, и завтра не смогу. И потом.

Свет гаснет.

Комната Тамары. На этот раз она празднично убрана. Светлая скатерть, цветы. Слава, хмурый, за письменным столом тонет в учебниках и конспектах. Тамара, в нарядном платье, бочком сидит на своем подоконнике, возбужденно смотрит на Ильина. Ильин стоит посреди комнаты.

ИЛЬИН (делая пассы). Оклахома, синерама, пневмоторакс, квадарама! (Вынимает у Славы из-за воротника апельсин, преподносит Тамаре.)

Тамара очень довольна, ест.

Але-оп!.. (Вытягивает у Славы из уха прозрачную косынку, накидывает на Тамару.)

СЛАВА. Ну вас к Аллаху, сколько можно. Мне заниматься надо. (Вынул у себя из кармана флакон духов, плитку шоколада.)

ИЛЬИН (раскатывая рукава). Пижон.

ТАМАРА. Александр Петрович уезжает, надо веселиться.

СЛАВА. Без меня. (Собрал со стола книги, ушел в соседнюю комнату.)

Сразу стало тихо и пусто. Долгая пауза. Ильин, сунув руки в карман, покружил по комнате, подошел к Тамаре.

ИЛЬИН. У тебя руки красивые.

ТАМАРА. Руки у всех баб красивые.

ИЛЬИН. Помнишь парадное?

ТАМАРА. А то нет?

ИЛЬИН. Немало мы там отдежурили.

ТАМАРА. Как ненормальные. А помнишь, как ты в первый раз меня поцеловал? Прямо на лестнице. У-у!.. Я и сумочку со страху выронила.

Ильин шагнул к ней. Она встала, прислонилась к стенке, опустив веки. Поцелуй. Книжка из-под ее руки упала на пол.

А почему все в парадном целуются? Как приговоренные. Ну почему, скажи?

ИЛЬИН. Не знаю.

ТАМАРА. Потому что там тепло.

Поцелуй. Стук в дверь из соседней комнаты.

Что ты стучишь?

Слава вошел, взял что-то с письменного стола и, не подымая глаз, удалился.

ИЛЬИН. У тебя глаза красивые.

ТАМАРА. Просто большие глаза, большой величины.

ИЛЬИН. И цвет лица хороший.

ТАМАРА. Что ты! Вот раньше у меня был цвет лица, это правда. Сегодня вхожу в трамвай, слышу: «Садитесь, мамаша». Оглянулась – ко мне обращаются.

ИЛЬИН. Да, время летит. И чем дальше, тем быстрее. (*Обхватил голову руками.*) Жизнь моя, иль ты приснилась мне! Все-таки молодость – окаянная штука. Обещает и обманывает. А мы все верим.

ТАМАРА. А меня несколько не обманула. Я всегда знала, что буду счастливая. И вот – счастливая!

ИЛЬИН. Ничего, меня с земного шара не спихнешь, он большой.

ТАМАРА. Я знала, я всегда знала, что ты многого добьешься. Главный инженер. Это же руководитель производства. У меня участок – восемьдесят клейщиц. А тут комбинат. Целый город! Тебя рабочие любят?

ИЛЬИН. Не знаю, не спрашивал.

ТАМАРА. Чтобы все любили – этого не бывает. Но в основном, конечно, любят. В этом я уверена.

ИЛЬИН (*решился*). Тома, я должен сказать тебе одну вещь. Но это между нами.

ТАМАРА. Между нами. Только между нами. Между тобой и мной.

ИЛЬИН. Тома, я хочу уйти со своей работы.

ТАМАРА. Как уйти, зачем?

ИЛЬИН. Надоело.

ТАМАРА. Не пойму, ты серьезно говоришь?

ИЛЬИН. Абсолютно.

ТАМАРА. Почему у тебя такие странные мысли? Может быть, ты устал? Такая работа, а живешь безалаберно. И вообще, когда человек один – ему все представляется в мрачном свете. Теперь будет иначе, уж поверь! Тут же приехать пустяк – часов пять езды.

ИЛЬИН. Не понимаешь. Ну надоело мне!.. С судьбой надо играть по крупной: ты ее или она тебя.

ТАМАРА (*встревожилась*). У тебя что-нибудь случилось? Неприятность?

ИЛЬИН. Станный все-таки народ. Неужели обязательно должно что-нибудь случиться? А!.. (*Махнул рукой.*) Послушай, Тома! Давай-ка оторвемся, поплывем куда-нибудь на Север. Я же шофер первого класса. Вот права! (*Вынул из кармана права, помахал.*) Я шофер, я и механик. А? Стал бы я для тебя хуже или нет?

Тамара молчит, собираясь с мыслями.

ТАМАРА. Не знаю...

ИЛЬИН. А, не знаешь!

ТАМАРА. Для меня ты не стал бы хуже!.. Только, понимаешь, человек должен делать все-таки самое большое, на что он способен.

ИЛЬИН. А кто на что способен, разберись!.. Едем?..

ТАМАРА. Куда?

ИЛЬИН. Со мной.

ТАМАРА (*смеется*). Так вдруг? Ни с того ни с сего? Подумай!

ИЛЬИН. А если не думая?..

ТАМАРА (*смеется*). Ну хорошо, поедem... Только что я там буду делать, мне же работать надо.

ИЛЬИН. Дело всюду есть.

ТАМАРА. А как же Слава? Он же пропадет здесь, закрутится.

ИЛЬИН. Ничего, закрутится и раскрутится.

ТАМАРА. Зачем ты меня дразнишь? А что, если я возьму да и соглашусь? Ты ведь меня не знаешь! *(Раскинув руки, закружилась. Но тут же присела на стул.)*

ИЛЬИН. Ну?.. Так как же, Тома?

ТАМАРА. Ты что, серьезно?.. Что с тобой? Ты какой-то беспокойный. Почему? Это раньше можно было беспокоиться. А теперь? Теперь мы все решим спокойно, теперь ведь торопиться некуда.

ИЛЬИН. Так. Понятно.

ТАМАРА. Нет, непонятно. Я хочу знать, что у тебя произошло.

ИЛЬИН. Я сказал.

ТАМАРА. А я тебе не верю. Ты не можешь так рассуждать. Кто угодно – только не ты.

ИЛЬИН. Увы, это все же я. Пора бы тебе с этим примириться.

Тамара. Нет! Ты лучше, чем сам себя считаешь. Ты всегда боялся трудностей, всегда в себя не верил – это правда. Но ведь ты же все-таки добился, чего хотел, и я тебя за это уважаю. И вот – на тебе, опять то же самое! Бросить любимое дело. Пожертвовать своим призванием. И ради чего! Если же все это была шутка, то извини меня, я ее не поняла. Может быть, у меня не хватает на это юмора.

ИЛЬИН. А если я просто хотел проверить твоё отношение ко мне? Можешь ты поехать за мной на край света или нет. Тогда что?

ТАМАРА. Тогда знай. Если бы ты был действительно недобросовестный человек или пустой – то поезжай куда хочешь, но один. Я за тобой, как собачонка, не побегу. Понял?

ИЛЬИН. Вполне.

ТАМАРА. Обиделся.

ИЛЬИН *(встал)*. Ладно, собираться пора. Купила бы мне чего-нибудь на дорогу перекусить. До выяснения моего морального облика я не снимаюсь с довольствия?

ТАМАРА. Саша, что с тобой?

ИЛЬИН. Со мной? Ничего.

ТАМАРА. Скажи, Сашок, я пойму.

ИЛЬИН. Беги, беги... *(Ушел в маленькую комнату.)*

Тамара постояла у двери, вздохнула, вышла. Когда Ильин вернулся со своим чемоданчиком, комната была пуста. Он проверяет содержимое чемодана, укладывается.

Слава!

Вошел Слава.

У меня к тебе разговор. Томку не обижай. Водку не пей. Притупляется память. Ну, будь здоров.

СЛАВА. Вы что, уже едете? Сейчас?

ИЛЬИН *(быстро)*. Дела, дела, друг. Трудиться надо.

СЛАВА. Все-таки жалко. Притерпелся я к вам, что ли. Александр Петрович, завтра у меня стипендия. Повременили бы денек, а?

ИЛЬИН. В другой раз. Да, все забываю спросить: почему ты именно в химию ударился?

СЛАВА. Тетя Тома настояла, у нее идея фикс.

ИЛЬИН. Считаю, что тебе повезло. Химия, братец ты мой, это самая абстрактная, самая логичная и в то же время самая практическая из наук. Но для человека равнодушного химия – погибель. Ты должен любить запах аммиака, запах сероводорода, черт возьми! Настоящий химик является в лабораторию в своем лучшем костюме. Щелочи в его руках не брызгают,

кислоты не прожигают материю... А ну-ка, покажи руку. Разве это рука химика? Химик берет без тряпки любую колбу с любого огня. Усвоил?

СЛАВА. Усвоил.

ИЛЬИН. Какой же ты сделал вывод на будущее?

СЛАВА. Так точно. Буду двигать науку назад и вперед. А все-таки жалко, что вы уезжаете сегодня. Сходили бы вечером в институт поглядеть на старые стены. Завтра диспут: «Можно ли считать неуспевающего студента честным человеком?» Потом обозрение, есть неплохие хохмы.

ИЛЬИН. Не могу, старик.

СЛАВА. Честно говоря, я обещал ребятам, что познакомлю их с вами. И вам было бы небезынтересно, есть оригинальные типы. Например, Игорь – это личность. Прежде всего умен. Хотя некоторые считают, что это кажется, потому что он в очках. Между прочим, пишет любопытные стихи. Я его уговорил вам почитать. Интересно, что вы скажете. Александр Петрович, а теперь откровенно. Сейчас вы подумали: развязен и болтлив.

ИЛЬИН. Не занимайся самоанализом. Я тебя люблю.

СЛАВА (*очень взволнован*). Нет, я сам ненавижу навязчивых людей. Хотя, с другой стороны, мы достаточно взрослые люди, чтобы говорить начистоту. Да, вы мне тоже симпатичны. Ну вот. Какой-то детский разговор у нас пошел. Смешно. Скажите, а что вы собираетесь предпринимать в отпуск? Не рвануть ли на пару недель в шлюпочный поход по Волге? Как вы относитесь к этой аванюре?

ИЛЬИН. Я отношусь положительно.

СЛАВА. Может, споемся? Только адрес оставьте.

ИЛЬИН. Ладно, успеется. Теперь по части теории. Худо, брат, когда ты ошибешься в женщине и она до конца дней будет портить тебе существование. Но во сто раз хуже, если ты по дурости пройдешь мимо стоящего человека. Я Катю имею в виду. Дошло? Молчи. Сколько там давление?

СЛАВА (*посмотрел на часы*). Девять.

ИЛЬИН. Пора. (*Снял со стены Тами́рин шарфик, сунул в карман.*)

СЛАВА. Это тети То́мы.

ИЛЬИН. Не важно. (*Оглядывается.*)

СЛАВА (*что-то поняв*). Тетю То́му не подождете?

ИЛЬИН. Она внизу уже, в парадном. Ну, будь. Прощай, старик.

СЛАВА. Она же будет психовать, если вы так, не прощаясь, уедете. Вы же знаете ее.

ИЛЬИН. Не будем препираться. Я спешу.

СЛАВА (*встал перед дверью*). Александр Петрович, вы неправду говорите. В чем дело? Откройтесь, я – могила.

ИЛЬИН. Слушай, не чуди, у меня поезд. (*То ли шутливая, то ли серьезная борьба у двери.*) Ты что, свихнулся?

СЛАВА. Неужели вы То́мку испугались? Бойтесь, что она вас не отпустит? Не бойтесь, слова не скажет, голову даю! А подождать ее вам придется.

ИЛЬИН. Ультиматум?

Короткая схватка. Ильин отшвырнул Славу в сторону. Слава тут же вскочил, снова вцепился в Илью́на.

СЛАВА. У нее, кроме вас, никого никогда не было! В таких случаях надо хотя бы попроситься!..

Ильин вынес Славу на себе в прихожую. Вскоре Слава влетел в комнату, растянулся на полу. Потом встал, пожал плечами, криво усмехнулся. Сел на письменный стол, задумчиво засвистел. Входит Тамара.

ТАМАРА. У нас дверь открыта.

СЛАВА. Закрой.

ТАМАРА. А где Александр Петрович?

СЛАВА. Он сказал, что ты ждешь его внизу. Ты разве не проводила его?

ТАМАРА (*молчит, с сумкой в руке. Подошла к столу, машинально выложила покупки*). Проводила. (*Пошла к двери*.)

СЛАВА. Тетя Тома!

Тамара остановилась.

Не унижайся, не бегай за ним.

Тамара начала медленно, методично прибирать комнату. Достала с полки папиросы, закурила. Включила рефлексор, села на скамеечку и, не сняв пальто, принялась накручивать волосы на бигуди.

Свет гаснет. Занавес.

Женищина.

Преклонение и жалость...

Четвертый вечер

Вешалка, сундучок (из тех, что стоят в прихожей). Звонит телефон. В накинутом на плечи пиджаке выходит Ильин, снял трубку.

ИЛЬИН. Да... Ленинград... Тимофеева?... Сейчас. Миха, тебя. Эй, телефон!

Из комнаты выходит Тимофеев, всклокоченный, хмурый человек в пиджаке. Хочет взять трубку, но в это время позвонили в дверь.

ТИМОФЕЕВ. Кто там?

ГОЛОС Тамары. Извиняюсь. Тимофеев Михаил здесь живет?

ТИМОФЕЕВ. Здесь.

Ильин панически замотал головой и замахал руками, опустил трубку на рычаг и пошел в комнату, от двери шепнув: «Меня здесь нет». Тимофеев открыл дверь. Вошла Тамара.

ТАМАРА. Простите, не знаю вашего отчества. Я так поздно... Но бывает – приходится... Я хотела у вас справиться насчет Ильина, Александра Петровича.

ТИМОФЕЕВ (*неопределенно*). Александра Петровича?

ТАМАРА (*очень вежливо*). Вы с ним в институте учились.

ТИМОФЕЕВ. Ах, Сашка! Да, учился. Он что, сейчас вам нужен? Немедленно?

ТАМАРА. Нет, зачем же! Я только хотела спросить. Извините, что так поздно.

ТИМОФЕЕВ (*посмотрел на часы, поднес к уху, потряс*). Вчера починил, сегодня стоят.

ТАМАРА. У нас часто так бывает, починят...

ТИМОФЕЕВ. Что?

ТАМАРА. Говорю: починят, а как часы идут – это их не интересует.

ТИМОФЕЕВ (*передернулся*). Не топят, черти. Посидите, накину что-нибудь.

Тимофеев исчез. Тамара присела на сундучок. Некоторое время сидит одна, чопорная от неловкости. Тихо, по-ночному, из репродуктора звучит музыка.

Тимофеев, утепленный, вошел снова.

ТИМОФЕЕВ (*сухо*). Ну, что вам?

ТАМАРА. Я хотела спросить насчет Ильина. Не знаете, где он сейчас?

ТИМОФЕЕВ (*быстро*). Ну был он у меня, заходил.

ТАМАРА. Когда?

ТИМОФЕЕВ. Число не записал, дней, может, десять...

ТАМАРА. А он не обещал к вам прийти?

ТИМОФЕЕВ. Не обещал.

ТАМАРА. И адрес не оставил?

ТИМОФЕЕВ. И адрес не оставил.

ТАМАРА. Хм. Называется, друзья. Как же вы встретились и ничего не спросили... (*Направляется к выходу. Но у двери повернулась.*)

ТИМОФЕЕВ. Ну, я его спрашивал, как, что, он меня спрашивал, что, как...

ТАМАРА (*вернулась*). Ну, и как же у вас, что?

ТИМОФЕЕВ. Вот, приехал в командировку, остановился у родичей. Так что вы меня случайно застали. (*Телефонный звонок.*) Да!.. Тимофеев слушает... Подгорск? Алло! Где же ваш Подгорск?.. Да никто не вешает трубку!.. Жду, жду...

ТАМАРА. Значит, вы тоже на Подгорском комбинате работаете?

ТИМОФЕЕВ (*с трубкой*). Я тоже. А кто еще?

ТАМАРА. Ну как же, Ильин!

ТИМОФЕЕВ. Ах, Ильин! Что ж, возможно.

ТАМАРА. Что значит возможно, неужели вы не знаете? Вы кем работаете?

ТИМОФЕЕВ. Я? Главным инженером.

ТАМАРА (*подозрительно*). Странно. Очень странно. А Ильин?

ТИМОФЕЕВ. Что – Ильин?

ТАМАРА. Он тоже в Подгорске?

ТИМОФЕЕВ. Нет, Ильин – он не знаю где.

ТАМАРА (*что-то поняла*). Так.

ТИМОФЕЕВ (*в трубку*). Да, Тимофеев... Ладно, я тебя слышу хорошо, говори... Так... Порядок... Уже договорились... Уже!.. Глухая тетеря... Буду двадцатого, вышли машину... Все, бывай. (*Повесил трубку.*) А вы, собственно, кто ему будете, жена?

ТАМАРА. Я? Нет, просто знакомая.

ТИМОФЕЕВ. Сочувствую.

ТАМАРА. Чему же вы сочувствуете?

ТИМОФЕЕВ. Ладно, сейчас не время, как-нибудь на досуге.

ТАМАРА. А все-таки. Меня это интересует. Раз уж начали – договаривайте.

ТИМОФЕЕВ. Ничего я не начинал, не люблю вмешиваться в чужие дела.

ТАМАРА. Может быть, вы намекаете, что он безалаберно живет?

ТИМОФЕЕВ. Странная вы женщина, ни на что я не намекаю.

ТАМАРА. Или вы намекаете, что он неуравновешенный человек, вспыльчивый, что его даже из института исключили, так он не виноват. Этого декана, которому Саша тогда нагрубил, его и сейчас все студенты не любят... Ну хорошо, если даже тогда Саша совершил ошибку... Но он правильно говорил: «Заслуга не в том, чтобы не делать ошибок, а в том, чтобы вовремя их исправлять».

ТИМОФЕЕВ. Что же не исправил?

ТАМАРА. А вы ему завидуете?

ТИМОФЕЕВ. Чему же завидовать, любопытно.

ТАМАРА. А зато... А зато он талантливый! Его даже в школе называли «химик-гумми-арабик» – такие у него были способности! И в институте не вы ему помогали, а он вам!

ТИМОФЕЕВ (*усмехнулся*). Помнит.

ТАМАРА. Он не хвалился, просто к слову пришлось... Теперь я понимаю, почему он от меня ушел. Ничего не объяснил. Все-таки обидно. Обо мне совсем не подумал. И вот я за ним бегаю. Вы скажете, что я унижаюсь. Может быть. Но ведь я не о себе думаю, а о нем! Хотя так, наверно, всем кажется.

ТИМОФЕЕВ. Ну успокойтесь, успокойтесь, будет вам...

ТАМАРА. Я ведь, в сущности, живу одна. В будни ничего – работа у меня интересная, ответственная, все время чувствуешь себя нужной людям. А в праздник плохо. Никуда идти не хочется. Все парами, парами, только ты одна. Один раз еду в трамвае и думаю: «Вот бы ехать, ехать, никуда не приезжать». Представляете? А дома так вдруг худо делается, что вот пол натерт, и все на месте... Расшвыриваешь вещи по комнате, а потом от этого еще хуже, опять порядок наводишь. (*Застегнула пальто.*)

ТИМОФЕЕВ. Шея-то открыта, надует.

ТАМАРА. Ничего. Шарфик куда-то делся.

(*Тимофеев снял с вешалки шарф, накинул ей на шею.*)

Что вы? Зачем?

ТИМОФЕЕВ. На память.

ТАМАРА (*возвращает*). Не надо.

ТИМОФЕЕВ. Подождите, я вас провожу.

ТАМАРА. Не надо.

ТИМОФЕЕВ. Хоть адресок оставьте, что-нибудь узнаю – зайду скажу.

ТАМАРА. Адрес простой: Восстания, двадцать два, квартира два. Запомните? До свидания.

Тамара ушла. Тимофеев, хмурый, сидит на сундуке, закурил. Из комнаты вышел Ильин. Смотрит на Тимофеева молча.

ИЛЬИН. Да, забавная ситуация...

ТИМОФЕЕВ. Куда забавней.

ИЛЬИН. Помню, ранило меня – трясусь в медсанбатской машине, прижался к борту. Осколок попал в легкое, чувствую: чуть наклонишься – и кровь хлынет горлом. Так, думаю, долго не проживешь, гроб. И только одна мысль была в голове: если бы мне разрешили прожить еще один год. Огромный год. Миллион вот таких бесконечных минут. Что бы я успел сделать за этот год! Я бы работал по шестнадцать, по двадцать часов в сутки. Черт его знает, может быть, я сумел бы сделать что-нибудь стоящее!.. (*Сморщился, замотал головой.*) А ты красноречиво описал. Сволочь все-таки.

Тимофеев не отвечает.

И зачем ты, объясни ради всего святого, рассказал ей свою биографию? Какое ей дело до того, главный ты инженер или не главный? Да еще в Подгорске? К чему ей твой адрес? Почему ты не рассказал заодно, какая у тебя зарплата и сколько у тебя было знакомых женщин? Я тебя что просил: скажи – никого здесь нету, ничего не знаю. Простая вещь. Нет, надо же тррр... тррр... Трепло!

ТИМОФЕЕВ. Я в жизни никому не врал. Не умею, и больше ты меня не заставишь!

ИЛЬИН. Не ори, стариков разбудишь.

ТИМОФЕЕВ. Вот мой совет: беги за ней, валяйся в ногах.

ИЛЬИН. Исключено.

ТИМОФЕЕВ. Почему?

ИЛЬИН. Видишь ли, есть женщины с ямочками на щеках, есть без ямочек. Тамара – единственная женщина в мире с ямочкой на одной щеке.

ТИМОФЕЕВ. Не балагань.

ИЛЬИН. Понимаешь, я ей наврал. Брякнул, что я главный инженер. Ну, знаешь, я ведь раньше в ее глазах был этакий Менделеев. Не стоит, думаю, разочаровывать. Потом смотрю – дело-то серьезней, чем я предполагал. Рано или поздно карты придется раскрыть. Что делать? Сознаться. А позор? Пускай лучше думает, что я этакий отчаянный, безрассудный, ну непрактичный – это женщины прощают. Надоело, говорю, все это, махнем куда-нибудь к дьяволу на Север... Вот, если бы она согласилась, я бы и взял ее к себе, а потом бы как-нибудь обошлось. Так нет, сначала ей надо выяснить, рассудить, вникнуть во все обстоятельства моей жизни. А я не хочу, чтобы она вникала! Я имею право жить, как мне нравится, и ни перед кем не отчитываться. В том числе и перед тобой. Обличитель! Из высших соображений плюнул женщине в душу. Гордись! И вообще ты мне надоел, я от тебя ухожу.

ТИМОФЕЕВ. Куда же ты сейчас пойдешь – ночь!

ИЛЬИН. Не погибну. *(Надел пальто, ушел.)*

Пятый вечер

Вы замечали, сколько солнечного света может вместить ледяная сосулька? Одна за другой с нее падают капли, а она все сверкает! Нет, еще не весна, до нее далеко. Еще и сессия не кончилась.

Комната Тамары. Слава занимается, Катя в сторонке играет на гитаре.

СЛАВА. На Луне есть притяжение, только в шесть раз меньше.

КАТЯ. Да? А мне говорили...

СЛАВА. Весомость исчезает в той точке, где притяжение Земли и Луны уравновешивается.

КАТЯ. В атмосфере?

СЛАВА. Там уже нет атмосферы – безвоздушное пространство.

КАТЯ. Да? А мне говорили... Слава!

СЛАВА. Что?

КАТЯ. Не возвращался?

СЛАВА. Гарун бежал сильнее лани, быстрее, чем заяц от орла.

КАТЯ. Куда бежал?

СЛАВА. В неизвестном направлении. Можно о чем-нибудь другом?

КАТЯ. Пожалуйста. Ты читал, сегодня в газете про вас пишут.

СЛАВА. Про кого, про нас?

КАТЯ. Про химическую промышленность. Громадные перспективы.

СЛАВА. Перспективы – будь спокойна. Химия – наука будущего. Самая абстрактная и в то же время самая практическая из наук.

КАТЯ. Когда теплотехнику сдаешь?

СЛАВА (*сморщилась*). Обязательно надо какую-нибудь гадость сказать! Еще конспекты надо переписывать. А время?

КАТЯ. У Лидочки попроси.

СЛАВА. Просил.

КАТЯ. Испортилась самописка?

Пауза. Слава встряхнулся, разгоняя дурные предчувствия, подошел к Кате.

(*Отстранилась.*) Руки!

СЛАВА. Пошла ты к черту!

КАТЯ. Ты думал, со мной проще, чем с твоими студентками? Нет, со мной не проще, придется тебе разочароваться.

Слава вернулся к столу.

Слава, а вот ты, наверно, думаешь, что у меня нетрудная работа. Неправильно! Зависит от того, как ее выполнять. Меня знаешь как абоненты любят. А главное – очень перспективная работа. Я могу вырасти до диспетчера. Не знаю, мне жалко, что ты недооцениваешь мою специальность.

Входит Тамара.

ТАМАРА. Ко мне никто не приходил?

СЛАВА. Никто не приходил и не придет.

ТАМАРА. Видишь ли, Александр Петрович еще не уехал, а мне очень нужно видеть его по делу.

СЛАВА. По какому делу? Зачем тебе его нужно? Да я тебя запру в комнате, как помешанную.

ТАМАРА (*печально*). Что он тебе сделал, что ты так на него злишься?

СЛАВА. Все-таки жизнь – злоеущая штука. Одного поломала, другую согнула.

Тамара скрылась за ширмой, легла на кровать.

КАТЯ (*подошла к ширме*). Между прочим, я знаю один адрес, там о нем можно справиться.

СЛАВА. Твое дело сторона.

Тамара поднялась на кровати.

КАТЯ. Он по телефону говорил, с переговорного, я слышала.

СЛАВА. Учти – существует тайна телефонных переговоров.

КАТЯ. Да я не хочу слышать, а слышу. Даже самой неприятно. Он в «Гастроном» звонил, на угол Литейного и Пестеля. Ты скажи ей, может, она сходит.

СЛАВА. Из себя небесное создание строишь, а другие пускай бегают, унижаются.

КАТЯ. И пускай спросит Зою из бакалеи. Уж у нее что-нибудь узнает, либо хорошее, либо плохое.

Слава снова принимается за занятия.

ТАМАРА. Может, чаю выпьете?

КАТЯ (*села к столу*). С удовольствием.

СЛАВА. Кате пора домой.

Катя посмотрела на Славу. Сорвалась, схватила пальто и, не надев его, выбежала.

ТАМАРА. Зачем ты так?

СЛАВА. Болтает лишнее. (*Ушел к себе.*)

Тамара тихо встает, одевается и уходит в «Гастроном» на угол Литейного. Свет гаснет. Конторка «Гастронома». За столом сидит Зоя в белом халате поверх пальто. В руках у нее стопка листочков с экзаменационными билетами. Она тасует их, как колоду карт. Открыла верхний листочек, прочитала.

ЗОЯ. «Вафли. Характеристика, качество, сортность». (*Задумалась.*) Вафли – мелкопористые пластинки с ячеистой поверхностью. У них должен быть свойственный им запах. (*Сбросила на счетах костяшку. Недовольна собой, покачала головой. Снова перетасовала билеты, открыла верхний.*) «Десертные крепкие вина». Из десертных крепких вин наиболее характерное – это являются портвейны «Массандра» и «Ливадия». (*Еще костяшка.*)

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Зойка!

ЗОЯ. Чего тебе?

ГОЛОС. Там к тебе пришли. Здесь ты, нет – как сказать?

ЗОЯ. Кто?

ГОЛОС. Говорят – знакомые.

ЗОЯ. Пропусти.

Входит Ильин. Воротник поднят – на улице холодно. Поставил чемодан. Взвесился на товарных весах, покачал головой.

Вот не ожидала. Ну, как знакомая приняла, не обидела?

Ильин сел на стул.

Что это у вас меланхолия? В наше время вы должны быть оптимистом. Берите от жизни все!

ИЛЬИН. Все взял, ничего не осталось.

ЗОЯ. Прогнала вас мадама?

ИЛЬИН. Прогнала.

ЗОЯ. Ну, расскажите про ваше расставанье. Я люблю, когда рассказывают про расставанье.

Ильин молчит, присвистывает.

Мужчина в расцвете лет. Стыдно. У вас еще все впереди.

ИЛЬИН. У меня все впереди. И в семнадцать лет было все впереди, и сейчас все впереди.

ЗОЯ. Вам ли жаловаться. Сколько вы насмотрелись в жизни. Не хуже Максима Горького.

ИЛЬИН. Максим Горький тридцать томов написал.

ЗОЯ. Ну и что, не у всех способности. У меня тоже не лучше. Уччу-учу, а что толку? Другому поставят вопрос, он и пошел, и пошел, а я сразу все выложила и молчу. Говорят – мало.

ИЛЬИН. Ты не знаешь, каким я был прежде, чего только мне не пророчили. И вот такой камуфлет.

ЗОЯ. Она хоть интересная?

ИЛЬИН. Кто?

ЗОЯ. Ваша мадама. Имейте в виду, неинтересная женщина – все равно что глупый мужчина.

ИЛЬИН. Совсем я тут с вами развинулся. Пора домой. Домой, за работу.

ЗОЯ. Желаю успеха. Труд создал человека.

ИЛЬИН. Пора, пора. Уже нам в лица дует воспоминаний слабый ветерок...

ЗОЯ. А у меня идея. Давай поцелуемся?

ИЛЬИН. В следующий раз.

ЗОЯ. Испугался, я пошутила. Знаешь, почему я такая легкомысленная? Оказывается, мой родной прадедушка был француз. Вот честно скажу: не терплю я эти симфонии – я ее уважаю, я ее обожаю, я ее ублажаю...

ИЛЬИН. Помолчала бы.

ЗОЯ. Чего мне молчать, я у себя.

ИЛЬИН (*встал*). Э-эх!

ЗОЯ. Куда собрался?

ИЛЬИН. Пойду.

ЗОЯ. Совсем?

ИЛЬИН. Совсем.

ЗОЯ. Зачем же приходил?

ИЛЬИН. Попрощаться. (*Помахал железнодорожным билетом.*)

ЗОЯ. Прощайся...

Прощаются за руку. Ильин уходит.

(*Кричит ему вслед.*) Ну и шут с тобой, шагай – не оглядывайся. Эх ты! Куда бежишь, чего ищешь?.. (*Прислушалась. Ильин не отвечает. Села за столик, перетасовала экзаменационные билеты.*) Так. Виноград. Ну, стандартный виноград, он должен соответствовать своему стандарту. Большинство винограда упаковывается в решета. (*Щелкнула на счетах.*) Так. Витамины. В одна тысяча восемьсот восьмидесятом году ученый Лукин доказал, что есть витамины. Витамин Е предохраняет от нервной системы. (*Еще костяшка.*)

Входит Тамара.

Вы ко мне?

ТАМАРА. К вам. По личному делу.

ЗОЯ. Присаживайтесь. Только коротко, у меня экзамены завтра – повышение квалификации. Такие вопросы – прямо на министра торговли.

ТАМАРА (*села*). Мне нужно найти Александра Петровича.

ЗОЯ. Извините, какого Александра Петровича?

ТАМАРА. Ильин его фамилия.

ЗОЯ. Сашка, что ли?

ТАМАРА. Саша.

ЗОЯ (*поняла, с кем говорит*). А, звезда скатилась. Значит, вы его ищете.

ТАМАРА. У меня к нему дело.

ЗОЯ. Так. Значит, сбежал.

ТАМАРА. Я знаю, что он здесь бывает.

ЗОЯ. Раньше надо было держать. После драки кулаками не машут.

ТАМАРА. Мне надо его видеть, ненадолго.

ЗОЯ. Значит, он тебе тоже мозги крутит.

ТАМАРА. Как вы странно говорите.

ЗОЯ. Слушай, подруга, здесь не оторвется, он крепко на якоре стоит.

ТАМАРА. Меня это не интересует. У меня к нему личное дело.

ЗОЯ. И у меня не общественное.

Смотрят друг на друга.

ТАМАРА. Так вы передайте ему, пожалуйста, что я хочу его видеть.

ЗОЯ. А кем вы ему приходиться?

ТАМАРА. Просто знакомая. Старая знакомая.

ЗОЯ. Чудно! Я вот – новая знакомая, а он мне все рассказывает о себе. А старая знакомая приходит ко мне спрашивать, что с ним да где он.

ТАМАРА. Да, он мне не все рассказывает. Может быть, стыдится.

ЗОЯ. Ах-ах! Когда любят – не стыдятся. Любовь – бесстыдное чувство, учтите... Да вы и не подходите друг к другу, ну нисколько! Он же все равно через месяц вам изменять начнет. Вам это будет непереносимо. А я прощу. (*Постепенно возбуждается.*) Ведь он сам не соображает, что ему нужно! У него про вас еще воспоминания юности, вот что его волнует! А я виновата, что он тогда познакомился не со мной, а с вами? Я лучше вас была, уж поверьте. (*Роемся в сумочке.*) Вот, посмотрите, какая я была.

ТАМАРА (*не без яда*). Да, вы сильно изменились.

ЗОЯ. Все равно мне до вас далеко. Неужели вы ни разу не задумались о своем возрасте?

ТАМАРА (*легко*). А что, говорят, я хорошо сохранилась.

ЗОЯ. Не верьте, они преувеличивают. (*Сочувствуя.*) Замуж тебе надо, вот что. За хорошего человека. Эх, в Индию бы тебе. Там, говорят, на одну женщину полтора мужчины приходится. Хоть половинка бы досталась.

ТАМАРА. Так вы передайте ему, не забудете?

ЗОЯ. Думаешь – прибежит?

Тамара молчит.

ЗОЯ. Ну, надейся, надейся.

ТАМАРА. До свидания.

ЗОЯ. Только передать-то не придется. Нет его у тебя, нет и у меня.

ТАМАРА. Как – нет?

ЗОЯ. Вот так. Ищи-ищи. Найдешь – привет передавай.

Тамара уходит.

Так. Крахмал. (*Припоминая.*) Крахмал – это мельчайшие частички, которые незаметны простым вооруженным глазом. (*Посмотрела в тетрадку, поправилась.*) Невоору– женным! (*И заплакала.*)

За столиком, в вокзальном ресторане. Ильин. Входит Катя с номерком в руках.

КАТЯ. Товарищ Ильин!

ИЛЬИН. О!..

КАТЯ. Пойдемте отсюда.

ИЛЬИН. Откуда ты, прелестное дитя?

КАТЯ. Я? С переговорного.

ИЛЬИН. А как ты сюда попала?

КАТЯ. Я? Шла мимо, а вы у парадного стоите, где Тамара Васильевна живет.

ИЛЬИН. Ничего я не стоял.

КАТЯ. А может, и не стояли, мне показалось. Вот эту селедку можно съесть, а графинчик давайте я отнесу обратно. Вы же его не тронули, буфет обязан принять.

Ильин налил себе стопку, выпил.

Товарищ Ильин! Не надо! Ведь с этого все и начинается. Вы не видели научный кинофильм «Это мешает нам жить»? Идемте отсюда, здесь неудобно девушке сидеть. Что обо мне подумают?

ИЛЬИН. Никогда не думай, что о тебе думают, учись не зависеть от чужого мнения.

КАТЯ. Как же не думать? Мы же не одни живем, в человеческом обществе...

Ильин налил себе еще.

Александр Петрович, не надо! Идемте лучше к Тамаре Васильевне, она зачем-то хотела вас видеть.

ИЛЬИН. Ай трай ту ду май бест.

КАТЯ. Что?

ИЛЬИН. Ради вас сделаю все, что в моих силах.

КАТЯ. Спасибо.

ИЛЬИН. Только не это.

КАТЯ. Почему? Станный человек... Как она вас любит! Это раз в жизни бывает, и то не со всяким. Другой и так проживет и думает – все в порядке. Где-то я читала, что любви нет, есть одна симпатия. Неправда! Разве что-нибудь сравнится с любовью? Без нее человек высыхает.

ИЛЬИН. Раз так – выпьем за Тамару Васильевну!

КАТЯ. Ах так! Тогда я тоже буду пить. Сколько вы – столько и я.

ИЛЬИН. Хвалю. (*Наливает ей.*)

КАТЯ. Только мне нельзя, я сразу пьяная буду. (*Выпили. Катя задохнулась, торопливо закусила.*)

ИЛЬИН. Да, надо привыкать к мысли, что лучшее уже позади.

КАТЯ (*выпив, начала соглашаться*). А что, правда. Я ведь тоже не такая молодая. Мне девятнадцать лет, а у меня уже нервы портятся.

ИЛЬИН. Ты насчет Тамары Васильевны говорила.

КАТЯ. Я? Не помню.

ИЛЬИН. По идее можно жить только с такой женщиной, которая высекает из твоей души искры.

Катя. По-моему, Тамара Васильевна именно высекает.

ИЛЬИН. Началась война – она одна меня провожала. Сидим на машинах, женщины кругом режут, а она смотрит снизу вверх и говорит: «Видишь, какая у тебя будет бесчувственная...» – и запнулась. Спрашиваю: «Что?» Моторы тарахтят, не слышно. «Что ты сказала, не понял!» – «Я сказала: видишь, какая у тебя будет бесчувственная жена». Машины тронулись, она бежит сзади. Бежит и молчит. Потом мотор, что ли, заглох – остановились. И она остановилась. Прислонилась к водосточной трубе, смотрит. Опять поехали, она опять побежала. Потом отстала... (*Налил себе.*) А тебе хватит.

КАТЯ. Вы пьете – и я буду пить! (*Расхохоталась.*) У нас одна девочка остригла косы, надела кофту в обтяжку, юбку с разрезами – у нее сразу мальчики появились. Скажите, почему это? Мальчишки тоже есть не лучше. Он с тобой знакомится и уже заранее спрашивает, где ты живешь – боится, что далеко провожать... Александр Петрович, когда я его увидела – у меня в груди как будто колокол ударил!

ИЛЬИН. Кого увидела?

КАТЯ. Кого? Славку.

ИЛЬИН. Вот видишь, а ты сидишь здесь. Иди к нему. А то знаешь есть такое словечко: «поздно». Ничего, еще узнаешь! Ты слушайся меня. Самые хорошие советы дают неудачники.

КАТЯ. Почему же вы неудачник? Вы – большой человек. Как вы в химии разбираетесь! Слава говорит – это сейчас редкость.

ИЛЬИН. Химия, Катенька, – это всего-навсего мечта. Химия – синяя птица. А у черта на куличках есть поселок Усть-Омуль. И морозы там – за сорок градусов, туман над землей стоит, молоко. Дунешь – гул идет, будто паровоз свистнул, воздух замерзает. Машину с места не сдвинешь, нет сцепления с почвой, от скатов резина кусками отваливается. А ты знай целый день крути баранку. А срочный рейс – и ночь не поспишь. Пожевал, не выходя из кабины, и дальше газуй. А то застрянешь в тайге, километров пятьсот от поселка, и жди, пока откапают. Вот она, шоферская работенка.

КАТЯ. Значит, вы все наврали? Вы шофер.

ИЛЬИН. Теперь заведующий гаражом. Крупная должность.

КАТЯ. Зачем же вы наврали?

ИЛЬИН. Только ради мелкого тщеславия.

КАТЯ. Значит, вы хотели ставить себя выше других?

ИЛЬИН. Ну, потолковали – довольно. Иди, Катя.

КАТЯ. А вы?

ИЛЬИН. А я посижу.

КАТЯ. Одна не пойду.

ИЛЬИН (*с досадой*). А!..

Опрокинул рюмку. И Катя опрокинула. Стукнул ею о стол. И Катя стукнула. Смотрят друг на друга молча.

Комната Тамары. Тетку и племянника мы застаем в той мизансцене, в какой остановил их разговор: она – со скатертью, которую начала складывать, он – с развернутым листом ватмана.

ТАМАРА. Они уже сидят на машинах, все кругом плачут. А я ему говорю: «Видишь, какая у тебя будет бесчувственная жена...» Славик, ты не злишь. Ведь кончено!

СЛАВА. А если кончено, зачем предаваться воспоминаниям?

ТАМАРА. Потому и предаюсь. Раньше ведь не предавалась. Машины тронулись, и я побежала. Потом их машина почему-то стала, и я остановилась, смотрю на него. Опять поехали, я опять побежала.

СЛАВА. Я только одного не пойму. Это в романах влюбляются неизвестно за что, а в жизни все-таки любят за что-то.

ТАМАРА. Нет, Слава, он не такой человек, как тебе кажется. Совсем не такой, совсем не такой!

СЛАВА. Завидую людям, которым все нравится.

ТАМАРА. Мне давно уже не все нравится.

СЛАВА. Прогресс.

Тамара. Ну и что же, людям часто казалось, что плохого в жизни больше, чем хорошего. Но вот прошло время – и что на проверку? Ленин, Джордано Бруно, Пушкин – люди их вечно будут помнить! А разные инквизиторы, гонители, цари – почти все забыты. Только отдельных представителей еще по истории проходят, да и то путают, какой царь после какого шел.

СЛАВА. А ты не лишена логики.

И, одновременно замолкнув, они, как на ожившем кинокадре, продолжают прерванные занятия.

ТАМАРА (*рассеянно*). Как там твои профсоюзные дела?

СЛАВА. А никак. Что я, буду за всех вкалывать? Называется выборы! Все себе самоотводы дали: один говорит – поет в хоре, другой говорит – за городом живет, третья говорит – меня нельзя выбирать, я подавляю инициативу других. Так не подавляй! А я на минутку вышел – бац! – выбрали!

ТАМАРА. Стыдно говорить такие слова! Студенты съехались бог знает откуда, некоторые живут на частных квартирах. Ты же лучше знаешь, кто нуждается в общежитии, кто нуждается в помощи из директорского фонда. Есть такие, что стесняются, ни за что сами не скажут. А культмассовая работа? Особенно для иногородних. Сходить вместе то ли в театр, то ли в музей... Экскурсии по памятным местам, то ли пешком, то ли на автобусе. У профкома есть средства, чтобы это оплатить. А ты? Какой эгоист!.. Завтра принесу тебе форму: экран уплаты членских взносов. Повесишь на стенку, чтобы все видели.

СЛАВА (*вздыхнул*). Ладно.

ТАМАРА. Приберу там у вас. (*Уходит в другую комнату.*)

СЛАВА. У нас. Сколько вас. Раз.

Звонок в дверь. Тамара вернулась в комнату.

ТАМАРА. Это он! (*Опустилась на стул.*)

СЛАВА. Открыть?

ТАМАРА. Подожди. Егор Иванович откроет.

Сидят молча. В прихожей послышался голос Кати.

СЛАВА. Катя твоя пришла.

Тамара снова скрылась в соседней комнате. Вошла Катя. Она сильно навеселе.

КАТЯ (*сразу же от двери, предупреждая*). Я не к тебе пришла. (*Приблизилась к столу. Надувшись, разглядывает чертеж.*) Опять на Лидочку ишачишь? Давай-давай.

СЛАВА. А ну дыхни.

Она дыхнула.

Где нализалась?

КАТЯ. А тебе какое дело? (*Надменно протянула руку, указала на свой платочек, который не без умысла уронила.*) Подыми!

Слава поднял.

Стул!

Слава подвинул стул.

Не сюда, туда! (*Слава отнес стул к стене.*)

(*Напевая, проишлась по комнате в танце.*) Ой, что я пою! Нужно чардаш. (*Пляшет перед Славой.*) Что же, долго я так буду? Теперь ты пляши!

СЛАВА. Обалдела?

КАТЯ. Ты должен исполнять, что тебя просят женщины. А то я уйду. Руки вот так. К себе, от себя, к себе, от себя! Понял?

Входит Тамара.

ТАМАРА. В чем дело?

КАТЯ (*Тамаре*). У него есть данные, только ему надо систематически заниматься. (*Славе.*) Воды!

Слава подал ей стакан воды.

Выпей!

СЛАВА (*ставит стакан*). Ну знаешь...

КАТЯ. Тамара Васильевна, у меня к вам дело, очень важное. А если я лягу, можно?

Тамара. Ложись на мою кровать, сейчас дам укрыться.

КАТЯ (*Славе*). Что-нибудь укрыться, слышал?

Слава принес одеяльце. Катя легла, он укрыл ее.

Теперь достань у меня из пальто тетрадку. В кармане.

Слава достал толстую тетрадь.

Тебе!

СЛАВА (*открыл тетрадь*). Что это?

КАТЯ. Убиралась у твоей Лидочки, обнаружила ее конспекты знаменитые по теплотехнике. Я их тебе переписала.

СЛАВА. Что, за весь семестр?

КАТЯ. От нечего делать.

СЛАВА. Сколько же времени ты угрохала на эту халтуру?

КАТЯ. Ночь одну просидела. У меня все равно бессонница была. А почему ты говоришь – халтура? Разве тебе это не нужно? Ведь сессия.

СЛАВА (*задумчиво, на мотив «Сесибон»*). Сес-си-я! Та-ра-рам, та-ра-рам... Спасибо.

КАТЯ. Что стоишь? Иди учись!

Слава, листовая тетрадь, ушел в соседнюю комнату.

Что я хотела сказать?.. Тамара Васильевна, вот что: Александр Петрович вам не пара. И он сам это прекрасно понимает. Я читала такое изречение: «На могиле человека надо писать не то, кем он был, а то, кем он мог быть».

ТАМАРА. На какой могиле? Что с ним случилось?

КАТЯ. Ничего не случилось – это цитата. Тамара Васильевна, во-первых, он врун. Оказывается, он на автобазе работает где-то на Полярном круге. Температура ниже сорока градусов. И в такой холодище он должен ехать по тайге.

ТАМАРА (*тряхнула ее за плечи*). Где ты его видела? Он не уехал? Где он сейчас?

КАТЯ. Не знаю. Он меня довел до вашего дома и куда-то пошел. Тамара Васильевна, вы меня взболтали – не поймешь, где желток, где белок, я теперь гоголь-моголь. Можно я посплю немного?

Звонок в наружную дверь. Тамара метнулась открывать, но вернулась к зеркалу, торопясь, подкалывает волосы. Постучали.

ТАМАРА. Да.

Вошел Тимофеев.

ТИМОФЕЕВ. Приветствую. Не помешал?

ТАМАРА. Что вы? Раздевайтесь.

ТИМОФЕЕВ. Не стоит, я на минутку. (*Но разделся.*)

ТАМАРА. Садитесь.

ТИМОФЕЕВ. Рассиживаться некогда. (*Но сел.*) Вижу свет в окошке – решил посмотреть что, как. Значит, вы здесь обитаете? А там кто?

ТАМАРА. Там племянник.

ТИМОФЕЕВ. А это что? (*Включил рефлектор. Он вспыхнул и перегорел.*)

ТАМАРА. Это рефлектор. Вы его переггли.

ТИМОФЕЕВ (*рассматривает рефлектор*). Ничего, возьму с собой, починю.

ТАМАРА. Не стоит, племянник починит. Слава!

Входит Слава с раскрытой тетрадью.

СЛАВА. Катя спит? Тетя Тома, понимаешь, что она сделала? Передумала лекции по теплотехнике за весь семестр. Тут же формулы, адский труд! Это знаешь героический поступок, за это можно представить к награде.

ТАМАРА. Не трещи – разбудишь.

СЛАВА. И главное – ничего не перепутала, действительно у нее, что ли, способности? Может быть, она самородок? При такой внешности это редкость, правда? У нее, в сущности, очень выразительная внешность, ты заметила?

ТАМАРА. Ладно, иди занимайся. Уже есть конспект – не теряй времени.

СЛАВА. Проснется – крикни мне. (*Ушел.*)

Тамара подошла к спящей Кате, поправила одеяло. Та проснулась.

КАТЯ. А Слава где?

ТАМАРА. В той комнате.

КАТЯ. Я его, кажется, обидела. Вы не помните, что я ему говорила?

ТАМАРА. Не помню.

КАТЯ. Пойти, что ли, извиниться. *(Надела туфли, подошла к двери в соседнюю комнату, остановилась.)* Тамара Васильевна, он в каком месяце родился?

ТАМАРА. В марте.

КАТЯ. Я на четыре месяца его старше. Нехорошо?

ТАМАРА. Ерунда.

КАТЯ. Вы думаете? *(Пошла к Славе.)*

ТИМОФЕЕВ *(разбирая рефлектор за столом)*. У вас плоскогубцев не найдется?

ТАМАРА *(рассеянно)*. Найдется.

ТИМОФЕЕВ. А может, отвертка есть?

ТАМАРА. Есть.

ТИМОФЕЕВ. Не дадите мне?

ТАМАРА *(не двигаясь)*. Дам... Вы пришли что-то мне сказать?

ТИМОФЕЕВ. Да, собственно, поинтересоваться. Ильин к вам не заходил?

ТАМАРА. Александр Петрович? С какой стати!

ТИМОФЕЕВ. И вы не знаете, где он?

ТАМАРА. У меня поважнее заботы есть. Столько дел – успевай поворачивайся. Знаете, как на участке? Девушки вон из десятилетки пришли. Есть такие: куда ни поставишь – они не справляются. Одна – чересчур тихая, другая – чересчур боевая, на смену прямо с катка заявись. Такой завал устроила! Я ей говорю: «Коньки выкину и проценты сниму».

Звонок. Тамара вышла, открыла дверь, вернулась обратно. За ней вошел Ильин.

(Просто.) Ты разве не уехал?

ИЛЬИН. Завтра.

ТАМАРА. Если переночевать – комната свободна.

ИЛЬИН *(Тимофееву)*. А! Знакомые все лица!

ТИМОФЕЕВ *(чинит рефлектор)*. Привет!

ИЛЬИН *(Тамаре)*. Ты ему не верь. Женатый человек. У него трое детей, куда он их денет?

ТИМОФЕЕВ. Шут гороховый ты все-таки. *(Встал.)*

ИЛЬИН. Сиди.

Все трое сели. Ильин в пальто сел за стол, Тамара – на подоконник, Тимофеев – у двери, с рефлектором.

Я вот что пришел сказать. Если я не ошибаюсь, вам взбрело в голову, что я, так сказать, неудачник.

Катя и Слава вошли в комнату. Остановились, слушают.

Увы, я лично этого не нахожу. Считаю себя полезным членом общества. И кстати сказать, более полезным, чем вы все, вместе взятые. Так что учтите, друзья, ради вашего удовольствия прикидываться лучше, чем я есть на самом деле, я не собираюсь. Человек должен всегда

оставаться самим собой. Самая выгодная позиция. Да, однажды наступает время, когда тянет на родимые места, к старым друзьям. Не получилось? Тем лучше. Запомните: я свободный, веселый и счастливый человек. И еще буду счастлив разнообразно и по разным поводам. Чего и вам желаю. И на том прощайте. (*Встал.*)

ТАМАРА. Саша, я тебя уважаю.

ИЛЬИН. Ага, ты меня уважаешь. Ты мной гордишься.

ТАМАРА. Да, горжусь.

ИЛЬИН. То-то. Что морщишься, главный инженер? Я тебя шокирую?

ТИМОФЕЕВ. Ничего. Только знаешь я в таких случаях стараюсь не срывать свою злость на других. Особенно на женщинах. Пошли.

ИЛЬИН. Я уйду, когда меня попросит хозяйка. (*Тамаре.*) Может, мне уйти?

ТИМОФЕЕВ (*посмотрел на них внимательно*). Ну ладно, сами разберетесь. (*Ушел.*)

Ильин стоит неподвижно. Потом быстро подошел к Тамаре. Глядя исподлобья, остановился. И сел на стул к ней спиной. Катя и Слава вернулись в свою комнату, уселись рядышком на диван – тихие, сосредоточенные. Ильин, не подымая глаз, повернулся к Тамаре, уткнулся лицом в колени. Тамара сидит не двигаясь.

ТАМАРА. Я знала, что ты придешь. Я знала!

ИЛЬИН. Как это получилось – ты, самая хорошая из всех, и полюбила меня. Восьмое чудо света.

ТАМАРА. Восьмое? А еще какие есть?

ИЛЬИН. Не знаю.

ТАМАРА. Такой честный. Такой умный. Такой хороший. Помнишь, ты предлагал мне ехать куда-то. Что ж, если ты не передумал, я поеду. Ой, что ты мне руки целуешь, они грязные... Ой, что ты кофточку целуешь!..

ИЛЬИН. Ничего, ты не пожалеешь.

ТАМАРА. Не пожалею, Саша, не пожалею!

ИЛЬИН. Ничего, ты еще увидишь.

ТАМАРА. Увижу, Саша, увижу!

ИЛЬИН. Томка! Сколько из-за меня натерпелась!

ТАМАРА. Что ты, обо мне и не думай, я тут хорошо жила. У меня много было счастья в жизни, дай бог каждому. И потом, я вообще никогда не падаю духом. И потом, теперь у нас будет все иначе, все... Завтра воскресенье, можно поехать на озеро Красавица. Там очень хорошо. Я еще там не была, но говорят... И в Павловске очень красиво... Я тоже не была, но говорят... (*То ли радуясь, то ли страшась за свое счастье.*) Ой, только бы войны не было!..

Назначение

Действующие лица

ЛЯМИН
КУРОПЕЕВ-МУРОВЕЕВ
ОТЕЦ
МАТЬ
НЮТА
САНЯ
ЛЮБА
ЕГОРОВ

*Учреждение. Здесь составляют планы, акты, объяснительные записки, считают, пере-
считывают.*

*Здесь сосредоточены, озабочены, недовольны начальством, обедают в столовой через
дорогу.*

Здесь есть талантливые, средние, неспособные.

*Музыка делового дня: треск арифмометров, шелест бумаг, нервные разговоры, женский
смех, мелодические звонки машинок...*

Рабочий кабинет Куропеева.

*КУРОПЕЕВ сидит за столом. Перед ним секретарша НЮТА – привлекательная жен-
щина лет тридцати. Куропеев смотрит на нее пристально и неловко улыбается, как взрос-
лые улыбаются детям. Она смущена, но в меру, как смущаются перед начальником, который
уже уходит.*

КУРОПЕЕВ. Ну что, рада, что я наконец ухожу? Здорово я тебе надоел?

НЮТА (*смущенно*). Чем же вы могли мне надоесть? Наоборот... Но за вас я действи-
тельно рада. Все-таки это серьезное повышение.

Телефонный звонок.

КУРОПЕЕВ (*в трубку*). Да... Да, слушаю. (*Зажал трубку, Нюте.*) Толстяк звонит, про-
веряет, правда ли, что меня повысили. (*В трубку.*) Э, милый, это уже не ко мне, уже все, отдал
концы. Теперь обращайтесь к Лямину. (*Нюте.*) Поздравляет, поздравляет! (*В трубку.*) Спа-
сибо, спасибо, заходите по новому адресу. (*Положил трубку.*) Ну, теперь уж у тебя будет новый
начальник, новый! Дела все расставь по номерам, пускай будет идеальный порядок, чтоб ника-
ких претензий. Ничего, Лямин неплохой мужик, тебе бояться нечего.

НЮТА. А что мне бояться, я свое дело делаю.

Телефонный звонок.

КУРОПЕЕВ. Да. (*Нюте.*) Помогай ему тут, я за него ручался, я за него отвечаю. (*В
трубку.*) Вот и подумайте сами. Почему я должен за всех думать?.. (*Нюте.*) Дай-ка приказ
насчет Егорова. Черт с ним, избавим Лямина от этой неприятности.

НЮТА. Николай Степанович, а может, не стоит, ему остался год до пенсии?

КУРОПЕЕВ. Не беспокойся, этот старик так умеет бороться за свои права, что нам всем учиться и учиться... (*Подписал приказ. В трубку.*) А вот это уже не ко мне, дорогой... Что делать, уже все... Да, ни пуха ни пера. К черту.

Входит девушка.

НЮТА. Куда вы, девушка? Николай Степанович не принимает, он сдает дела.

ДЕВУШКА (*Куропееву*). У меня к вам большая просьба. Может быть, необычная.

КУРОПЕЕВ. Наконец-то – необычная. Это интересно.

ДЕВУШКА. Мне нужна справка, что я отработала у вас два года. Это для поступления в институт.

КУРОПЕЕВ. Отпечатайте там, я подпишу.

НЮТА. К сожалению, девушка у нас работала не два года, а один.

КУРОПЕЕВ. Напишите, что один год.

ДЕВУШКА. Нет, мне именно надо, чтобы справка была за два года, иначе это не имеет смысла.

КУРОПЕЕВ. Виноват, не понимаю.

ДЕВУШКА. Я же предупреждала, что это необычная просьба.

КУРОПЕЕВ. Виноват, не понимаю.

ДЕВУШКА (*испугалась*). Нельзя так, нельзя. Я же ничего не говорю, я только спросила. Тогда простите... (*Выйшла.*)

КУРОПЕЕВ (*улыбаясь*). Так, значит, что, рада, что я ухожу? А? Сознаться.

НЮТА (*смутилась*). Чему радоваться, вы знаете, как я к вам отношусь.

КУРОПЕЕВ (*улыбаясь*). Да?..

НЮТА. И вообще, новая метла всегда чисто метет...

КУРОПЕЕВ. Ничего, привыкай. Ну что же, не пора ли ему перебираться сюда?.. (*Набрал номер.*) Лямина. (*Нюте.*) Мало ты меня ценила, мало. погоди, еще вспомнишь... Лямин? Сегодня говорил с Евдокименко насчет того вопроса, ну, который в статье. Слушай, это сейчас так своевременно, что ты не представляешь! Я сам не думал, что до такой степени!.. Ну что же, когда будешь перебираться сюда? Давай, давай, не тяни!..

Лямин положил трубку, закончив разговор с Куропеевым. Он находится в отделе. За четырьмя легкими канцелярскими столами сидят:

Саня – неглупый молодой человек.

Люба – молодая женщина с большими семейными неприятностями.

Егоров – пожилой человек, озабоченный с детства.

Лямин – за тридцать лет, легко увлекается, легко падает духом.

Люба съела конфетку, Саня издал негромкий вопль. Егоров о чем-то справился у Лямина.

САНЯ (*взглянул на часы*). Так, обед. Не будем терять время. Кому куда надо? Если никому, я запираю дверь. (*Он просунул ножку стула в дверную ручку.*)

ЛЯМИН. Товарищи, ну что это, ни к чему, не надо!

САНЯ. Ты сиди молча.

ЛЮБА (*отобрала папку у Егорова*). Правда, это все можно потом, у нас в запасе вечность.

ЕГОРОВ. Может быть, лучше после работы? Посидели бы спокойно.

САНЯ (*освободил стол от бумаг*). После работы я не могу, мне надо пораньше уйти.

ЛЮБА (*достала выпивку и закуску, разносит бутерброды по столам*). Ничего не знаю, мне сегодня просто необходимо уйти раньше. А двоим сразу нельзя.

ЕГОРОВ. Всем как раз сегодня понадобилось.

ЛЮБА. Хочу напиться. Я сейчас напьюсь.

САНЯ. Ну что, все?

ЛЯМИН (*с неловкостью*). Тогда уж хорошо бы пригласить Анну Ивановну. Может, позовем?

ЛЮБА. Боже мой, у Леши теперь секретарша! Без секретарши он уже не может водку пить.

ЛЯМИН. Она все время остается из-за меня после работы. Без нее я бы зашился там с этой писаниной.

САНЯ. Ну как, зовем или не зовем? Я против.

ЕГОРОВ. Если Алексей Юрьевич просит – надо пригласить.

ЛЯМИН. Зачем же так ставить вопрос?

САНЯ. Черт с ней, звони.

ЛЮБА (*набрала двузначный номер*). Анна Ивановна? Алексей Юрьевич просит вас зайти. У нас заперта дверь, стукнете два раза. (*Положила трубку.*) Совсем другой тон. Ну, люди...

САНЯ. Ждать не будем. (*Поднял бумажный стаканчик.*) С чувством законной гордости я предлагаю выпить за А.Ю. Лямина. В прошлом – рядовой советский человек, каких тысячи, ныне... (*Развел руками.*)

Каждый за своим столом выпил, закусил.

И вот, за нехитрой едой, прихваченной из дому, все ощущают два противоречивых чувства: адскую усталость и радость победы... Товарищи! Нет Куропеева!

ЛЮБА. Как нет?

САНЯ. Практически. Мы лично больше его не увидим. И мы больше его не услышим! Вы еще не оценили все значение этого факта.

ЛЯМИН. Куропеев просто нервный, усталый человек. У него хватает сил добиваться исполнения, но не хватает сил подумать, чего стоит, а чего не стоит добиваться.

САНЯ. Я бы дал всем начальникам солидное содержание, чтобы они взяли все и ушли на покой.

ЛЮБА (*глядясь в зеркало*). Все такие прогрессивные стали, спасу нет. Какую бы мне прическу запузырить? Красота не получается, черт с ним, попробуем сделать что-нибудь абстрактное.

САНЯ. Надо уплотниться, у нас мало времени. С чувством глубокой скорби я поднимаю тост за этого перерожденца и карьериста А.Ю. Лямина.

ЛЮБА. А я сегодня напьюсь. (*На Лямина.*) О, смотрите, уже испугался.

ЕГОРОВ. Алексей Юрьевич – скромный человек. Значит, надо сразу сесть ему на голову?

ЛЮБА (*имея в виду Егорова*). Леша, неужели ты на это клюнешь?

ЕГОРОВ. Ну, в подхалимаже меня обвинить трудно. Вы знаете, какие отношения были у меня с Куропеевым. (*Лямину.*) Боюсь, что с вами, Алексей Юрьевич, будет то же самое.

САНЯ. Не запугивайте его.

ЛЮБА. Мальчики, я вас прошу, позвоните кто-нибудь и мужским голосом спросите Вальку Чулко. А то мне не ответят.

ЛЯМИН. Не стоит, Люба.

ЛЮБА. Почему? Мне интересно знать, где мой муж, уже у своей возлюбленной или еще нет. (*Дала Лямину трубку.*)

САНЯ (*уводя Лямина прочь*). Потом позвоним. Сейчас некогда.

ЛЮБА. Вчера видела на улице Валю Чулко. Она была в светлом пальто, которое все переливалось, как нефть. Очень интересная. У моего миленького есть вкус.

В дверь стукнули два раза. Саня открыл. Входит Нюта. Сейчас очень проста и весела. Увидела стол, не совсем искренне удивилась.

НЮТА. Ой, что это вы!

ЛЯМИН. Садитесь.

НЮТА. Куда? Сюда?.. (*Присела.*) А мне нельзя пить, у меня глаза будут блестеть.

ЛЮБА. Это не страшно.

НЮТА. Ну, да я еще Куропеева не проводила. Ну ладно, тогда только одну – за Алексея Юрьевича.

ЛЮБА. Оригинально.

НЮТА (*подняла бумажный стаканчик*). За то, что вы такой простой. И оставайтесь таким всегда. Давайте с вами чокнемся... (*Выпила.*) Ой, побежала. А вы веселитесь, только осторожно, а то и себя подведете, и Алексея Юрьевича. Закройте.

Саня закрыл за ней дверь.

ЛЮБА. Леша, она тебя чарует. Ты не смотри, что она глупая. Валя Чулко тоже глупая. Мой миленький мне все время рассказывал про нее анекдоты, какая она глупая, я даже обманулась и пустила это дело на самотек. А теперь оказалось, что это не глупость, а такая непосредственность. Она такая стихийная, дитя природы.

САНЯ (*запел из «Кармен»*). «Любовь!.. Любовь!.. Любовь!.. Любовь!..»

Люба взяла с соседнего стола папку, размахнулась и стукнула Саню по голове.

За что?!

ЛЮБА (*просто, серьезно*). Если он меня бросит, я умру. Не нарочно умру, а от горя, я перестану есть, спать, пить. Я умру от звериной болезни «сморщенное сердце». Звери так погибают, когда их бросают люди, которых они любят.

САНЯ. Да, чур, я переселяюсь за твой стол!

ЕГОРОВ. Алексей Юрьевич, мы же с вами договорились.

ЛЮБА. А я что, опять остаюсь в углу? Ничего не знаю, я буду сидеть у окна.

ЛЯМИН. Бросьте, честное слово! Я вообще не уверен, может, я завтра же вернусь обратно. Я не приспособлен к руководящей деятельности. Когда меня выбрали проформом, я сразу развалил профсоюзную работу: полгода наклеивал марки на книжки, а их надо было наклеивать на карточки.

САНЯ. Ничего, опирайся на нас, мы тебе будем помогать. Ты еще не знаешь, какая это сила – массы.

ЕГОРОВ. Все будут помогать. Вы же знаете, как к вам относятся.

ЛЯМИН (*тронут*). Ну спасибо. Честно говоря, поддержка мне понадобится. Я еще не знаю, справлюсь ли вообще, но какие-то планы у меня есть.

САНЯ. Дерзай, дерзай.

ЕГОРОВ. Значит, я сижу за столом Алексея Юрьевича, а вы – где хотите. (*Взял со стула подушечку, пошел за стол Лямина.*)

ЛЮБА. Иван Никифорович, я все-таки женщина.

Егоров не ответил, вернулся на свое место.

Ну ладно, садитесь.

САНЯ. А вот Валя Чулко так бы не поступила.

ЛЮБА. Именно поступила. (*Села за стол Лямина.*) Совсем другое дело. Можно смотреть на Неву...

САНЯ. Со своей грустью на лице она была очаровательна.

ЛЮБА. Валя Чулко сказала моему мужу, что меня нельзя любить, потому что я неэстетичная. Леша, мне надо сегодня пораньше уйти. Ты меня отпускаешь?

САНЯ. Слушай, это нечестно, я первый сказал, что мне надо уйти.

ЛЮБА. Не знаю, у меня от этого зависит семейная жизнь, зависит все. Если он меня не отпустит, я все равно уйду, пускай меня увольняют.

ЕГОРОВ. Когда был Куропеев, ваша семейная жизнь не зависела от работы. Теперь вдруг начала зависеть.

ЛЮБА. Вдруг стала зависеть.

ЛЯМИН. Тебе что, действительно так срочно?

ЛЮБА (*отчужденно*). Да, действительно... (*Собралась, подошла к двери, вытащила стул.*)

ЛЯМИН (*вслед*). Тогда что ж, я тебя отпускаю. Можешь идти.

ЛЮБА (*холодно*). Причем я, собственно, все сделала, что нужно. Моя совесть почти спокойна. (*Ушла.*)

ЕГОРОВ (*иронично*). Хм...

САНЯ. Хорошо погуляли. Ну, за дело, господа, за карты.

ЛЯМИН. Да, да, все. Работаем.

Комната обрела свой обычный деловой облик. Затрещали арифмометры.

ЕГОРОВ. А я неделю собирался отпроситься на сегодняшний день пораньше – так и не смог.

САНЯ. Интересно, почему именно сегодня?

ЕГОРОВ. А почему сегодня – удостоверьтесь. (*Протягивает ему талон.*) Потому что я должен до пяти часов получить зубной протез. А что это значит, вы поймете потом, когда вам будет шестьдесят лет.

ЛЯМИН. Если бы вы раньше сказали! Раз у вас на руках талон к врачу, неужели я бы вас не отпустил?

ЕГОРОВ. Я не думал, что получится такое совпадение. И Люба ушла, и я уйду, так все разбегутся. (*Сане.*) Вот когда вам будет шестьдесят лет и вы будете жить один среди чужих людей, тогда вы поймете, зачем это может понадобиться человеку раз в год уйти с работы на час раньше. (*Лямину.*) Ничего, я посижу.

ЛЯМИН. Зачем же, раз у вас талон, вы можете идти, вы просто имеете право.

ЕГОРОВ. А если я не доработал на семь копеек, могу внести в фонд государства наличными.

ЛЯМИН. А я говорю: отправляйтесь.

Егоров сидит.

Идите!

Егоров, не прощаясь, ушел.

САНЯ. Любопытная подробность. Он предлагал нам выпить после работы. Очевидно, зубы не имели для него решающего значения.

ЛЯМИН. Ему год до пенсии. Надо как-то продержаться. А уже склероз, все путает.

САНЯ. Он путает, потому что попивает.

ЛЯМИН. Злой ты все-таки малый, как я погляжу.

САНЯ. Почему, я сентиментален, я могу прослезиться в кино. Но я могу в упор убить человека. Может быть, по Ницше – это сверхчеловек, не знаю...

Работают молча.

Моя беда, что я не люблю врать. Я первый сказал, что мне надо уйти. И вот все ушли, а я сижу. Я тоже мог бы наврать, что у меня то-то и то-то.

Работают молча.

Но поберегитесь, когда я позволю себе врать. Тогда уж я не остановлюсь ни перед чем, я буду врать всеми способами, которые изобрело человечество. Но для этого мне надо опуститься. Это даже интересно – опуститься. И пускай все говорят: он опускается.

Лямин молчит.

Леша, почему ты не занимаешься спортом? Тебе надо развивать волевые качества. (Встал.) Хочешь, я обучу тебя приемам карате? Вот я стою здесь, а ты иди ко мне с ножом.

ЛЯМИН. Мне некогда.

САНЯ. Ну хорошо, вот со стулом, на!

ЛЯМИН. Отстань.

САНЯ. Твоя беда, что ты не спортсмен.

ЛЯМИН. Не спортсмены запустили спутники и написали «Войну и мир».

САНЯ. Ну хорошо, подойди ко мне сзади. Или хочешь, я сам подойду к тебе задом. Так?.. Смотри, что получается...

ЛЯМИН (вывернулся из-за стола, отскочил). Слушай, хватит.

Саня все же бросился на него. Борьба серьезная, с ругательствами, с участием столов и стульев. От двери эту борьбу наблюдает Куропеев. Он смотрит пристально и в то же время неловко улыбается, как взрослые улыбаются детям. Когда его заметили, он, смеясь, покачал головой.

КУРОПЕЕВ. Я вижу, вы тут распоясались, друзья... Где люди?

ЛЯМИН. Любу Никулину я тут отпустил, у нее серьезные неприятности.

КУРОПЕЕВ. Так, так...

ЛЯМИН. У Егорова талон в поликлинику.

КУРОПЕЕВ. С веселым хохотом разбежались по домам?

ЛЯМИН. Он только что ушел, минуту назад.

КУРОПЕЕВ. А что ты предо мной оправдываешься? Твои люди, можешь хоть всех разогнать. Ты теперь начальник. А я так зашел, по старой памяти.

ЛЯМИН (Сане). Ну все, работаем.

КУРОПЕЕВ (посмотрел на часы). А ведь рабочий день кончился.

САНЯ (*спохватился*). Уже? Сегодня что-то пересидели. (*Убрал бумаги в стол.*) Придется отложить на завтра. Привет.

КУРОПЕЕВ. Товарищ Сучков. (*Тот остановился.*) А что, это все так останется? Сейчас в США уже миллионеры перешли на самообслуживание.

Саня вернулся, ставит на место столы и стулья. Лямин хотел было помочь, но Куропеев придержал его.

Ладно, Сучков, идите.

Саня ушел.

Милый, ты так пропадешь.

ЛЯМИН. Я говорил.

КУРОПЕЕВ. Тебе надо усвоить несколько правил, это все упростит. Например: не все слушай, что тебе говорят. У каждого человека есть десятки обстоятельств жизни, перед каждым обстоятельством может стать в тупик гений. Поэтому слушай только то, что отвечает интересам дела. Правда, спорить с подчиненными тоже не надо. Достаточно, если скажешь: «Винюват, я не совсем вас понял». Он сам сообразит, что не все в порядке. Элементарное правило безопасности. А, что я тебя учу, ты умнее меня. Я иногда не понимаю, ты действительно такой скромный или это дьявольская хитрость?

ЛЯМИН (*разбирая бумаги Егорова*). А мне тут придется еще посидеть.

КУРОПЕЕВ. Будешь ишачить на Егорова? Да, я насчет него подписал приказ. А то, если это сделаешь ты, он тебя съест живьем.

ЛЯМИН. Коля, я думаю, сейчас его куда не стоит переводить, ему год до пенсии.

КУРОПЕЕВ. Черт вас знает! Ну валяй как хочешь, потом не плачь.

ЛЯМИН. Если бы только в нем было дело. Любу бросил муж. То ли уже бросил, то ли еще бросает. Она не спит ночи, потом приходит на работу и все теряет. Вчера потеряла ведомость, нигде не можем найти. Я не справляюсь. Тут нужна сильная личность.

КУРОПЕЕВ. Ерунда. Начальство тебя ценит за башку. Кстати, там на тебя делают ставку, пока не скажу какую, а то зазнаешься. Ну, довольно трепаться. (*Он достал из кармана тетрадку, положил перед Ляминным.*)

ЛЯМИН. Сегодня не могу.

КУРОПЕЕВ. Можешь.

ЛЯМИН. Серьезно, сегодня никак. Давай завтра.

КУРОПЕЕВ. Завтра тоже поработаем. Милый, меня же торопят из редакции! Может, тебя не устраивает, что статья под моим именем? Что делать, мне же заказали не как литератору, а как должностному лицу...

ЛЯМИН. Не в этом дело.

КУРОПЕЕВ. Не понимаю: что, тебе деньги не нужны? Ему предлагают деньги, а он не берет. Прямо в руки – на! Не хочет. Обеспеченный человек.

ЛЯМИН. Сейчас мне деньги не нужны.

КУРОПЕЕВ. Во-первых, ты врешь, я знаю. А во-вторых, ладно, мне нужны. Мне. Нельзя быть таким эгоистом. Тебе знакомо такое слово – надо? Так вот, Леша, надо.

ЛЯМИН (*с трудом, но твердо*). Коля, ты каждый день требуешь, чтобы я бросал все свои дела и занимался твоими. И каждый раз я соглашаюсь, потому что мне неудобно отказать. Но скажи, почему мне отказывать тебе неудобно, а тебе заставлять меня удобно? Я все время вхожу в твое положение. Но прошу тебя – входи и в мое. Если я не соглашаюсь сразу, значит, мне это очень трудно. В таких случаях будь тактичен, не дави на меня.

КУРОПЕЕВ (*не сразу*). Леша, я хочу задать тебе один вопрос. Как ты вообще ко мне относишься? Только прошу, не лицемерь.

ЛЯМИН (*покраснел, но ответил бодро*). Па-уа-жи– тель-но!

КУРОПЕЕВ. Нет, серьезно, я ничего не знаю. Может быть, я просто навязываюсь, а ты по своей деликатности не можешь от меня отделаться? Я тебе говорю прямо: у меня нет более близкого человека, чем ты. Ну, если не считать жену и мальчишек...

ЛЯМИН (*уклоняясь*). Слушай, не чуди...

КУРОПЕЕВ. Я знаю, ты считаешь, что я... (*Постучал пальцем по столу.*) Ты всегда так считал. И все ваши в институте так считали, это мне известно. Но скажи, я бездарней, чем Димка Шенгелая?

ЛЯМИН. Я не говорю, что ты бездарен.

КУРОПЕЕВ. А я считаю, что у меня есть способности, но я скорее практик. Думаешь, почему я пристаю к тебе с этой статьей? Я готов месяц над ней просидеть. Но у меня не получится. Я не умею формулировать, я не способен к абстрактному мышлению. Вот, помнишь, ты интересно говорил насчет изменения в структуре органов управления производством? Представляешь, как это сейчас прозвучит, какой будет бум! Потом еще, помнишь, как ты издевался над статьей Карпова? Вот и напиши все это. Пускай будет ирония, тем лучше. Ничего не бойся. Причем реальный результат обеспечен, это же газета «Известия»! Неужели это тебя несколько не интересует?

ЛЯМИН. Ладно, потружусь.

КУРОПЕЕВ. Нет, сначала я хочу, чтобы ты мне ответил: друзья мы или нет? Говори откровенно, я не обижусь. Если нет – то мне не нужно от тебя никаких одолжений.

ЛЯМИН (*страдает*). Конечно, что за вопрос...

КУРОПЕЕВ (*растроганный, ткнул его кулаком в плечо, бросил на стол тетрадку*). Вот здесь то, что ты тогда начал... Катя даже сказала, чтобы я притащил тебя к нам, у нас тебе никто не будет мешать.

ЛЯМИН. Мне и здесь никто не мешает, кроме тебя.

КУРОПЕЕВ. Я хочу убедиться, что ты хоть начал работать.

ЛЯМИН. Я начал.

Курупеев (*обнял его, потряс*). Спасибо... Все, меня здесь нет. (*У двери остановился.*) Ты на меня не обижаешься?

ЛЯМИН. Нет.

КУРОПЕЕВ. Смотри! (*Ушел.*)

Тут же у двери появилась Нюта.

НЮТА (*встревожена*). Влетело?

ЛЯМИН. За что?

НЮТА. А я испугалась, думала, он узнал про нашу выпивку. Ну, тогда все в порядке. Домой не собираетесь?

ЛЯМИН. Надо писать статью...

НЮТА. Нельзя столько сидеть, будет размягчение мозга. Ладно, я пошла. А перепечатать вам ничего не надо?

ЛЯМИН. Это идея. Может быть, я вам позвоню.

НЮТА. А куда мне звонить, у меня же нет телефона. Знаете, женщина без телефона – это не женщина. Ехать к ней – еще неизвестно: дома ли она, стоит ли? Так что, если женщина и похуже, но с удобствами, лучше уж позвонят ей. Тогда я посижу, подожду, а вы работайте. Мне все равно некуда спешить.

ЛЯМИН. Вам же будет скучно.

НЮТА. Что вы! Я привыкла одна, мне с собой никогда не скучно.

Лямин работает.

У вас неважный вид. Может быть, потому, что вы днем выпили, а сейчас реакция?

ЛЯМИН. Возможно.

НЮТА. Хотя ваш вид очень обманчив. Вы вообще выглядите в зависимости от своего настроения в этот момент. Немного недоспите, вовремя не пообедаете – и уже осунулись.

ЛЯМИН. Вы говорите, говорите, я слушаю.

НЮТА. Я могла бы купить машинку, но дома все равно неудобно стучать. Я живу в коммунальной квартире. Я привыкла к коммуналке, перемен уже не жду, замуж выходить поздно...

ЛЯМИН. Почему поздно? Сколько вам лет?

НЮТА. У женщин не спрашивают. Правда, у нас не такие отношения. Я знаю, что выгляжу молодо, потому что у меня нет любовных переживаний. От них женщины особенно стареют.

ЛЯМИН (*оторвался от работы, посмотрел на нее*). У вас хорошее, своеобразное лицо.

НЮТА (*покачала головой*). У меня ничего еще глаза. А нос плохой. В общем, уже не произвожу того впечатления.

Лямин засмеялся, встал, погладил ее по волосам.

(*Лукаво.*) Не приближайтесь ко мне так близко.

ЛЯМИН. Виноват.

НЮТА. Вот так и начинаются напрасные романы. Просто мужчина наедине с женщиной не смог держать руки при себе.

ЛЯМИН (*смеется*). А знаете, это верно. Я действительно чуть было не начал что-то такое испытывать!

НЮТА. Вот вы и развеселились. Я рада.

ЛЯМИН. Нет, вы очень смешно подметили. Действительно, я же подошел к вам совершенно не в том смысле!

НЮТА. А вот это не обязательно объяснять... Я все-таки пойду, вас не дождешься.

ЛЯМИН (*вдруг впал в бешенство*). Нет, почему я должен жертвовать Куропееву своим временем, своей головой, своей жизнью! Я живу только один раз. Если бы два, тогда было бы понятно: один раз – для себя, другой раз – для него. Потому что он меня любит? Но ведь это он меня любит, а не я его! А получается, что я в чем-то виноват, не отвечаю на его чувства! Все! К черту! (*Открыл ящик стола, бросил туда тетрадку, запер ящик, а ключ швырнул в угол.*) Пошли гулять!

НЮТА. Куда?

ЛЯМИН. Куда хотите.

НЮТА. Вот сейчас вы мне нравитесь. Я люблю, когда вы такой. (*Поцеловала его в щеку.*)

Воодушевленный, решительный, способный сейчас на все, Лямин обнимает ее и, запрокинув голову, целует. Это несколько неожиданно для них обоих.

Я не умею целоваться... с вами.

Комната Лямина. Раннее утро, около семи. Лямин в рубашке, курит, немного растерян. Нюта убирает со стола, не знает, куда деть посуду.

НЮТА. Куда это?

ЛЯМИН. На кухню.

НЮТА. Я боюсь, а вдруг твои там уже проснулись.

ЛЯМИН. Кто проснулся, еще нет семи часов. Зачем мы так рано встали?

Нюта вынесла посуду, вернулась. Оглядела комнату. Половина ее имеет вид пустой и небрежный, другая – нечто вроде мастерской художника. Свернутые холсты, подрамники, контуры женской фигуры из проволоки, длинный деревянный чурбан.

НЮТА. Неужели у тебя никто никогда не убирает?

ЛЯМИН. Тут трудно, я работаю, мусорю.

НЮТА. Тем более. *(И принялась убирать. Откатила чурбан к стене, переставила в угол проволочную даму, туда же подрамники.)* Должен быть какой-то порядок.

Эта деятельность, видимо, доставляет ей удовольствие.

А ты вообще влюбчивый, правда? Какая-нибудь на тебя посмотрит – ты и готов. Потому что тебе кажется, что другая на тебя уже не посмотрит.

ЛЯМИН. Ну уж. *(Но, подумав, согласился.)* А впрочем, возможно.

НЮТА *(сдержанно)*. Вообще, имей в виду, из того, что между нами произошло, я не делаю никаких выводов, это мое правило. Это никого ни к чему не обязывает. К тому же я знаю, что я не в твоём вкусе, тебе нравятся тихие девушки, вот с такими глазами наискосок. *(Оценила результат уборки.)* Ну вот, теперь как будто терпимо. Тогда ты одевайся, а я пойду, мне все равно надо раньше. А то, представляешь себе, что будет, если мы вместе придем на работу? Все с ума сойдут!

ЛЯМИН. Подожди.

НЮТА. Зачем? Мне все равно надо раньше. *(Она подошла к Лямину, обняла его на прощание.)* Только не думай. Не надо думать. Ладно?

ЛЯМИН. Постараюсь.

НЮТА *(шепотом)*. А там никого нет? А то я боюсь.

ЛЯМИН. Чего ты боишься?

НЮТА. Ну так, нехорошо. *(Пошла к двери, обернулась.)* Леша, ответь мне на один вопрос: ты ничего не испытываешь? Ни капельки? Ни вот столько?

ЛЯМИН. Нюта, я хочу познакомить тебя с моими родителями.

НЮТА. С вашими родителями? *(Польщена.)* Хм... Очень приятно.

Лямин пошел за родителями.

Когда, сейчас?..

ЛЯМИН. Сейчас.

НЮТА. Они спят.

ЛЯМИН. У них бессонница.

НЮТА. Зачем?

ЛЯМИН. Нужно. *(Выйшел.)*

Нюта еще раз оглядела комнату, поправила постель, чтобы и в голову не могло ничего прийти. И в последний момент успела надеть пальто.

Лямин ввел мать, женщину с нервным лицом. Она удивилась.

МАТЬ. Ты не один?..

ЛЯМИН. Познакомься, это Нюта.

НЮТА. Очень приятно.

МАТЬ. Но ведь еще очень рано! И ты решился впустить человека в свою берлогу утром? Слава богу, сегодня здесь хоть убрано. Леша, я тебя не узнаю!

ЛЯМИН. Мама, посиди с нами.

МАТЬ (*рассмеялась*). Но ведь тебе скоро на работу! А вам разве не надо на работу? Вы работаете вместе с Лешей? Или вам можно опоздать?

НЮТА. Мне можно. У меня хороший начальник.

МАТЬ. Леша ходит минута в минуту, хотя, если бы он даже опоздал, ему бы ничего не было, его очень любят. Но вам, наверно, это известно лучше, чем мне.

ЛЯМИН. Мама, не отвлекайся. Нам надо поговорить серьезно.

В двери появляется отец. У него голова мыслителя, но тоже нервное, трагическое лицо.

ОТЕЦ. Что случилось? Сумасшедший дом какой-то.

МАТЬ. Ничего не случилось, тебя никто не трогает.

ЛЯМИН. Папа, познакомься. Это – Нюта.

НЮТА (*протянула руку*). Очень приятно.

МАТЬ. Не обращайтесь внимания, он всегда чем-нибудь недоволен. Все не по нем, все не так. Изводит себя, изводит всех вокруг – такой характер.

ОТЕЦ (*стиснул голову руками*). Оставь меня, пожалуйста, в покое.

ЛЯМИН. Папа, садись.

МАТЬ. Разве я не права? Леша, скажи по совести: правда, твой отец нелегкий человек?

Отец устало закрыл глаза.

ЛЯМИН (*Нюте*). Мама преувеличивает.

МАТЬ. Эгоистичный, желчный человек, никого не любит, кроме себя.

ЛЯМИН (*Нюте*). Ну, общее представление о нашем образе жизни ты теперь имеешь.

НЮТА. У всех в семье какие-нибудь нелады.

МАТЬ. Вы не поняли. Разве мы ссоримся? Просто я хочу, чтобы Леша сказал откровенно: разве не правда, что твой отец слишком любит себя? Разве не так?

ЛЯМИН. Так.

ОТЕЦ. Негодяй!

ЛЯМИН. Папа, не сейчас, потом. Дело в том, что я женюсь.

МАТЬ (*улыбнулась*). Как женишься, на ком?

ЛЯМИН. Если Нюта согласна, то я женюсь на ней.

Нюта засмеялась.

Я говорю серьезно: я делаю предложение.

Нюта смеется еще пуще.

МАТЬ. Леша, это шутка?

НЮТА. Конечно. Что вы, не понимаете?

МАТЬ. В таком случае не очень удачная шутка.

ОТЕЦ. Ты не видишь, что он не шутит? Сначала одна дурацкая история, теперь другая дурацкая история, не знаю, что лучше: то, что было, или то, что будет. А может быть, будет и то и другое сразу? У нас в доме все возможно, я не удивлюсь.

МАТЬ. Леша, ты же нам ничего не говорил. Ты хоть достаточно знаешь... эту девушку?

ЛЯМИН. Я знаю все, что мне нужно.

НЮТА (*матери*). Вы не думайте, у меня и в мыслях ничего не было... Конечно, это все наивно.

МАТЬ. Вот, тебе это поделом. Оказывается, ты ее даже не спросил. Ты был уверен, что она обрадуется твоему предложению. У тебя самомнение, дружок.

НЮТА. Нет, вы напрасно. Я к нему так отношусь... Он знает, как я к нему отношусь.

МАТЬ. Я не поняла. Только что вы говорили так определенно.

НЮТА. Я и сейчас говорю. И кроме того... дело в том, что у меня есть ребенок, дочь.

МАТЬ (*невольно*). Какой ужас...

НЮТА. Правда, дочка живет отдельно, совершенно отдельно.

ОТЕЦ. Сумасшедшие, о чем они говорят? Зачем тебе дочь?

НЮТА. Он не знал. Я не скрывала, но у нас просто не заходил об этом разговор.

МАТЬ. Зачем тебе вообще жениться? Так срочно. От тебя же этого никто не требует, напротив! Нюта, я правильно вас поняла?

ОТЕЦ (*жене*). Что ты с ним толкуешь, неужели ты не видишь, в чем дело...

НЮТА. Если вы в чем-то подозреваете меня, то напрасно.

МАТЬ. Так что же мы решили?

НЮТА (*обращаясь к отцу*). А что это за история, вы говорили?

ЛЯМИН. Это замужняя женщина, у нас с ней очень давние отношения. Но теперь это все кончено.

МАТЬ. Так скажите ему определенно, и прекратим этот разговор, вам же пора на работу.

ЛЯМИН. Мама, не дави, не дави, не дави.

Нюта молчит.

ОТЕЦ (*Лямину*). Видишь? Она молчит. Поставил в идиотское положение приличного человека. Отправляйся к своей бабе и оставь ее в покое.

НЮТА. Нет, зачем же, я согласна.

МАТЬ (*мужу*). Скажи что-нибудь! Что ты молчишь? Ты – отец.

ОТЕЦ. Зачем ты нас позвал? Ты же не спрашиваешь у нас совета, ты просто ставишь нас в известность. Теперь мы осведомлены, можем убираться восвояси. Идем, Лида. Он не сейчас начал катиться по наклонной плоскости. Если я тогда не смог его остановить, что же теперь!.. (*Нюте*.) Он был способный человек. Можете мне поверить, я говорю это не потому, что он мой сын. У него были способности к математике. У него были способности к живописи – вот обломки увлечений. Он писал неплохие стихи. У него есть книжка с надписью поэта Антокольского: «Победителю в песнях застольных от его собутыльников школьных. Павел Антокольский». Я говорил ему: иди в Академию художеств, иди в Литературный институт! Есть люди, которые меня достаточно уважают, – иди куда хочешь. Нет, он не хочет быть поденщиком, он не хочет всю жизнь искать выход из безвыходного положения. А кто ты теперь? Ты служащий. В молодости я гордился, что могу писать в анкете: социальное происхождение – рабочий. Я ничего плохого не говорю о вашей работе: от планирования сейчас зависит все благосостояние страны... Это другой вопрос. Но хорошо, может быть, ты счастлив в личной жизни? Этот бесконечный роман с замужней бабой, у которой было только то достоинство, что она его безумно любила. Однако развестись с мужем она не пожелала...

МАТЬ. Папа прав, не спорь.

ОТЕЦ. Так до тридцати лет он и не узнал, что такое любовь, семья. Как это вам удалось, что он забыл свои обязательства перед этой женщиной, я не знаю. Наверно, перед вами он виноват еще больше, чем перед ней. Желаю успеха. Теперь вам известно, чем его держать, этого идиота. Лида, идем, прошу тебя.

НЮТА. Странно, это ваш сын, а вы о нем так говорите при постороннем человеке.

ОТЕЦ (*не сразу нашелся*). Но вы ведь уже не посторонний человек.

НЮТА. Все равно, я женщина.

ОТЕЦ. Вы должны о нем знать, чтобы потом не было неожиданностей...

НЮТА (*матери*). Я с вами согласна, ваш супруг в быту, наверно, нелегкий человек.

ЛЯМИН. Нюта, это лишнее.

НЮТА. Если ты просишь, я умолкаю, не будем предварять отношения. Кто знает, может быть, со временем мы просто разменяем эту комнату – не будет почвы для конфликтов.

МАТЬ. Как – разменяете?

ОТЕЦ. В чем дело, послушай, что она говорит!

Мать. Не понимаю, что же – сюда въедут чужие люди?

ЛЯМИН. Не волнуйтесь, мама, этот вопрос еще не решен.

МАТЬ. Когда он будет решен, обсуждать будет поздно.

НЮТА (*Лямину*). Будет только так, как ты хочешь.

ЛЯМИН. Видишь? Будет так, как я хочу.

ОТЕЦ. Ты безвольный человек, всегда будешь на поводу. Ты уже на поводу.

НЮТА. Вот вы уже восстанавливаете его против меня.

ЛЯМИН. Не надо обращать внимания.

ОТЕЦ. На меня и так никто здесь не обращает внимания, не стесняйтесь.

МАТЬ (*холодно*). Посуда на кухне, стирать можно в ванной. Юра, пойдем.

Ушли.

ЛЯМИН. Нам пора. (*Торопливо надевает пиджак.*)

НЮТА. Постой, ты уже готов идти, а галстук?

Лямин достает из шкафа несколько галстуков, повязывает один.

По твоему внешнему виду теперь уже будут судить не только о тебе, но и о твоей жене.

ЛЯМИН. Бежим, бежим.

НЮТА. Сейчас побежим. Но сначала посмотри, какой вид имеет комната. Тебе нравится?

ЛЯМИН. Нравится.

НЮТА. В комнате должен быть такой порядок, что если одна вещь не на месте, то уже заметно. Ты со мной согласен?

ЛЯМИН. Абсолютно.

НЮТА. Ты отвечаешь формально.

ЛЯМИН. Клянусь тебе!..

НЮТА. Тогда убери галстуки.

ЛЯМИН. Да, да... (*Мечется по комнате, не зная, куда деть галстуки.*)

Кабинет Лямина. Музыка делового дня. ЛЯМИН проверяет расчеты, принимает посетителей, дает указания, говорит по телефону, подписывает бумаги, которые приносит и уносит НЮТА.

Вот к нему зашел КУРОПЕЕВ. Он жестом успокоил Лямина и скромно присел в сторонке, поощрительно наблюдая деятельность своего приемника.

Ритм музыки все быстрее. Но вот в ней начались перебои – наступает тишина: рабочий день окончен.

Лямин потянулся, помотал головой и стал было собираться домой.

КУРОПЕЕВ. Видишь, хорошо, что я пришел пораньше, а то бы ты убежал. *(Посмеялся.)* Ладно, не оправдывайся. Я вижу, ты тут развернулся. Давай! Действуй!

ЛЯМИН. Коля, я хотел с тобой поговорить.

КУРОПЕЕВ. О чем говорить? Что ты ничего не сделал? Я знаю.

ЛЯМИН. Я хочу объяснить – почему.

КУРОПЕЕВ. А зачем мне объяснять? Разве я не сидел за этим столом? Первую неделю ты будешь тонуть, вторую неделю будешь выплывать, а потом начнешь различать знакомые лица. Но тем не менее. Дело есть дело.

НЮТА *(открыла дверь)*. Алексей Юрьевич, вы идете?

ЛЯМИН. Скоро, Нюта, нам надо поговорить.

КУРОПЕЕВ. Вы идите, Анна Ивановна, что вы беспокоитесь?

НЮТА. Я не могу уйти, мне надо все запереть.

КУРОПЕЕВ. Ну запирайте.

НЮТА. Как же я могу запереть, когда вы здесь сидите? *(Выйшла.)*

КУРОПЕЕВ. Прежде она так не разговаривала. Распустил. Да, я потом ушел от тебя, вспомнил: обязательно используй в статье то, что ты мне помнишь приводил? Что сейчас можно взять маленький план, чуть перевыполнить и получить благодарность и премию, а если взять план большой и чуть недовыполнить – то получишь взыскание. Действительно дико!

ЛЯМИН *(пока тот говорил, собрался с духом)*. Коля, знаешь, я не буду писать эту статью.

КУРОПЕЕВ. Как не будешь?

ЛЯМИН. Коля, ты прости, но знаешь, я не могу. Это серьезно. И кончим разговор.

КУРОПЕЕВ *(ошеломлен)*. Что значит – кончим? Ты же обещал!

ЛЯМИН. Я обещал. Я виноват. Мы с тобой условились, что будем говорить откровенно. Вот я говорю.

КУРОПЕЕВ. Постой, при чем тут откровенность? Ты мне обещал. Иначе я бы не взялся за это дело, меня никто не вынуждал.

ЛЯМИН. Да. Надо было отказаться.

КУРОПЕЕВ. И не далее как вчера ты подтвердил, что будешь работать. Тогда я позвонил в редакцию и заверил их, что все в порядке. Там тоже сидят люди, и с ними надо как-то считаться. Милый мой, нельзя думать только о себе.

ЛЯМИН. А о ком мне думать, о тебе? Мне надоело.

КУРОПЕЕВ. Хорошо, на будущее можешь быть спокоен, больше я тебя не потревожу. Но сейчас, будь добр, выполни свое обещание. Будь любезен. Покорнейше тебя прошу.

ЛЯМИН *(мучительно)*. Я понимаю. Я тебя понимаю.

КУРОПЕЕВ. Какого черта мне в том, что ты меня понимаешь? *(Взял себя в руки.)* Ладно. Давай сядем вместе. Ты будешь диктовать, я буду за стенографистку. Недолго, пока тебе не надоест.

ЛЯМИН. Анна Ивановна, зайдите, пожалуйста.

НЮТА *(в двери)*. Да.

ЛЯМИН. В моем столе в той комнате – синяя тетрадка. Принесите.

НЮТА. Стол заперт.

ЛЯМИН. Отоприте.

НЮТА. Дайте ключ.

Лямин ищет.

Он там.

ЛЯМИН. Где – там?

НЮТА. Ну вспомните, куда вы забросили.

ЛЯМИН (*вспомнил*). А... Поищите. В углу возле шкафа или за шкафом.

НЮТА. Если бы вы сказали, что эта тетрадка вам нужна, я бы нашла днем. Вы же сказали, что она вам больше не нужна.

КУРОПЕЕВ. Так вот, она нужна. В чем дело?

НЮТА. Не знаю, Алексей Юрьевич говорил...

КУРОПЕЕВ. Ах вот что! Этот вопрос уже обсуждался с секретаршей. Ну, слушай...

ЛЯМИН (*тоже зашелся*). Да, обсуждался! Это ты меня вынудил. Почему я обязан отдавать тебе все мое время? Почему я обязан за тебя трубить? Почему я обязан выполнять твои обязательства? Потому что ты меня любишь? Но ведь не я тебя люблю, а ты меня. Да и то еще неизвестно!..

КУРОПЕЕВ (*в беспамятстве*). Так. Все ясно. Тетрадку! Тетрадку!

НЮТА (*холодно*). Ключ за шкафом, я не могу его двигать одна.

КУРОПЕЕВ. Так двигайте вместе! Какое мне дело!

НЮТА. Завтра я доставлю ее вам в управление.

КУРОПЕЕВ. Сейчас. Она мне нужна сейчас!

ЛЯМИН. Зачем она тебе нужна сейчас?

КУРОПЕЕВ. Не твое дело. Это моя тетрадка, мне она нужна!

ЛЯМИН. Завтра.

Пауза.

КУРОПЕЕВ. Хорошо... (*Ушел.*)

Дверь приоткрыл Егоров.

НЮТА. Товарищи, имейте совесть.

ЕГОРОВ (*вошел*). Это я.

Вслед за ним – девушка.

ДЕВУШКА. И я. Нас только двое.

НЮТА. Товарищи, неужели нельзя в другое время, ну что это!

ЛЯМИН (*твердо*). Успокойтесь, Нюта. (*Егорову.*) Садитесь, пожалуйста. Что у вас?

Егоров выпроводил девушку за дверь, сел к столу Лямина.

ЕГОРОВ. Алексей Юрьевич, вам звонили по поводу меня?

ЛЯМИН. По поводу вас? Нет, никто не звонил.

ЕГОРОВ. Я вынужден попросить у вас отпуск на неделю за свой счет.

ЛЯМИН. Иван Никифорович! Какие же сейчас отпуска! Мы с вами говорили, вот сейчас бы как раз взяться! А вы, наоборот, отпрашиваетесь.

НЮТА. Зачем вам отпуск, вы только недавно вернулись!

ЛЯМИН (*Нюте*). Спасибо, Нюта, я разберусь.

ЕГОРОВ. Дело в том, что мне надо приготовить материал для выступления по телевидению о поэте Семене Гудзенко, с которым мне довелось в сорок первом году служить в одной части.

ЛЯМИН. Вы это нам уже рассказывали.

ЕГОРОВ. Дело в том, что этот период его жизни почти не освещен. Когда он был ранен, я вез его на санях, и с тех пор у нас завязались особые отношения.

ЛЯМИН. Но вы же так хорошо это рассказываете, зачем же вам на это неделя?

ЕГОРОВ. Видите ли, когда я узнал, уже в мирное время, что он стал известным поэтом, я начал записывать характерные случаи, наши с ним беседы, показал в редакции – там заинтересовались. Ну, отсюда и пошло. Но для выступления по телевидению надо как-то обдумать, отобрать существенное...

ЛЯМИН. Ну как же, мы знаем... И все-таки... Вы видите, какое сейчас время.

ЕГОРОВ (*сочувственно*). Вижу.

ЛЯМИН. Мы горим. Кончается квартал. Все, о чем вы говорили, представляет серьезный интерес, и, конечно, не только для нас с вами. Но хорошо бы немного попозже...

ЕГОРОВ. Так попозже нельзя!

ЛЯМИН. Наверное, живы и еще люди, которые его знали. Есть поэты, которые могут рассказать о нем даже более квалифицированно.

Егоров. Более квалифицированно, это верно, я, разумеется, менее квалифицированно, кто спорит... Ну что ж, придется отказаться. Разрешите, тогда я от вас позвоню на студию? (*Набирает номер.*)

ЛЯМИН. И объясните им, что это невозможно.

ЕГОРОВ (*в трубку*). Здравствуйте, Елена Сергеевна. Это Егоров говорит... Вот видите, ничего не получается. Сажу в кабинете товарища Лямина, говорит, что невозможно. Что? Да. Вот говорит – никак... Хорошо, сейчас. (*Протянул трубку.*) Хотят с вами поговорить.

ЛЯМИН. Слушаю вас... Здравствуйте... (*После длительного высказывания собеседницы.*) Нет, понимаете ли, в чем дело!.. (*Еще один длительный довод.*) Нет, почему, в принципе я ничего не имею против... Но я хотел бы... Ну да, понимаю... Понимаю...

НЮТА (*чувствуя, что он склонен к уступкам*). Алексей Юрьевич!

ЛЯМИН (*все более виновато*). Конечно... конечно... Нет, я и сам имел в виду... Вот это – не знаю, надо подумать... (*Засмеялся.*) Нет, я еще ничего не обещал... Ну хорошо... хорошо. Пожалуйста. Но вы меня зарезали... Спасибо... Спасибо... (*Повесил трубку, все еще улыбаясь.*)

НЮТА. Интересно, за что вы ее благодарите?

ЛЯМИН (*Егорову*). Пишите заявление.

ЕГОРОВ. Хорошо, Алексей Юрьевич. (*Вышел.*)

НЮТА. Я бы убивала таких баб.

ЛЯМИН. Каких?

НЮТА. Которая тебя уговорила по телефону. Представляю, что бы с тобой стряслось, если бы вы с ней встретились лично.

ЛЯМИН. Нюта, подожди меня там, у себя. Кто-то еще был.

НЮТА. Нет уж, я побуду. Мне интересно, что будет дальше. Войдите, девушка.

ДЕВУШКА (*вошла, очень возбуждена*). У меня к вам большая просьба. Может быть, необычная.

ЛЯМИН. Слушаю.

ДЕВУШКА. Дайте мне справку, что я отработала у вас два года. Это мне нужно для поступления в институт.

ЛЯМИН. Почему бы и нет? (*Нюте.*) Отпечатайте, пожалуйста, я подпишу.

ДЕВУШКА. Спасибо. (*Протянула бумажку.*) Вот, я все подготовила.

НЮТА (*официально*). К сожалению, девушка работала у нас не два года, а один год.

ЛЯМИН. Напишите, что один год.

ДЕВУШКА. Зачем же мне один год? Мне именно нужно, чтобы справка была за два года, иначе не имеет смысла. Я же предупредила, что это необычная просьба.

ЛЯМИН. Не понимаю.

ДЕВУШКА. Я все равно не буду у вас работать. Я буду поступать в институт. Если вы хотите, чтобы я не работала и не училась, можете не давать. Но мне почему-то казалось, что вы понимающий человек, который может войти в положение.

ЛЯМИН. Вы ошиблись. Я ничего не понимаю и не умею входить в положение. До свидания.

ДЕВУШКА. Что значит – до свидания? Вы прекращаете разговор?

НЮТА. А на что вы рассчитываете, девушка? На то, что Алексей Юрьевич ради вас нарушит все законы? Строите глазки, постыдились бы. Он вдвое старше вас.

ДЕВУШКА. Вот это новость. Можете не давать мне справку, но она пусть передо мной извинится.

ЛЯМИН. Ладно, извинитесь, Нюта.

НЮТА. Я?.. Помолчала бы!

ДЕВУШКА. Ну, кому я строила глазки, ну, скажите!

НЮТА. Только не заступайся, только не заступайся!

ЛЯМИН. Товарищи, я устал!..

В двери Люба. Она рассеянна и словно бы немного не в себе.

ЛЮБА. Леша, ты скоро домой? Я тебя там ждала, мне надо с тобой поговорить. Но, в общем, все равно. Я могу и так.

ЛЯМИН. Да, пожалуйста.

ЛЮБА. Мой муж получил отпуск и едет отдыхать. Вероятнее всего, он поедет не один, а с Вале́й Чулко.

ЛЯМИН. Люба, ты очень впечатлительный человек, тебе что-то показалось, и вот ты портишь жизнь и себе, и мужу, и всем вокруг. Не надо так все усложнять.

ЛЮБА (*мирно улыбнулась*). Что ты, Леша, я нисколько не преувеличиваю, их отношения я знаю досконально. Ему не с кем делиться, так он делится со мной. Я его должна утешать и давать советы, как быть с Вале́й Чулко. Ведь эта история длится уже больше года, она началась в тот незапамятный день, когда он наконец получил пропуск в плавательный бассейн. Бедняге надо было два раза в неделю вскакивать в шесть утра и ехать на другой конец города. Но он никогда не пропускал. Он говорил, что неудобно подводить инструктора. Вот этот инструктор и оказался Вале́й Чулко. Я увидела ее уже много позднее. Ничего, тоненькая такая, спеленькая, как фрукт. Фрукт – в смысле овощ. У меня это все запротоколировано в дневнике по числам. Когда мама прочитала дневник, пришлось вызвать неотложку...

ЛЯМИН. Что я должен сделать? Говори.

ЛЮБА. Мне надо ехать с ним. Я должна быть с ним рядом. Тогда, может быть, это пройдет.

ЛЯМИН. Вполне возможно. Я бы на твоём месте поступил именно так.

ЛЮБА. Да, ты прав.

ЛЯМИН. Так что?

ЛЮБА. Что – что? Мне нужен отпуск с завтрашнего дня.

ЛЯМИН. Это невозможно.

ЛЮБА. Мне полагается отпуск за этот год. Я требую только то, что мне положено.

ЛЯМИН. Хоть бы ты сказала пораньше.

ЛЮБА. Я специально отложила отпуск, чтобы ехать с ним одновременно. Я не виновата, что он вдруг взял сейчас.

ЛЯМИН. А я виноват?

ЛЮБА. Виновата Валя Чулко. Но это уж, как говорится, стихия, к ней можно только приноравливаться.

ЛЯМИН. Я только что дал отпуск Егорову. Если бы я знал, я бы дал не ему, а тебе.

ЛЮБА (*рассеянно*). Ну да, понятно. Тогда, конечно, нельзя...

ЛЯМИН. И вообще как-то странно. Помнишь, мы говорили: вот сейчас как раз бы и взяться, всем вместе. Так, наоборот, все отпрашиваются! Нет, Люба, нет. Надо найти какой-нибудь другой выход.

ЛЮБА (*машинально*). Я понимаю. Надо искать другой выход. И потом, что я там увижу нового? Как мой муж с Валею Чулко будет плавать наперегонки? (*Направилась к двери.*)

ЛЯМИН. Если Саня не ушел, пускай зайдет ко мне.

ЛЮБА. Ладно. (*Ушла.*)

ДЕВУШКА. Алексей Юрьевич!

ЛЯМИН. Вы еще здесь?

ДЕВУШКА. Так как же?

ЛЯМИН. Что там у вас? Давайте.

Девушка подала свою справку, Лямин подписал, поставил печать.

Все? Идите.

ДЕВУШКА. Спасибо. Может быть, мне еще что-нибудь понадобится, я тогда зайду. (*Ушла.*)

НЮТА. Подписал фальшивую бумажку. Такие вещи рано или поздно обнаруживаются.

ЛЯМИН. Подожди, что с Любой? Тебе ничего не показалось?

Входит Саня. Вытеснив Лямина, уселся на его место.

САНЯ. Что вы сделали с Любой? Ушла, утопая в слезах.

ЛЯМИН (*страда*). Ах, как нехорошо. Это я виноват. Но что я могу сделать? Саня, тебе придется взять на себя часть работы Егорова. Я на неделю его отпустил.

САНЯ. Никогда в жизни!

НЮТА. Как ты отвечаешь! Тебе приказывает начальник.

ЛЯМИН. Подожди. Вот ты отказываешься. На каком основании?

САНЯ. Чтобы распутать то, что может напутать Егоров, для этого нужно иметь такой же рабочий стаж, как у него.

ЛЯМИН. Ему остался год до пенсии, я не могу его уволить, у меня нет морального права.

САНЯ. Каждый имеет право на то, на что он считает себя вправе. Один может не прийти домой до утра, другой не имеет права опоздать на час. Леша, тебе нужно отпустить бороду, у тебя неволевое лицо... Слушай, я сейчас иду в одну компанию, хочешь со мной? Есть симпатичные варианты.

Нюта подошла к Сане, отвесила пощечину.

В чем дело? Что такое? В чем дело?

НЮТА. Иди сам к своим чувихам, а его оставь в покое.

САНЯ. Нет, при чем тут вы? При чем тут я? Леша, ты видел? Что я должен предпринять? Какое-то идиотское положение!

ЛЯМИН. Бросьте вы ссориться. Давай решать быстро насчет Егорова.

САНЯ (*не может успокоиться*). Кто ссорится? Я ссорюсь? Вы что, издеваетесь надо мной?

ЛЯМИН (*приоткрыл дверь*). Товарищи, простите, у меня пятиминутка. Нюта, извинись.

НЮТА. Представляю, куда бы вы сейчас отправились.

ЛЯМИН. Но ведь не отправились!..

НЮТА. Я извиняюсь... потом.

САНЯ. Нет, если бы это была не женщина, я бы знал, как поступить. Просто – раз! (*Через стол особым приемом он ухватил Лямина за руку.*)

ЛЯМИН (*остался неподвижен и только проговорил*). Я спрашиваю тебя в последний раз: ты будешь работать или нет?

САНЯ. И – два!

Вероятно, бешенство придало Лямину силу, иначе невозможно объяснить то, что произошло дальше. Борьба, в которой личные чувства взяли верх над правилами спорта. Хрустнул стул. Нюта завизжала. Несколько сотрудников, привлеченных шумом, оказались свидетелями победы, которую одержал Лямин. Он прижал противника к столу и, задыхаясь, спросил:

ЛЯМИН. Будешь работать?

САНЯ. Пусти.

ЛЯМИН. Будешь работать?

САНЯ. Я не могу так говорить.

ЛЯМИН. Можешь.

САНЯ. Буду...

ЛЯМИН. Дай слово.

САНЯ. Даю...

ЛЯМИН. Что даешь?

САНЯ. Слово!..

ЛЯМИН. Что будешь выполнять все указания. Не будешь отлынивать, не будешь препираться.

САНЯ. Не буду!

ЛЯМИН (*отпустил его*). Пошел!

Сотрудники пропустили Саню, с ужасом глядя на своего начальника.

Комната Лямина. При помощи стамески и молотка он вырубает из деревянного чурбана портретное изваяние Нюты. В другой стороне комнаты, сидя на стуле, Нюта позирует ему.

Оба сильно возбуждены, хотя и сдерживаются. Лямин время от времени нервно поводит шеей.

НЮТА. Когда на конференции сказали, что ты применяешь к сотрудникам физическое насилие, никто не возразил. Если бы присутствовал Саня, он бы сказал, что это шутка. Но он вообще на собрания не ходит.

ЛЯМИН. Не разговаривай! Мне надо сосредоточиться.

НЮТА. На чем тебе надо сосредоточиться? Сосредоточиться на своей судьбе!

Зазвонил телефон. Нюта сняла трубку.

Да!.. А кто его просит? Евдокименко?

Лямин скрестил перед собой руки – «меня нет».

А он как раз вышел. (*Положила трубку.*)

ЛЯМИН. К черту Евдокименко.

НЮТА. Куропеев способен на что угодно.

ЛЯМИН. К черту Куропеева.

НЮТА (*смотрит на него с жалостью*). Ну хорошо, хорошо, молчу. Как ты изменился за последнее время. Раньше был веселый, остроумный, всех разыгрывал, а теперь?.. Сам себе враг. Когда ты кончишь эту чурку, что потом?

ЛЯМИН. Потом буду писать большое полотно. Маленькая дверь с надписью: «Входа нет». А в нее входят. Двое.

НЮТА. Не верти шеей. Это плохая привычка.

Телефонный звонок. Нюта сняла трубку.

Да?.. Его нет. А кто его просит? А, здравствуй. Постой, там кто-то звонит в дверь, я посмотрю, может быть, это он. (*Зажала трубку.*) Саня. Подойдешь?

ЛЯМИН. К черту Саню.

НЮТА (*в трубку*). Нет, это не он. Ну, звони...

ЛЯМИН. Все звонят домой. Что такое? Есть местком, есть партком, есть все. Я официальный человек, пускай обращаются ко мне через секретаршу. Нет дома. Я выключился. Щелк – и меня нет.

Телефонный звонок.

НЮТА. Да?.. А его нет. А кто спрашивает? Здравствуйте, Иван Никифорович, постойте, там кто-то звонит в дверь.

Лямин сделал страшное лицо.

Нет, это не он. Ну звоните.

ЛЯМИН. Что значит – звоните! Я же сказал тебе, с девяти до половины шестого. Неужели трудно усвоить! Хотите быть оловянными солдатиками – пожалуйста. Вам надо только приказывать? Хорошо, буду приказывать. Вам нужен Куропеев? Хорошо, я буду Куропеевым.

НЮТА. Так тоже нельзя, все-таки люди.

ЛЯМИН. Слушай, проявляй свою доброту за счет кого-нибудь другого. Ты-то уж видела, я пытался по-хорошему. Не хотят? Что же, не надо. Давайте по-плохому.

Телефонный звонок.

НЮТА. Да?.. Его нет. А кто его просит? (*Растерялась.*) Здравствуйте, Николай Степанович. Ой, там кто-то звонит в дверь. Я посмотрю, может быть, это он. (*Зажав микрофон.*) Куропеев.

Лямин опять отрицательно скрестил руки.

К сожалению, это не он. Он должен скоро прийти, да. До свидания. (*Положила трубку.*) Написал бы ты ему эту статью, а? Можешь мне подиктовать. Ты работай и мне диктуй, а?

ЛЯМИН. Хорошо, пиши.

Нюта быстро достала бумагу, села на прежнее место.

(Диктует.) «Действующая ныне система планирования...»

НЮТА. Это начало?

ЛЯМИН. Начало. «Действующая ныне система планирования убивает инициативу и стимулирует плохую работу...» Пиши. «Планирование возвращено на оголтелом недоверии...»

НЮТА. Лешенька, прости, что я вмешиваюсь, но, может быть, это не надо?

ЛЯМИН. Надо. Как все знают, что надо и чего не надо, поразительно!

НЮТА. Но ведь это даже неправильно, что ты говоришь. Разве можно всем доверять? Знаешь, что начнется?

ЛЯМИН. Если тебе все так ясно – написала бы сама.

НЮТА. Не срывай на мне свое плохое настроение.

В комнату обеспокоенно заглянула мать.

ЛЯМИН. У меня хорошее настроение!

МАТЬ (улыбаясь). Что случилось? Вы уже ссоритесь?

НЮТА (тоже улыбаясь). Немножко поспорили... На отвлеченную тему. Посидите с нами.

МАТЬ. С удовольствием. (Оглядываясь.) Совсем другая комната. Вы на него хорошо влияете. А то действительно: был в армии, а вернулся такой же беспомощный. (Позвала.) Юра, иди сюда, нас приглашают в гости. Живем как в клетке. К нам никто не ходит. Юрий Петрович стал такой нелюдим...

ОТЕЦ (вошел). Перестань меня критиковать. Давай хоть один день для разнообразия проведем спокойно.

НЮТА. Я тут как раз говорила: Леша хороший человек, но очень уж простой. Иногда надо и подумать, как себя вести. Я понимаю, вы дали ему такое воспитание, что ему не приходилось выкручиваться, о чем-то умалчивать, просто не было нужды. А сейчас так нельзя. Поверьте, я многое повидала в жизни. (Ей нравится роль хозяйки, которая принимает гостей. Но, развлекая их, она разговорилась.) Не вам говорить: иногда приходится и соврать, иногда чем-то воспользуешься... А что, нет? У меня муж был очень уважаемый человек, работал на холодильнике, так там все воровали, одни больше, другие меньше. А перед этим я была близко знакома с профессором. Очень хороший человек, такой беспомощный, неприспособленный. Мы с ним долго были так, не знаю, дружили или как, во всяком случае, он меня не трогал. Один раз я даже у него заснула дома. Но он не погасил свет и всю ночь просидел рядом. Вскоре я к нему переехала, прибралась там, и стали жить как люди. Но по работе он, главное, старался больше молчать. Он говорил: чем больше ты молчишь, тем тебя больше уважают. А ведь он в своем положении мог себе не то позволить, что Леша.

Пауза. Ее воспоминания произвели на присутствующих сильное впечатление.

ОТЕЦ. Виноват, вот этот ваш муж, который на холодильнике, он...

МАТЬ. Зачем тебе все знать, не вмешивайся.

НЮТА. А что тут такого? Это я просто так говорю «муж». Мы с ним даже не расписались. Я любила его, жалела, но потом оказалось, у него и до меня были такие жены, и после меня, и все ему готовили, обстирывали... Одинокий, холостой, а женщины знаете, они – как птицы, у них инстинкт скорее свить свое гнездо. Если она знакомится, то ей хочется надолго, в

перспективе на всю жизнь. А мужчина, наоборот, поскорее хочет скрыться. Но я, кстати сказать, и претендовать ни на что не могла – у меня дочь...

ОТЕЦ. Что же, это была не его дочь?

МАТЬ. Какая разница?

ОТЕЦ. Раз я спрашиваю, значит, мне нужно.

НЮТА. Что вы, дочь не его, как она могла быть его, она в это время уже была большая.

ОТЕЦ. Кто же ее отец, если не секрет? Этот профессор?

НЮТА (*рассмеялась*). При чем тут профессор? Сосчитайте по годам. Он, наоборот, был уже потом. А дочка родилась, когда мне было восемнадцать лет, я была совсем девочка. Хотите, я вам расскажу? Но это долгая история.

ЛЯМИН. Не стоит.

НЮТА (*встревожилась*). Может быть, я наговорила что-то лишнее? Тогда простите.

ОТЕЦ (*сыну*). Вот что получается, когда человек считает себя умнее всех на свете.

МАТЬ. Юра, нас это не касается.

НЮТА. Так и есть. Сама тебя учу, а сама болтаю то, чего не нужно.

ОТЕЦ. Почему не нужно? Очень нужно. Я бы, Леша, на твоём месте поинтересовался. Просто из любопытства... Перестань долбить свое полено!

МАТЬ. Леша, что с тобой, не верти шеей!

НЮТА. Работает на износ. А нервная система не восстанавливается.

Тут Лямин с размаху швырнул в угол свой деревянный молоток и стамеску, поддал ногой чурбан и молча надел пиджак.

МАТЬ. Леша, возьми себя в руки.

Лямин не ответил, направился к двери.

НЮТА (*уцепилась за него*). Никуда не пойдешь. Я не пущу тебя в таком состоянии.

Зазвонил телефон.

ЛЯМИН. К черту всех! Меня нет дома.

НЮТА (*не отпускающая его*). Подожди, мало ли кто это может быть. Лидия Григорьевна, возьмите, пожалуйста, трубку.

МАТЬ (*в трубку*). Да?.. Его как раз нет дома, это его мать... (*В страхе.*) Что?.. Хорошо, я передам. (*Положила трубку.*) Леша, не волнуйся, ваша Люба отравилась.

ЛЯМИН (*опустился на стул*). Надо идти.

НЮТА. Идем вместе.

Лямин поднялся, он пошел не к двери, а на диван. Лег странно, лицом вниз, боком.

ЛЯМИН. Это я виноват. Надо было пустить ее в отпуск с этой Валею Чулко.

НЮТА. Мама моя, какой он бледный.

МАТЬ. Ему плохо.

НЮТА. Надо вызвать врача. Я знаю телефон, очень хороший врач, он все некрологи подписывает.

МАТЬ. Это инфаркт.

ОТЕЦ. В таком возрасте инфаркта не бывает. Где там ваш телефон врача?

НЮТА. Забыла.

ОТЕЦ. Тихо все!

Он держит Лямина за руку, глядя на часы и слушая пульс.

МАТЬ (*тихо*). Что?..

ОТЕЦ. Дай мне послушать пульс.

МАТЬ. А что я делаю? Я же тебе не мешаю.

Телефонный звонок.

ОТЕЦ. Что такое!

НЮТА. Телефон звонит.

ОТЕЦ. Никаких звонков! (*Слушает пульс.*)

НЮТА (*все же взяла трубку, тихо*). Да?.. Ну?.. Так. (*В голос.*) Идиот, надо сначала узнать все до конца, а потом звонить, дурак! (*Бросила трубку.*) Она живая, Леша! Ты слышишь?..

Под взглядом отца стихла. Отец снова, глядя на часы, берет руку сына.

МАТЬ (*не вытерпела*). Сколько?..

ОТЕЦ. Не знаю. Вообще-то пульс есть. Врача вызвали?

МАТЬ. Ты же сказал – никаких звонков.

ОТЕЦ. Что? Немедленно звоните в неотложку.

ЛЯМИН (*открывая глаза, повернулся*). Не надо.

ОТЕЦ. Погодите минутку. Он что-то сказал.

МАТЬ. Он сказал «не надо».

ОТЕЦ. Что «не надо»?

ЛЯМИН. Ничего не надо. Мне хорошо.

НЮТА. Лешенька! Любу спасли, все в порядке! Идиот Санька, не мог сначала все узнать, а потом звонить.

ЛЯМИН. А я испугался...

НЮТА. Из-за этой глупой дуры чуть не отправился на тот свет...

МАТЬ. Как ты себя чувствуешь?

ЛЯМИН. Очень хорошо. Я отдохнул. (*Хочет подняться.*)

МАТЬ. Лежи.

ЛЯМИН. Мне было очень хорошо. Мне показалось, что я умираю.

МАТЬ. Вот смотри, старый, ты все время злишься, нервничаешь, с тобой будет то же самое.

ОТЕЦ. Хотя бы сейчас оставь меня в покое.

ЛЯМИН (*беспокойно*). Нет, нет, не надо ругаться.

МАТЬ. Не будем, не будем. Юра, помолчи, ему нельзя волноваться.

ОТЕЦ. Это ты мне говоришь – молчи?

МАТЬ. С утра меня точишь. Я его прошу – давай хоть один день проживем спокойно.

ЛЯМИН. Нет, нет! Надо говорить о чем-нибудь другом. Сейчас, когда я лежал, мне пришла в голову мысль, что, собственно, ни один день не повторится, все пройдет: и плохое и хорошее. Так что и этот день не повторится, и вот эта минута тоже не повторится. Вам не приходило это в голову?

МАТЬ. Я все время ему это твержу, не хочет понять.

Внимательный взгляд заметил бы, что с Ляминим произошла какая-то перемена.

ЛЯМИН. Как хорошо, что мы все тут собрались, сидим вместе, как прежде, помните? По-моему, когда-то мы жили даже дружно. Или мне казалось?

МАТЬ (*Нюте*). Мы так интересно жили, что вам и не снилось. Если бы я только перечислила, с кем я разговаривала запросто, как сейчас с вами. Правда, когда они приходили к нам домой, они теряли все свое обаяние. Музыканты вообще глупые люди, а с ним становились особенно.

ОТЕЦ. Ну, ради твоего удовольствия я не мог держаться с ними запанибрата.

ЛЯМИН. Не надо, папа! Ты уклоняешься.

МАТЬ. Но только он ушел на пенсию, все эти гении перестали к нам ходить. Что же, они лауреаты, а он никто и ничто. А благодаря кому они лауреаты, этого уже никто не помнит.

ОТЕЦ. Это закон природы. Когда человек стареет, к нему перестают ходить в гости.

ЛЯМИН. А что, это идея. Давайте позовем гостей.

НЮТА. Сейчас? Какие гости!

ЛЯМИН. Позвони Сане, позвони Егорову. Папа, позвони своим лауреатам. Даже не надо в магазин – у нас ведь что-то есть.

МАТЬ. У нас есть, но это к празднику.

ЛЯМИН. Праздник тоже будет, потом. А сегодня посидим просто так. Нюта, включи радио, может быть, там музыка.

Нюта включила. Музыка.

ОТЕЦ (*подошел к динамику*). Концерт для скрипки.

ЛЯМИН. Вот видишь!

МАТЬ. Музыка. Всем нормальным людям доставляет удовольствие. Ему же она приносила только неприятности. Выговора, вечная угроза, что его понизят, снимут...

ЛЯМИН (*слушая музыку*). Странно, вот мы здесь сидели, разговаривали, ничего не слышали. А музыка была. А мы не знали, нам было неинтересно. И так – то и дело. Все проходит мимо.

МАТЬ. Леша, все проходит мимо, только если ты сам пропускаешь мимо. Вот тебя повысили в должности, это главное. Ты должен быть доволен, ты должен пользоваться теми возможностями, которые у тебя появились. А ты вместо этого...

ЛЯМИН. А может быть, то, что нам кажется важным, – это не так уж важно? А то, что нам кажется второстепенным, – это главное и есть? Тебе не приходило в голову?

МАТЬ. В каком смысле?

ЛЯМИН. Я не знал самых примитивных удовольствий, которыми пользуются все кому не лень. Я ни разу не был на футболе. Я не смотрел телевизор и, глупец, гордился этим. Стоит телевизор, а мы его не включаем. Кстати, где программа? Вот... Сколько сейчас? Пожалуйста, пропустили телеочерк «Машины-умницы».

МАТЬ. Зачем тебе, это же передача для школьников.

ЛЯМИН. Ну и что? Это же очень интересно. Двадцать пятнадцать. «Запевайте, орлы-комсомолцы» – могли быть неплохие песни. Ладно. Двадцать сорок. Трансляция концерта. Не люблю, когда так пишут: может быть, какая-нибудь ерунда, а может быть, что-нибудь стоящее... Раньше я думал, что эти слова: «Мементо мори» – звучат мрачно. Наоборот! Это весело! Это значит – умей радоваться жизни, умей забывать плохое и помнить хорошее. Не может быть, что у вас никогда не было ничего хорошего. Так не бывает!

МАТЬ. Теперь невозможно поверить, но когда-то я любила его, этого дурня. Помнишь, как ты меня пригласил и повез на извозчике? Я думала, мы едем по крайней мере в Большой театр, а он привозит меня в захолустное кино. Он вообще не любил оперу.

ОТЕЦ. Кино «Перекоп».

МАТЬ. «Аврора». Все забыл!

ОТЕЦ. Стала ужасная память, просто ужасная...

МАТЬ. А ведь когда-то у него была великолепная память, все удивлялись, какая у него память. Если бы у него был слух, он мог бы петь наизусть целые оперы.

ЛЯМИН. Вы говорите, говорите!

МАТЬ. Я знаю, я стала ужасная, все время его пилю. А когда-то я была веселая девушка, я вообще легкий человек в общении, со мной все уживаются. Я участвовала в самодеятельности, я умела делать фокусы! *(Она взяла со стола яблоко, накрыла платком, оно исчезло – и вынула из кармана мужа.)*

ОТЕЦ *(взволнован)*. Перестань!.. *(Поднялся и вышел из комнаты.)*

МАТЬ. Идем, старичок. Он уж хочет спать, в последнее время стал быстро утомляться... *(Тоже ушла.)*

НЮТА *(быстро)*. У нас так никогда не будет, как у них. Я клянусь. И ты поклянись. Скажи – клянусь.

ЛЯМИН. Клянусь.

НЮТА. Я все время думаю об этой загадке: почему ты на мне женился? Потому что ты порядочный человек? Провел со мной ночь и почувствовал себя обязанным? Думаешь, что со мной никто не проводил ночь? Но им почему-то и в голову не приходило на мне жениться.

ЛЯМИН. Нет.

Он подсел к ней, сосредоточенно глядя на ее лицо.

НЮТА. Подожди, ответь. Ты поддался настроению минуты, да?

ЛЯМИН. Нет.

Он так же смотрит на нее, время от времени с любопытством трогая ее ухо, щеку, волосы.

НЮТА. Ты хотел тихую, нетребовательную жену, чтобы с ней было спокойно, да?

ЛЯМИН. Вот тут я бы крупно ошибся.

НЮТА. А может быть, ты просто ошибся? Да?

ЛЯМИН. Нет.

НЮТА. Не хочешь же ты сказать, что ты меня безумно полюбил?

ЛЯМИН. Хочу.

НЮТА. За что же? Я не очень умная, и не очень добрая, и не очень красивая.

Лямин. Кто знает, может быть, это сделано специально.

НЮТА. Как специально?

ЛЯМИН. В древности торговцы драгоценностями держали камни негранеными. От воров.

НЮТА. Не понимаю.

ЛЯМИН. Ты – женщина замедленного действия. Ты не сразу начинаешь действовать на человека в полную силу. У тебя своеобразное, редкое лицо. У тебя очень удачно посажены глаза, они могут, не отвлекаясь, заниматься своей основной специальностью: поражать человека. Правда, ты слишком много суетишься. Есть чересчур беспокойные птицы: они все время охорашиваются, поют призывные песенки, а не знают, что главное их достоинство – это то, что они могут просто молча летать.

НЮТА *(торопливо)*. Леша, я тогда рассказывала, и, может быть, неуместно, во всяком случае, твои родители меня не так поняли. И главное – ты меня не так понял. Да, у меня есть

дочка, она уже большая, ей четырнадцать лет. Это была моя первая любовь, вернее, он меня любил. Мы даже чуть не поссорились, когда он уходил в армию... Ну, из-за чего можно поссориться с мальчиком, если я была нетронутая, а он не верил в мою любовь и что я буду ждать. И я его пожалела. А он из армии больше ко мне не вернулся, может быть, не верил, что это его ребенок. Один раз он ко мне зашел, много времени спустя, пьяный – хоть выжимай. Я его как ожгу по щеке... Вообще, знай, я ни об одном из тех мужчин, которых я знала, не могу пожалеть: жалко, это не муж мой. Подожди, я тебе еще хочу сказать. Я очень бедно жила. Дочку оставила у мамы, а там еще три мои сестренки, отца нет. Девочки для коровы сено без лошади таскают по пяти пудов, пилят дрова райпотребсоюзу. Придут из школы и отправляются в две пилы... Конечно, я их поддерживала. Хочется пойти в кино – не иду, трешка в кармане. Хочется чулки купить – не купишь. Хочется к ним съездить – не едешь. Понемногу сэкономишь, а вместе сумма. Ведь я ни разу в театре не была. Иногда даже есть возможность – денег жалко. Стала жадная на деньги. И вот теперь я думаю: ты жил один, а теперь у тебя я, и еще ты хочешь взять дочку, какая это для тебя материальная нагрузка...

ЛЯМИН. Нет, что за дикая несправедливость! Женщина всю свою жизнь пытается добиться только одного – она хочет найти человека, которому может понадобиться ее любовь. Она торопится, она то и дело ошибается, она пользуется всеми честными и нечестными способами, она стыдится этого!.. Нюта, давай оба думать только о том, чтобы тебе было хорошо. Будем решать только эту задачу.

НЮТА (*смищена, но независимо пожала плечами*). Обо мне? А что обо мне думать. Я сама о себе подумаю.

ЛЯМИН. Если я когда-нибудь не исполню твою просьбу или начну на тебя ворчать – сразу же на меня цыкни: «Скажи, мол, спасибо, что я согласилась жить в твоём доме. Тебе когда-нибудь снилось, что тебя полюбит такая женщина?»

НЮТА. Если это правда, все, что ты говоришь, то ответь мне на вопрос: кто эта проволочная дама в углу – та самая? Расскажи мне о ней.

ЛЯМИН. Зачем?

НЮТА. Я же тебе все рассказала... А впрочем, я и так все знаю. Ты думаешь, она тебя любила? Если и любила, то по-ученому, потому что ты стоящий человек, а не потому, что ее просто тянет.

ЛЯМИН. Вполне возможно.

НЮТА. А хочешь, я тебе скажу, как я называю ее поведение? Когда женщина живет с мужем, а любит другого? Семейная проституция. Если бы это не было все-таки произведение искусства, я бы взяла эту проволоку и смотала, чтобы не мозолила глаза.

ЛЯМИН. Не такое уж произведение искусства.

Нюта подошла к проволочной фигуре и начала медленно, воодушевленно скручивать ее.

Уже знакомая нам комната, где сейчас работают Саня и Егоров. Стол Любы не занят. Уже знакомая музыка делового дня.

В комнату вошел Лямин, за ним Нюта. Она смотрит на него беспокойно и весело.

ЛЯМИН. Хорошо, что я вас застал. У меня какое-то странное состояние, не могу так уйти домой, хочется что-нибудь предпринять, как-то нарушить однообразие. А знаете что? Давайте-ка соберем собрание.

САНЯ. Какое собрание, все уже разошлись.

ЛЯМИН. Ну и что? Кто остался, того и соберем. Нам же не нужен кворум.

САНЯ. В чем дело, люди работают!

ЕГОРОВ. Сами говорили, что надо проявлять инициативу, – вот мы и проявляем. И что? Сами же отвлекаете от дела.

ЛЯМИН. Рабочий день кончился, я имею право провести собрание!

ЕГОРОВ. Пойдите, значит, это не будет общее собрание? Какое же? Профсоюзное? Тоже не получается. По какому вопросу? Как-то странно.

ЛЯМИН. Вот видите, мы сами говорим о формализме и сами так же рассуждаем. Какое собрание? Собрание людей. По какому вопросу? По вопросу о том, как мы живем. Тут же все свои, все друзья.

ЕГОРОВ. А!.. Вы говорите – друзья. Почему же вы тогда не посмотрели мое выступление по телевидению? До такой степени не интересуется? Все смотрели, кроме вас.

ЛЯМИН. Видите? Вот это то, о чем я вам только что говорил. Абсолютное отсутствие заинтересованности друг в друге. И больше всех виноват я сам.

ЕГОРОВ. А говорят, я неплохо выступал. Есть отзывы. Решил все-таки сделать попытку написать воспоминания. Если выйдет – получу гонорар, куплю холодильник. Не знаю, какой лучше. «Морозко» неуместительный и энергии потребляет на два рубля. А если купить хороший, стоит дорого, зато энергии потребляет на восемьдесят копеек. Ну-ка попробую подсчитать.

ЛЯМИН. Ну зачем заранее подсчитывать, время тратить?

ЕГОРОВ. А я люблю подсчитывать. Меня всегда в квартире просят подсчитать, кому сколько платить за электричество. Это не так просто, как вам кажется. Надо учесть количество людей, количество электроприборов, кто был в отъезде...

Саня. Представляю, как вы там запутали все расчеты...

ЕГОРОВ. Там я не путаю. Там ошибок не прощают. Нет, интересно, если бы получились воспоминания, какой холодильник целесообразней купить?

ЛЯМИН. Послушайте, хватит. Что вы за человек, честное слово!

ЕГОРОВ. Что я за человек? А я такой человек, за которого никто этим заниматься не станет. Я всех потерял в войну, а сам все живу и живу.

ЛЯМИН. Ну зачем так, Иван Никифорович. Все же хорошо. Иван Никифорович...

Егоров ушел.

Это я виноват, довел старика.

САНЯ. При чем тут ты, он сам себя довел.

ЛЯМИН. Саня, давай съездим к Любе.

САНЯ. Что ты со мной делаешь? Ты же сам дал мне задание, я работаю, до человека будущего мне осталось совсем немного. И – вдруг.

ЛЯМИН. Саня, это необходимо. Она лежит и мучается, что все ее презирают.

САНЯ. Увы, сочувствия к ней я не испытываю. Из-за такого баракла отравиться!

ЛЯМИН. Нет, ты все-таки не отдаешь себе отчета в том, что произошло. Она пошучивала, мы посмеивались. Молчать она не могла, говорить о другом она тоже не могла, но, как интеллигентный человек, не хотела досаждать нам своими переживаниями. И вот она пошучивает, а мы посмеиваемся, и нас это устраивает. А в это время, представляешь, до чего она дошла? Перестать жить! Да, пускай жизнь – это только огонек, который появляется неизвестно откуда и вот-вот исчезнет. Но все равно! Нам свойственно ощущать эту жизнь как что-то важное, вечное, огромное!.. Ты меня понимаешь?

САНЯ. Ну?

ЛЯМИН. И вот именно поэтому человек начинает делать то, что заведомо не успеет кончить, что не ему даже понадобится, а другим поколениям людей, и то еще неизвестно...

САНЯ. Ну?

ЛЯМИН. Тебе это трудно, ты мыслишь в одной плоскости. Ничего, я тебе потом объясню, а сейчас надо идти.

САНЯ. Не пойду.

ЛЯМИН. Почему?

САНЯ. Я сказал... я не умею сочувствовать.

ЛЯМИН. Не надо сочувствовать, просто проведем.

САНЯ. Нет, надо сочувствовать. У нее несчастье – значит, надо сочувствовать. А я вообще не умею переживать. Сегодня был у своих старух. У них неприятности, а я сижу и не могу переживать, они обиделись.

ЛЯМИН. Может быть, ты стесняешься? В таких случаях всегда немного неудобно.

САНЯ. Ну да, неловко, когда надо что-то чувствовать, а ты ничего не чувствуешь, не знаешь, что говорить...

ЛЯМИН. Как ничего не чувствуешь? Ты работал с ней в одной комнате, вместе ходили в столовую, в кино, она с тобой всем делилась. Неужели тебе все равно?

САНЯ. Слушай, что тебе от меня надо?

ЛЯМИН. А теперь она лежит и страдает, что всем доставила столько хлопот. И что она не до конца отравилась, и получается какая-то инсценировка...

САНЯ. Похоже. Но что я должен в связи с этим предпринять?

ЛЯМИН. А мне кажется, ты можешь и не быть эгоистом, просто ты не пробовал.

САНЯ. Я не эгоист. Свои несчастья я тоже не умею переживать.

ЛЯМИН. Врешь.

САНЯ. Правда. Когда мне было пять лет, у меня умерла мать в больнице. Мне долго боялись об этом сказать, а я уже знал и только думал о том, как мне вести себя, когда скажут. Потом отец женился, меня взяли на воспитание соседки, две сестры. Вот эти самые старухи. Но когда кто-нибудь говорил, что я сирота, это мне было странно. Никаких чувств по поводу сиротства я опять же не испытывал. А теперь всем вдруг понадобились мои чувства, я всем должен быть благодарен. Прежде всего – старухам. Если бы у меня было счастливое детство – у меня, может быть, даже что-то получилось. Но я вспоминаю, как я три раза в день думал о том, как бы поменьше съесть. Старухи были не виноваты, они были деликатные, но бедные. А я виноват? Мало того, я должен испытывать чувства и к отцу, и к его жене, которая, как выяснилось, просто жить без меня не может. Давай цени то, давай люби то! Хорошо, я всем благодарен! (*Низко кланяется на три стороны.*) Благодарю вас! Благодарю вас! Благодарю вас! И оставьте меня в покое. (*Ушел.*)

Вошла Нюта.

НЮТА. Что у тебя тут?

ЛЯМИН. Все-таки я поразительно бестактный человек! Смотри, что получается: я лезу со своими советами, в чем-то всех убеждаю, и вот – Егоров сидит тихий, довольный, хочет поговорить с нами о холодильнике, а я вогнал его в тоску. Он же плакал, плакал слезами!

НЮТА. Нельзя перед всеми чувствовать себя виноватым. У тебя какая-то мания.

ЛЯМИН. А Саня? Я к нему пристаю, он в чем-то передо мной вынужден оправдываться. Кончилось тем, что он накричал бог знает что, потом ему будет стыдно...

НЮТА. Ты ни в чем не виноват, ты лучше всех.

ЛЯМИН. Нет, я дико бестактный человек, думаю только о себе. Или тогда, с Любой. Я решил стать волевым человеком. Я решил. И вот я никого уже не слышу и не вижу, я жернов, я готов перемолоть всех. Кто же попадает в это колесо? Люба. Ни в чем не повинная Люба, у которой несчастье. Куда там, какое мне до этого дело!

НЮТА. Не верти шеей!

ЛЯМИН. Оставь меня в покое.

Входит Куропеев. Он неловко улыбается, как взрослые улыбаются детям. Он готов в зависимости от обстоятельств высказать все в глаза или, напротив, обратить все в шутку.

КУРОПЕЕВ. А я звоню тебе домой – говорят, на работе.

ЛЯМИН. Садись, Коля, посиди.

Куропеев сел.

Ну как?

КУРОПЕЕВ. Что – как?

ЛЯМИН (*без особого интереса*). Ну, вообще...

КУРОПЕЕВ (*пожал плечами*). Вообще ничего. А ты?

ЛЯМИН. Я-то? Тоже ничего. Я хорошо.

КУРОПЕЕВ. Да, я же вас не поздравил!

ЛЯМИН. Поздравь.

КУРОПЕЕВ. Поздравляю. Мне и в голову не приходило, кто бы мог подумать!

ЛЯМИН. Действительно, никто не мог...

КУРОПЕЕВ. Теперь Анну Ивановну придется куда-то перевести.

ЛЯМИН. Придется.

КУРОПЕЕВ. А ты изменился, стал какой-то странный. Или, может быть, я отвык. Так-то вид у тебя хороший, спокойный. Сейчас это тебе нужно. Сейчас все зависит от тебя самого.

ЛЯМИН. Что – все? Что – все?

КУРОПЕЕВ. Будущее.

ЛЯМИН. Знаешь, Коля, я не гожусь для руководящей деятельности. Тут нужны какие-то данные.

КУРОПЕЕВ. Брось, годишься.

ЛЯМИН. И вообще. Если бы можно было два раза прожить, тогда куда ни шло, на первый раз можно устремиться по службе. А так? Ухлопать на это всю свою жизнь целиком? Абсурд.

КУРОПЕЕВ (*рассмеялся*). Силен. Но тогда скажи, что делать мне? Я вот получаю удовольствие именно от того, что делаю свое дело. И если меня ценят, мне приятно. Да, мне доставляет удовольствие, что сам Богунцев теперь оказался у меня в подчинении. Я ему говорю: «Почему вы такой толстый? Вы много едите? Я тоже много ем, но я не толстею. Потому что я думаю!» Проглотил.

ЛЯМИН. Вот в этом как раз твое несчастье. Природа дала тебе тщеславие, а способности придержала. Поэтому все твои понижения и повышения стоят тебе гигантского труда. И чем дальше ты будешь подниматься по лестнице, тем больше тебе будет не хватать способностей. Я раньше как-то не мог говорить с тобой откровенно. Мне с тобой всегда было трудно. Ты тащишь меня выпить, потрепаться, а мне выпивать с тобой еще труднее, чем заниматься твоими делами. Знаешь что, давай договоримся: иди своей дорогой, занимайся своими делами, желаю тебе успехов. Но отпусти ты мою душу. Я не хочу, чтобы ты меня любил, я не хочу, чтобы ты устраивал мою судьбу. Я не умею руководить и управлять! Я привык подчиняться и выполнять указания! В институте я был рядовой студент. В армии я был рядовой солдат. Я трудолюбивый, интеллигентный, любящий свою родину, необщественный человек...

КУРОПЕЕВ. Ты нахал и свинья, но я не обижаюсь. Дай мне неделю. Я подберу подходящего человека на твое место, а ты живи и радуйся жизни.

ЛЯМИН. Коля, ты мудрый, порядочный человек.

КУРОПЕЕВ. Но за это, Леша, у меня к тебе просьба. Последняя просьба. Но от этого для меня зависит очень многое.

ЛЯМИН. Говори.

КУРОПЕЕВ. Мне поручили доклад в очень высокой инстанции. Кстати, все благодаря той самой статье, которую мы с тобой тогда накропали!.. Не знаю, как тебя просить. Неужели у тебя нет желания, чтобы это осуществить? Как раз сейчас все может наконец осуществиться!

ЛЯМИН. Ерунда!

КУРОПЕЕВ. А я тебе говорю! Ты можешь считать, что я долдон. Но я хитрый, ты это знаешь. Я нюхом чувствую, время настает.

ЛЯМИН. Хорошо, допустим, я дам тебе свои соображения. Я подсчитывал и пересчитывал, думал и передумывал. Мне все время давали понять, что в этом никто не нуждается. Но я не мог остановиться. Однако если ты все выскажешь вслух, ты погиб!

КУРОПЕЕВ. Какое тебе дело? Ты что, меня жалеешь? Ведь нет?

ЛЯМИН. Нет.

КУРОПЕЕВ. Или ты боишься за себя? Ведь нет?

ЛЯМИН. Нет. *(Подумал. Решился. Достал из стола папку.)* Так ведь ты здесь ни черта не разберешь!

КУРОПЕЕВ. А я позвоню, спрошу. *(Волнуясь, развязал папку, посмотрел, завязал снова. Подошел к Лямину, обнял его.)* Спасибо! *(Ушел.)*

ЛЯМИН. Если все это осуществится, да еще при помощи Куропеева, это будет смешно. А впрочем, почему бы и нет? Бывало же так: что-то кажется человеку невероятным, невыполнимым, но вот кто-то сказал это вслух, и другой повторил, и его идея стала для всех простой и естественной, и даже странно, как это до сих пор ее никто не понимал! *(Светло улыбается.)* Итак – что?

НЮТА *(тоже улыбается)*. Что?

ЛЯМИН. Я понижен. Я снят. Я смещен. Ура!

Прошла неделя. Лямин в кабинете, который уже не принадлежит ему. Лямин пришел сюда помочь новому начальнику разобраться в делах. Заложив руки в карманы, он сидит на столе. Нюта тоже здесь. Место за столом пока пусто.

НЮТА. Видишь, когда он приходит на работу? А ты был начальник – все дрожал, что опоздаешь.

ЛЯМИН. Тебе я пока еще начальник, я только сдаю дела. *(Поцеловал ее.)*

НЮТА. Что ты, здесь нельзя...

ЛЯМИН. Что значит – нельзя? Чистая условность. Одному нельзя опоздать домой на полчаса, другому можно не приходить до утра, один погибает под грузом невыполненных обязательств, другой свободен, независим, ни перед кем не виноват. Почему? А потому, что «ветру, и орлу, и сердцу девы нет закона. Таков поэт. Как аквилон, что хочет, то и просит он, орлу подобно, он летает и, не спросясь ни у кого, как Дездемона, выбирает кумир для сердца своего».

НЮТА. Я знаю, это «Евгений Онегин».

ЛЯМИН. Не совсем. Да, надо еще попытаться, чтобы ты полюбила живопись.

НЮТА. Так-то я люблю. Может быть, не все понимаю...

ЛЯМИН. Понимать не надо. Нужна только непредвзятость и способность к широким ассоциациям.

НЮТА. Это, по-моему, у меня как раз есть.

ЛЯМИН. Тогда все в порядке.

НЮТА. Маленький, ты не обидишься, если я скажу свое мнение? Ты неправильно поступил. Ни о ком не подумал. Ведь только было что-то наладилось. Смотри, Саня стал почти доб-

росовестный человек. Егоров начал более или менее работать! Скоро вернется Люба!.. Ведь ты уже не юноша, ты за что-то отвечаешь, тебе кто-то верит... Не думай, что мне нужна твоя карьера. Если бы ты был дворником, мне было бы только лучше. Но ты умный, ты добрый, ты иногда понимаешь то, что другой не поймет... Это я, женщина, от любви становлюсь эгоисткой, ничего кругом не вижу. Но ты мужчина, ты не должен проходить мимо. Знал бы ты, сколько на земле горя! Что-то надо делать!.. Ты на меня не обиделся, что я тебя учу?

ЛЯМИН (*как бы между делом*). Да, насчет нового начальника. Тебе ничего не показалось? Насчет его внешности. Не только внешности, а вообще...

НЮТА (*присела рядом*). А что?

ЛЯМИН. Нет, это ты скажи что. А я скажу – то или не то.

НЮТА. Нормальная внешность. Довольно заурядная.

ЛЯМИН. Он ни на кого не похож из наших общих знакомых? Ну, скажем, на Куропеева? Или на Егорова? Или на моего отца? Или еще на кого-нибудь...

НЮТА. Я не приглядывалась, но, по-моему, он особенно ни на кого не похож... Дай мне еще почувствовать.

ЛЯМИН (*чем-то озабочен*). Что?

НЮТА. Что ты на меня не обиделся.

Лямин поцеловал ее.

В двери показался новый начальник, Муровеев. Это двойник Куропеева. (Роль исполняет тот же актер.) Он наблюдает происходящую сцену пристально и в то же время неловко улыбаясь, как взрослые улыбаются детям.

Нюта увидела его первая. Соскочила со стола, поправила прическу и вышла. Лямин смотрит на Муровеева, не отрываясь.

МУРОВЕЕВ. Ничего, ничего... (*Смущенно улыбнулся, сел на свое место.*) Могу только позавидовать. Вот наткнешься на такую сцену, и в голове начинают шевелиться вредные мысли: не бросить ли эту канитель, купить резиновую лодку и закатиться куда-нибудь на дикое озеро с такими вот окунями, а? Хотите, покупаем лодку на двоих? Вам это необходимо, вы же неврастеник!

ЛЯМИН. Не без этого.

МУРОВЕЕВ. Я вижу, я сам неврастеник. Ладно, вернемся к нашим баранам. (*Рассмеялся.*) Получилось двусмысленно, я не хотел. Итак, кто там у нас дальше по порядку? Чумак. Знаете, когда я получаю от него какой-нибудь документ, я начинаю дрожать. Я боюсь, что он путаник.

ЛЯМИН. Не бойтесь. Он много вкладывает в документ, но много держит в голове. Поэтому не сразу понятно. У другого в голове немного, поэтому все и понятно.

МУРОВЕЕВ. Есть не бояться, я вам верю. Так. А что являет из себя вот: Иванова Нелли Петровна. Она к нам откуда-то перешла, ее что, там уволили?

ЛЯМИН. Она ушла по собственному желанию.

МУРОВЕЕВ. Ну да.

ЛЯМИН. Нет, она ушла именно по собственному желанию. Ей далеко было ездить на работу, а у нее ребенок, утром надо носить в ясли.

МУРОВЕЕВ. У нее ребенок? Вот это да! Я был уверен, что она старая дева.

ЛЯМИН. Нет, она не старая дева. Я ее знаю, она по утрам ходит мимо нас в ясли. Очень славная женщина, у нее хорошие глаза. Но страшно замотана, с ней надо бы помягче...

МУРОВЕЕВ (*взглянув на него с любопытством*). А вы лирик, это хорошо. Физики и лирики. Теперь ваша комната. Кто там у вас? Конечно, разумеется, все это между нами. Никулина Любовь Владимировна.

ЛЯМИН. У Никулиной большое несчастье в личной жизни.

МУРОВЕЕВ. Знаю, знаю. Хорошо бы это несчастье не так сказывалось на работе. Вы не могли бы поговорить с ней на эту тему?

ЛЯМИН. Я поговорю. Но пока хорошо бы с ней поделикатнее, не надо так уж особенно...

МУРОВЕЕВ. С ней тоже помягче?

ЛЯМИН (*в затруднении*). Нет, вы наверняка не все знаете. Дело в том, что у нее большие переживания.

МУРОВЕЕВ (*опять посмотрел на него с веселым любопытством*). Ну да, вы это уже говорили.

ЛЯМИН. Но вам, наверное, не все известно.

МУРОВЕЕВ. Нет, дорогой, мне все известно. Так, кто там еще? Молодой Сучков.

ЛЯМИН. Саня Сучков очень способный. Понимает не форму дела – она иногда противоречит содержанию, – а суть дела.

МУРОВЕЕВ. Сучков – это тот хулиган?

ЛЯМИН. Какой же он хулиган?

МУРОВЕЕВ. Получил пятнадцать суток за хулиганство. Кстати, надо что-то предпринять. Товарищеский суд или что?

ЛЯМИН. Дело в том, что он избил мужа как раз этой Любы Никулиной. Для него этот поступок – по-своему благородный общественный акт. Так, наспех, это объяснить трудно. Но главное, это я хотел поговорить с вами о Егорове. Вот тут, по-моему, вы допускаете ошибку. (*Он торопится, он тревожится, что упустит, не предупредит Муровеева о важных обстоятельствах.*) Дело в том, что ему остался год до пенсии. А вы переводите его на меньшую ставку. Таким образом обрекаете на маленькую пенсию.

МУРОВЕЕВ. Таким образом – да. А что делать?

ЛЯМИН. Но это же несправедливо, он же справляется со своими обязанностями. И человек он необыкновенно интересный. Недавно выступал по телевидению с воспоминаниями о Гудзенко, очень успешно. Теперь пишет о нем книгу.

МУРОВЕЕВ. Но вы представляете, что будет, если я сразу же отменю свое собственное решение? Это, как говорит наша уборщица, сослужит плохую службу на пользу дела.

ЛЯМИН. Я представляю! Но надо искать какой-то выход.

МУРОВЕЕВ. Милый мой! Простите, что напоминаю, но вы немножко посидели за этим столом. И вы видите, чем это кончилось. Зачем же вы толкаете меня на тот же гибельный путь? Подождите, я вас слушал. И знаете, что странно? Вы так умеете входить в положение всех окружающих, это даже трогательно. Почему же вы не хотите войти в мое положение? Я новый человек, мне трудно. Мне нужно завоевывать авторитет. Мне нужно как-то вести себя, проявить на новом месте... К тому же я, сознаюсь, немного пообтрепался. Кстати, есть идея: взять вопросы планирования – сейчас это актуально – и толкнуть популярный очерк. Толкнуть в «Технику молодежи» или в «Юность» – почему об этом должны писать какие-то халтурщики, а не мы с вами? Это же наш хлеб. Мне говорили, что в этом направлении вы соображаете. Вот нам и первый вклад на лодку.

Лямин смотрит на него неподвижно, не отвечая. Он ошеломлен фантастическим сходством с Куропеевым.

ЛЯМИН. Я не ловлю рыбу...

МУРОВЕЕВ (*засмеялся*). Ну, лодка – это фигурально. Что, вам вообще деньги не нужны? Ему предлагают деньги, а он не берет. Прямо в руки, на! Не хочет. Обеспеченный человек!

ЛЯМИН. Николай!

МУРОВЕЕВ. Вы – мне?

Лямину кажется, что он поймал, уличил своего собеседника, что он вот-вот раскроет чью-то хитроумную авантюру.

ЛЯМИН. Коля! Это ты!

МУРОВЕЕВ (*испугался*). Что с вами?

ЛЯМИН (*подозрительно смотрит на него, постепенно убеждается, что тот испугался искренне*). Я оговорился... Но вы знаете так похожи на Куропеева...

МУРОВЕЕВ (*засмеялся*). На Николая Степановича? Почетно. Слышали, какой он сделал доклад?

ЛЯМИН. Ерунда, по этому поводу у меня уже есть новые мысли...

МУРОВЕЕВ (*ирония*). Вам видней... Фамилии-то у нас похожи, это да. Муровеев – Куропеев. Но от разных корней. (*Спел.*) Но я московский муравей... Знаете Окуджаву? Итак, я не понял, мы договорились?

ЛЯМИН. Нет, нет...

МУРОВЕЕВ. Да почему же?

Лямин задумался. Сморицился, замотал головой.

ЛЯМИН. Нет, нет...

МУРОВЕЕВ. Что – нет?

ЛЯМИН. Я боюсь, что мы вообще не сможем договориться. Вы меня не слушаете, не понимаете, не хотите понять.

МУРОВЕЕВ. А мне кажется, что вы меня не слышите.

ЛЯМИН. Я слышу. Но мне это все не нравится. Нет, вы неподходящий человек. Нет, этого нельзя допустить.

МУРОВЕЕВ. Чего нельзя допустить? Вы не один в комнате, говорите так, чтобы вас можно было понять.

ЛЯМИН. Вам придется подыскать себе что-нибудь другое. Сейчас это нетрудно.

МУРОВЕЕВ. Вы бредите, зачем мне другое, я назначен сюда, уже подписан приказ!..

ЛЯМИН. Подписан приказ? Подписан приказ. Что же делать?

МУРОВЕЕВ. Вам видней.

ЛЯМИН. А кто подписал приказ?

МУРОВЕЕВ. Какая разница. Управление, Куропеев.

ЛЯМИН. Это сложно, это сложно. Вы не знаете его телефона?

МУРОВЕЕВ. Посмотрите, у вас, наверно, записан где-нибудь.

ЛЯМИН (*нашел, набрал номер*). Николая Степановича... Занят? Занят. Пускай освободится. Скажите, Лямин просит.

МУРОВЕЕВ. Вы наивный человек...

ЛЯМИН (*в трубку*). Коля? Здравствуй, это я. Мне надо с тобой поговорить... Нет, именно сейчас. Коля, друг мой, ты допустил ошибку! Кого ты к нам прислал! Да почему же невозможно? При желании все возможно! Поздно? Почему поздно? Нет, Коля, ты меня недопонял! Подумай, Коля, о своей судьбе! О своей!..

Занавес сдвинулся, а Лямин все кричит, уже за занавесом, уже и слов не разобрать.

С любимыми не расставайтесь!

Дело о разводе

СУДЬЯ. Лаврова, вы поддерживаете иск мужа о расторжении брака?

КАТЯ. Нет.

СУДЬЯ. А вы, Лавров, не изменили свое решение?

МИТЯ. Не изменил.

СУДЬЯ. Лавров, вы когда-нибудь задумывались, что значит для человека любовь, семья?

МИТЯ. Не задумывался.

СУДЬЯ. Это уже не легкомыслие, а какой-то цинизм, наплевательское отношение к жизни. Да не только к своей, а к жизни своих будущих детей, будущего поколения. Вы когда-нибудь задумывались, что у вас могут быть дети?

МИТЯ. Нет.

СУДЬЯ. А следовало бы подумать. Лавров, расскажите суду, что у вас там случилось? В чем главная причина?

МИТЯ. Несходство характеров.

СУДЬЯ. Это общая фраза.

МИТЯ. Невозможность создать семью. Нет ничего общего.

СУДЬЯ. Он пьет?

КАТЯ. Не так уж. Вообще-то не пьет.

СУДЬЯ. Он вас бил?

КАТЯ. Что?..

СУДЬЯ. Лаврова, а вы как считаете, почему ваш муж настаивает на разводе?

КАТЯ. Он считает, что я ему изменила.

СУДЬЯ. Он правильно считает?

КАТЯ. Это не имеет значения.

СУДЬЯ. Как же – не имеет значения? Изменили вы ему или нет?

КАТЯ. На этот вопрос я отказываюсь отвечать.

СУДЬЯ. Ваше право. Но имейте в виду, что вы это делаете во вред себе. Может быть, отложим решение вопроса?

МИТЯ. Для меня вопрос решен окончательно. Семьи тут не будет. Давайте сразу.

Ирина и Митя

ИРИНА. А я все думала: позвоните или не позвоните? Если бы вы знали, что со мной происходило вчера. Когда все сидели и хохмили, а вы встали и вышли – я тоже встала и пошла за вами машинально. Потом спохватилась и вернулась. И я себе сказала: «Какое свинство, ушел и не попрощался».

МИТЯ. Почему же вы так сказали? Мы как будто и не здоровались?

ИРИНА. А я вот сказала. А потом оказалось, что вы еще не ушли. Я тогда совсем воображение потеряла. А вы вдруг говорите: «Только не уходи. Я всегда ухожу последний».

МИТЯ. Там все инженеры оказались с высшим образованием. Так-то по заводу всех знаешь...

ИРИНА. А ты не заметил, там половина были дураки? Один сидел в углу умный, так лучше бы тоже дурак был.

Дело о разводе

СУДЬЯ. В прошлый раз ваше дело было отложено, вам дали время для примирения. Ответчик, встаньте. Вы пытались восстановить хорошие отношения?

КОЗЛОВ. Она уехала к матери, а мне туда нельзя появляться.

СУДЬЯ. А вы бы хотели сохранить семью?

КОЗЛОВ. В принципе конечно.

СУДЬЯ. Вы любите свою жену?

КОЗЛОВ. Да, очень.

СУДЬЯ. А вы, истица, встаньте. Любите своего мужа?

КОЗЛОВА. Люблю.

СУДЬЯ. А хотели бы семью сохранить?

КОЗЛОВА. Разумеется. У нас чудесный ребенок.

СУДЬЯ. У вас ребенок. Сколько лет?

КОЗЛОВА. Два года.

СУДЬЯ. Ребенку два года. Видите?

КОЗЛОВА. Но при таком муже это просто невозможно. У него искаженное мнение обо мне.

КОЗЛОВ. Мнение жены обо мне такое же.

КОЗЛОВА. Господи, как не совестно...

КОЗЛОВ. Не будем сейчас.

КОЗЛОВА. Хорошо, не будем.

СУДЬЯ. Когда у вас начались нелады? Почему?

КОЗЛОВА. Причин много. Я даже не знаю. Границы не было, постепенно. Ни разу меня с работы не встретил. Стал нагло себя вести, будить меня, выяснять отношения.

СУДЬЯ. Он ведь учится на вечернем?

КОЗЛОВА (*обернувшись к мужу*). Другие почему-то и оттуда вовремя возвращаются.

КОЗЛОВ. Вот так у нее все. Кто-то сказал, позвонил. А оказывается, и не звонил вовсе.

КОЗЛОВА. Звонили!

КОЗЛОВ. Один раз задержался на сорок минут с группой своей...

КОЗЛОВА. Я за него волнуюсь. Жду, меня трясет всю, когда приходит, я плачу. А он предпочитает отмалчиваться. А как-то проучить его, не разговаривать, например, по неделе, я не могу.

СУДЬЯ. А вы что скажете, ответчик?

КОЗЛОВ. Я считаю, жить надо нормально. Один раз пришел поздно – она царапаться! Предупредил: буду все время поздно приходить. Постоянно подозревает – не верю я тебе. Меня это злило. Было один раз основание. Так я же сделал выводы. Подала заявление, даже не ожидал. В суд, и все!

СУДЬЯ. Вы можете что-то сделать, чтобы исправить положение?

КОЗЛОВ. Видно, не подходим мы друг другу. Разные точки зрения буквально по всем вопросам. Скандалы.

СУДЬЯ. Ну и что? Нет людей во всем одинаковых. Это было бы невыносимо скучно.

Митя

Митя позвонил в дверь. Монтер открыл ему.

МОНТЕР. Все спят, отваливай.

Митя прошел в комнату. Она была увешана фотографиями.

Ты что, пьяный?

МИТЯ. Не твое пил.

Фотографии были самые разные: одни выполнены художественно, другие забавно, не обошлось и без обнаженной натуры.

Твоя работа?

МОНТЕР. Ну моя.

МИТЯ (*увидел среди других фотографий и головку своей жены*). Кого я вижу! Супруга. Что же ты ее так скромненько?

Монтер пригляделся, оценивая качество фотографии. Митя и это понял не так. Замахнулся. Монтер уклонился.

МОНТЕР. Да что вы ко мне пристали! (*Пошел на Митю.*) А ну, отвали отсюда, кретин!

Митя взял со стола стамеску.

Ага, умелец. Ничего, умельца сделаем.

Но тот был уже за столом. Словно бы играя, Монтер стал толкать стол на Митю. На столе лежал рапиэль. Митя схватил его.

МОНТЕР. Ну, это ты брось. Это холодное оружие.

Митя швырнул рапиэль. Монтер закатал рукав, посмотрел.

Так. Теперь жди повестку. За нанесение повреждения холодным оружием есть статья.

Дома

Не разговаривать друг с другом было бы глупо. Пока они живут в одной квартире, надо сохранять нормальные отношения. Сейчас их отношения лучшие, чем прежде, сейчас они идеально нормальные.

Митя читает книгу. Катя читает журнал «Юность», кусает булку.

КАТЯ. Тебе там не темно?

МИТЯ. Нет, все в порядке.

КАТЯ. Как же в порядке, ты ничего не видишь.

МИТЯ. Почему, я все вижу.

КАТЯ. Может, лампу подтянуть?

Митя поднялся.

Ты не понял, мне это не нужно. Я хочу, чтобы тебе было удобней.

Некоторое время они читают молча.

МИТЯ. Ты что сухую булку ешь? Возьми, там у меня колбаса, масло есть.

КАТЯ. Зачем, я могу сама в «Гастроном» сходить.

МИТЯ. Зачем ходить, когда все есть. Смешно. Ну, откупишь мне завтра пятьдесят грамм колбасы.

Зазвонил телефон.

КАТЯ. Да? Сейчас. Тебя.

Митя поднялся с раскладушки, взял трубку. Это была Ирина.

ИРИНА. А теперь я решила тебе позвонить. Ничего?

МИТЯ. Ничего.

ИРИНА (*передразнила*). Ничего. Ну что же, будем довольствоваться этим. А я сегодня должна была уехать на Украину. У меня ведь отпуск уже два дня! Решила – не поеду.

МИТЯ. Ну, зачем же это.

ИРИНА. Тебе неудобно разговаривать?

МИТЯ. Я перезвоню.

ИРИНА. Тогда прости.

Позвонили в дверь. Катя пошла открывать. Вернулась с немолодой женщиной.

ЖЕНЩИНА. Я по объявлению.

КАТЯ. По какому объявлению?

МИТЯ. Это я дал объявление. О размене комнаты. Прости, я тебе не успел сказать, но ведь рано или поздно надо разъезжаться. Учти, все будет зависеть только от тебя. Если тебе понравится. Я лично согласен на что угодно.

КАТЯ (*женщине*). Проходите, пожалуйста, садитесь.

ЖЕНЩИНА. Вот это ваша квартира?

КАТЯ. Там кухня.

ЖЕНЩИНА. Боюсь, что мой вариант вам не подойдет. У нас не отдельные комнаты в разных районах, а одна большая, тридцать метров, но разделенная капитальной перегородкой. Фактически две комнаты. Перегородка почти капитальная и почти звуконепроницаемая.

МИТЯ. Что значит – почти?

ЖЕНЩИНА. Почти совсем ничего не слышно. Дело в том, что мы с сестрой эту перегородку сами поставили. Мы решили так: у человека должно быть место, где он может отдохнуть, где он будет один. Причем действительно, как только мы поставили перегородку, я стала человеком. Я в любую минуту могу пойти в гости, но когда я возвращаюсь – я одна.

МИТЯ. Тогда зачем же вам съезжаться?

ЖЕНЩИНА. Дело в том, что у меня так сложилась жизнь, что нет семьи. Так что теперь моя семья – это, по существу, моя сестра. И вот, казалось бы, пустяк – перегородка. Но это значит – отдельный вход, отдельное хозяйство. Чашки там, ложки тут. Я не ожидала, что это будет так грустно...

МИТЯ. Зачем же вам менять квартиру? Проще сломать перегородку, и будет одна комната.

ЖЕНЩИНА. Вот в том-то и дело, что ликвидировать эту перегородку невозможно. На это нужно специальное разрешение, а нам его не дают. Оказывается, когда мы ставили перегородку, мы должны были взять на это разрешение. А мы не подумали и не взяли. И значит, теперь они не могут дать разрешение, чтобы ее снять.

КАТЯ. Почему не могут?

ЖЕНЩИНА. Это как раз понятно. Как они могут дать разрешение снять перегородку, которую они не разрешали ставить! Я и права не имела на это! А теперь надо идти к инспектору. Но инспектор все равно не разрешит.

КАТЯ. Зачем же идти, если все равно не разрешит?

ЖЕНЩИНА. А затем, что я должна получить отказ.

КАТЯ. А зачем вы должны получить отказ?

ЖЕНЩИНА. А затем, что, когда я получу отказ, я смогу обратиться дальше.

КАТЯ. Так, может быть, сразу обратиться дальше?

ЖЕНЩИНА. Пока я еще не могу обратиться дальше, потому что у меня еще нет резолюции.

КАТЯ. Да неужели нельзя им объяснить?

ЖЕНЩИНА. Что я могу объяснить, когда я сама виновата!

КАТЯ. Вот и объясните, что вы сами виноваты.

ЖЕНЩИНА. Это они сами мне объясняют, что я сама виновата.

КАТЯ. А теперь вы просите вам помочь.

ЖЕНЩИНА. А зачем они будут мне помогать, если я допустила нарушение!

МИТЯ. Что вы, ей-богу, из ерунды делаете проблему. Хотите, приду в воскресенье и поломаю вам эту перегородку?

ЖЕНЩИНА (*смеется*). Как вы ее поломаете, она же почти капитальная!

МИТЯ. Ломать – не строить.

ЖЕНЩИНА (*смеется*). А бревна куда? Вот такие бревна!

МИТЯ. Бревна во двор.

ЖЕНЩИНА (*смеется*). Но они будут там все загромождать!

МИТЯ. Не будут, их кто-нибудь унесет.

ЖЕНЩИНА. Куда унесет?

МИТЯ. Перегородку ставить.

ЖЕНЩИНА (*возбужденно*). А что, вполне возможно... Взять сломать. Снести, и все. И действительно, кто-нибудь возьмет и поставит перегородку у себя. Прекрасный дуб... Вот у вас проблема посерьезней. Разменяться на две комнаты в разных районах – это сейчас непросто. Я не спрашиваю, почему вы разъезжаетесь...

Ответа не было, но женщине не хотелось уходить.

Что делать, это жизнь. Сначала встречи. Что ни день, то встреча... Потом – расставанья. Годы идут... С одним человеком, с другим человеком. Добро бы с чужими – с друзьями! Добро бы с друзьями – с близкими! Казалось бы, зачем расставаться с близкими? Ради того, чтобы потом расстаться со всеми вместе?.. Что же, простите за беспокойство.

КАТЯ. До свиданья...

Женщина ушла.

Мог бы и со мной посоветоваться. Объявление дал. И много таких объявлений написал?

МИТЯ. Много.

КАТЯ. И где расклеить – указал?

МИТЯ. Указал.

КАТЯ. Все расклеил или еще остались?

МИТЯ. Еще остались.

КАТЯ. Может, вместе пойдем расклеивать?

МИТЯ. Можно и вместе.

КАТЯ. Пускаешь пузыри, изображаешь из себя спокойного.

МИТЯ. А что волноваться.

КАТЯ. Ну деловой. Ну маклер. Раньше бы свою деловитость проявил, получили бы двухкомнатную квартиру.

МИТЯ. Какой я делец. Твой приятель, вот этот любитель-фотограф, – вот кто делец.

КАТЯ. Кто тебе дал право так о нем говорить? Что он тебе сделал плохого?

МИТЯ. Я из-за него с женой развелся.

КАТЯ. Ты сам себя развел.

МИТЯ. Кто где ночевал? Я? Или ты? Ты думала, что домой пора?

КАТЯ. Я все время думала: который час? Двенадцать уже! А потом думаю: чего это я трясусь? Никто не трясется, а я трясусь.

МИТЯ. Ничего не знаю. Моя жена не ночует дома. Наставляет мне рога.

КАТЯ. Какие рога?

МИТЯ. Ветвистые. Что я должен думать о своей жене?

КАТЯ. А что ты должен думать, если она твоя жена и ты ее любишь?

МИТЯ. Вот любовь – это не надо.

КАТЯ. Современный человек! Как девчонка ведешь себя. Все остались, и я осталась.

МИТЯ. Все это все. А ты – жена.

КАТЯ. А жена – это, значит, клетка? Мое, да?

МИТЯ. Значит, для тебя это была клетка. Что ж ты раньше не говорила? Я бы тебя выпустил, летай!

КАТЯ. Мужчина! Взял бы дал по морде. Удерживай! Если ты муж, так воспитывай. А то раз – в суд повел.

МИТЯ. Молчи. Еще слово скажешь, пульну чем-нибудь. По башке по твоей пульну!

КАТЯ. Раньше надо было пулять. Сейчас я тебе никто.

МИТЯ. Ты этого хотела.

КАТЯ. Я этого не хотела.

МИТЯ. Почему? Хотела. За что боролась, на то и напоролась. Теперь ты свободная женщина, я свободный человек. Всем хорошо.

КАТЯ. Зачем тогда женился?

МИТЯ. Дурак был. И все дураки, кто женится. Написать бы всем на лбу букву Д, и пускай смотрят на себя в зеркало.

КАТЯ. Вот я сейчас возьму и уйду.

МИТЯ. Иди.

КАТЯ. Смотри, я иду.

МИТЯ. Иди, иди. Только ты вещи забыла.

Катя стала собирать в сумку вещи.

Значит, собираешься?

КАТЯ. Собираюсь.

Митя отнял у нее сумку.

Не трогай меня руками!

МИТЯ. Нет, давай поговорим. Почему именно ты уходишь? Это твоя квартира, оставайся. Вон твоя скатерть, бабушка подарила. Тут твое все. А я к Славке пойду. Где мое белье, где рубашка? Ничего нет. Вот видишь, какая ты у меня хорошая хозяйка!

КАТЯ. Нет уж, оставайся ты. Телефончик дал уже, уже звонят тебе. Тоже по обмену?

МИТЯ. Знакомая звонила.

КАТЯ. И любая от тебя уйдет. И знакомая твоя уйдет. Пусти.

Митя выскочил из комнаты, прихлопнул дверь с другой стороны.

Катя дернула за ручку, крикнула:

Пусти меня!

МИТЯ. Сиди. Я уйду.

КАТЯ. Ты уйдешь, и я уйду. Оставлю дверь открытой, пускай обокрадут.

Митя вошел в комнату, швырнул Катю на тахту. Она заплакала.

Дело о разводе

СУДЬЯ. Фамилия?

ЛАРИСА (молоденькая, по-школьному пухлая). Керилашвили.

СУДЬЯ. Образование?

ЛАРИСА. Восемь классов.

СУДЬЯ. До этого состояли в браке?

ЛАРИСА. С Цветковым Юрием.

СУДЬЯ. Причина расторжения данного брака?

ЛАРИСА. Он не работает, не учится и мне не дает. Меня всячески унижал, жили мы плохо. Говорил, что я проститутка, что он меня за три рубля купил. Разве можно так? Потом все эти оскорбления, которых я совершенно не заслужила...

СУДЬЯ. Муж пишет в своем объяснении, что вы собираетесь вернуться к своему первому мужу.

ЛАРИСА. Просто он слышал телефонный разговор и построил на этом всякие нелепицы.

СУДЬЯ. Давид Керилашвили, встаньте. Вы поддерживаете иск жены о расторжении брака?

КЕРИЛАШВИЛИ. Я не согласен, какие она указала причины. Здесь причины совершенно другие.

Он небольшой, в красивой бежевой курточке. Приятное, тоже невзрослое, лицо.

СУДЬЯ. Почему вы не работаете?

КЕРИЛАШВИЛИ. Я работаю, но на дому. По состоянию здоровья.

СУДЬЯ. Чем же вы так больны?

КЕРИЛАШВИЛИ. Я четырнадцать лет лежал в гипсе, у меня был туберкулез. Граждане судьи, поймите одно, она не такая уж плохая девушка. Товарищи судьи, я ее любил и люблю сейчас.

СУДЬЯ. Почему же вы не давали ей учиться?

КЕРИЛАШВИЛИ. Граждане судьи, она сказала вам неправду, но она не виновата. Вот здесь сидит ее мать. Лариса это все ее слова говорит. Она своей дочери так сказала: пускай его

родители построят вам кооперативную квартиру. Она думает, что грузины богатые. А грузины есть разные, есть богатые, есть бедные. А раз нет квартиры, так я ей не нужен!

СУДЬЯ. Истица, он правду говорит?

ЛАРИСА. Вообще он не любит меня.

СУДЬЯ. Но вот он утверждает, что любит вас.

ЛАРИСА. Нет, он меня не любит.

КЕРИЛАШВИЛИ. Нет, люблю, и ты это знаешь!

ЛАРИСА. Нет, не знаю.

КЕРИЛАШВИЛИ. Ты знаешь через моих звонков, которые я тебе звонил!

СУДЬЯ. Керилашвили, почему вы считаете, что ваша жена хочет вернуться к своему первому мужу?

КЕРИЛАШВИЛИ. Сама она не хочет вернуться. Она порядочная девушка. Это все ее мать. А потом будет три несчастных человека.

МАТЬ. Не будет! Она Юрия Цветкова любит. Ушла от него по легкомыслию – и вот возвращается. Там хотя бы не будет лжи. А Керилашвили, его родители, обещали перед свадьбой: купим вам кооператив.

СУДЬЯ (*прервал ее*). Не умеете вести себя в суде – покиньте зал.

ЛАРИСА. Если бы он меня любил, хоть что-нибудь придумал! Почему мы должны жить троим!..

КЕРИЛАШВИЛИ. Товарищи судьи! Но я жену ни в чем не обвиняю. Она не свои слова говорит. Она не думает так. Если у Ларисы есть три сердца – одно для первого мужа, другое – для меня, а третье еще для кого-то... По-моему, у человека должно быть одно-единственное сердце! Товарищи судьи, я хочу сделать дополнение.

СУДЬЯ. Пожалуйста.

КЕРИЛАШВИЛИ. Товарищи судьи, я прошу удовлетворить ее ходатайство. Пускай у нее будет хороший муж. Пускай у нее будет хороший кооператив. Пускай у нее все будет! И счастье пускай будет!

СУДЬЯ. Суд удаляется на совещание.

Керилашвили и Лариса стояли и тихо разговаривали, мать Ларисы молча смотрела на них, потом не выдержала:

Ну сколько можно! Двухличная! Двухличная!

Но они стояли, не слушая ее.

ЛАРИСА. Иди, мама.

МАТЬ. Двухличная!

ЛАРИСА. Иди отсюда!

Митя и Ирина

МИТЯ. Девушка, разрешите с вами познакомиться.

ИРИНА (*обернулась, счастливо и нежно воскликнула*). Разрешаю! Я очень хочу с вами познакомиться!

МИТЯ. Но я давно уже здесь. Два раза других за тебя принимал.

ИРИНА. Они были лучше меня?

МИТЯ. Пока нет.

ИРИНА (*грустно*). Ты какой-то шептун. Сам не знаешь, чего хочешь. А вокруг ходят и бегают девушки и чем-то беспокоят... И это неправильно, нехорошо, неуважительно, обидно, несправедливо... Сегодня утром я испугалась, что меньше тебя люблю. А потом в четыре часа вдруг стало так по тебе тоскливо!

Митя взял ее руку, погладил.

Не смей. У меня сейчас сердце выскочит.
МИТЯ. Идем ко мне.

Она подняла к нему голову, взгляделась, кивнула.

Дома Митя включил телевизор, спросил:

Чаю хочешь?
ИРИНА. Не уходи, посиди здесь.

Он сел.

По-моему, ты не только боишься поверить, что я тебя люблю. Ты все еще боишься поверить, что и ты меня любишь. Я ведь от тебя ничего не требую. Хочешь, будем, как в школе, дружить. Хочешь, будем как за границей. Я твоя девушка. Вот так. (*Села Мите на колени, обвила его вокруг шеи.*)

МИТЯ. Хочу так.

Стукнула дверь. Они оторвались друг от друга, обернулись. Это была Катя. Она смотрела на Ирину. Та не отвела взгляда.

КАТЯ. Прости, я не знала, что ты не один. Забыла тут кое-что.

Стала искать, выдвигала ящики, открывала дверцы шкафа.

Митя и Ирина сели на два стула перед телевизором. Смотрели, не видя.

КАТЯ (*нашла кофточку, сложила*). Будут письма, принеси в общежитие.

И ушла.

Митя и Ирина сидели перед телевизором, как и при Кате, отдельно. Но что-то и объединило их.

Дело о разводе

СУДЬЯ. Причина развода?

НИКУЛИН. Несовместимость характеров.

СУДЬЯ. Сколько лет состоите в браке?

НИКУЛИН. Двадцать четыре года.

СУДЬЯ. Двадцать четыре года. Что же у вас сейчас случилось?

НИКУЛИН. Мы пришли к выводу, что настоящего чувства между нами нет.

СУДЬЯ. Какие у вас претензии к жене?

НИКУЛИН. Никаких претензий.

СУДЬЯ. Где же тогда ваша несовместимость? В чем она заключается?

НИКУЛИН. Товарищ судья, это сложный вопрос. Об этом психологи пишут книги.

СУДЬЯ. У вас есть сын?

НИКУЛИНА. Это мой сын. Муж его усыновил.

СУДЬЯ. У отца с ним нормальные отношения?

НИКУЛИНА. Чудесные.

СУДЬЯ. У всех чудесные отношения, а вот что получается... Никулина, вы согласны на развод?

НИКУЛИНА. Согласна.

СУДЬЯ. Согласны. А потом локти будете кусать. Целую жизнь прожили вместе, и вот остаетесь одна... Не знаю, оснований для развода нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.